

Когда оживают легенды,

или путевые заметки учителя географии, который отправился в путь на велосипеде.

Цените слух, цените зренье,
Любите зелень, синеву,
Всё, что дано вам во владенье
Двумя словами: «Я живу».
Любите жизнь, покуда живы
Меж ней и смертью только миг
А там не будет ни крапивы,
Ни роз, ни пепельниц, ни книг.
И Солнце даже не заметит,
Что в глубине каких-то глаз
На этой маленькой планете
Навеки свет его погас.

С.Я. Маршак.

От автора.

Как-то так получилось, что моя жизнь накрепко связалась со школой. Это произошло не случайно – сработали гены. Родители мои и бабушка учителя. И географию я любил всегда, как любят верного и доброго друга. А география – предмет не совсем кабинетный. География нуждается в просторе, ветре, зелени лесов и синеве морей. Она требует дороги и пересечении меридианов и параллелей не только по карте. Зовёт увидеть солнце, висящее точно над головой, почувствовать запах бриза на губах, проверить существование полярной ночи.

Эта книга о путешествиях и впечатлениях. Я не пытаюсь удивлять или восхищать, нет! Я просто стараюсь в пути видеть, слышать и анализировать, и приглашаю к диалогу читателя.

Мне повезло. За годы путешествий я ни разу не нарвался на террористов и боевиков, сообщениями о которых просто пестрят репортажи теленовостей, избежал нападений бандитов и воров. Нет, мне приходилось бывать в очень щекотливых ситуациях. Приходилось уносить ноги из селений австралийских аборигенов, и из «чёрных» районов окраин Нью-Йорка, Сан-Франциско и Колумбуса. Был, что называется, «на волосок», во время выяснения моей «непринадлежности» к миру гринго в Мексике заросшими мексиканскими мачо, ковыряющими в носах огромными ножами-мачете и прятался от пьяных «краснокожих» в Южной Дакоте. Но это скорее исключения из правил и об этих эпизодах я вспоминаю не часто.

Я не искал золото апачей и ацтеков, у меня никогда не было желания рыскать по сельве в поисках белых индейцев и затерянных городов и моё повествование может показаться скучным любителям острых ощущений. Но я взбирался на Китайскую стену и пирамиды древних индейцев, спускался в каньоны Сьерра-Мадре, Колорадо и Голубых Гор, купался в Ботаническом заливе – там, где впервые ступил на берег Австралии Джеймс Кук, и в Мексиканском там, где корабли Кортеса подошли к линии прибрежного покрытого пальмами берега Мексики. Обнимал могучие секвойи и эвкалипты, рассматривал в пригорошнях воду всех «цветных» морей Земли. Вместе с учениками стояли мы у Ниагарского водопада, курили «трубку мира» с индейцами, считали ступени венецианских мостов, пересекали Скалистые горы, Аппалачи, Арденны, Аппенины. Карабкались в перевалы Альп и крутили педали по Золотому кольцу России.

Все путешествия, все маршруты, описанные в книге, пройдены на велосипеде. Я не знаю, почему выбрал именно велосипед. Это получилось как-то само собой. Скорость передвижения прямо пропорциональна затраченным усилиям, и иногда майку просто приходится выжимать от пота, как выжимают бельё после полоскания. В одиночных путешествиях только ветер бывает непрошенным взбаломошным спутником. Он то оказывает помощь, толкая в спину своей мягкой лапой, и тогда расстояния словно искусственно уменьшаются, то, внезапно взбесившись, становится злым и беспощадным, швыряя в лицо то песок, то снег, то осыпая дождём. Он заставляет призывать на помощь все силы ощущая себя пылинкой, затерянной посреди бескрайних просторов Земли.

Пускаться в путь одному с минимумом средств дело рискованное. Почти каждое путешествие является авантюрой чистой воды. Сколько раз мои потенциальные компаньоны пасовали перед стартом,

отказывались лететь за океан и я вынужден был встречать новую страну в одиночку. Как поётся в одной детской песенке «...легко на гладкой карте стрелку начертить...», легко чувствовать себя героем сидя дома. А когда попадаешь в давящий со всех сторон чужой мир, орущий, кричащий на непонятном языке, требующий денег, напряжения всех сил есть от чего поддаться панике. Каждое новое путешествие подобно прыжку в водоворот, когда не знаешь – удастся ли без потерь выбраться на спокойную воду.

Человеку, который стремится к духовному совершенствованию на определённых жизненных этапах нужна помощь извне, нужен толчок. Для меня таким толчком стали путешествия. Я сумел обнаружить такие тайники своих возможностей и способностей, куда вряд ли смог бы добраться не будь этих путешествий. В пути, когда все силы напряжены, и пребывают в этом напряжении долгое время, не ослабевая ни ночью, ни днём, видимо, включаются в работу резервы не только физических но и что наиболее ценно, духовных сил человека, приоткрывая «тайную дверь», которую в обыденной жизни человек может искать бесцельно годами.

Эпиграфом к книге я взял стихотворение С.Я.Маршака. Человеческая жизнь коротка – в лучшем случае несколько десятков лет и я рад, что именно путешествия помогли мне понять, что жизнь прекрасна. Она прекрасна сейчас, каждую минуту, каждую секунду и счастлив человек, который живёт.

Я желаю всем читателям счастья, любви и удачи!

Китайским маршрутом.

Пролог.

Прогресс неумолим, как любят говорить экономисты. Благодаря ему сама суть путешествий видоизменилась. Благодаря современным средствам транспорта попасть в любую точку Земного Шара сейчас легко. Нет тех расстояний, которые пугали наших предшественников в далёком и не очень далёком прошлом. Я не помню, почему выбрал для путешествий именно велосипед. Что бы быть на равных с расстоянием и просторами Земли, наверное. По моему великому убеждению именно велосипед даёт уникальную возможность прочувствовать необозримость равнин и высоту гор, увидеть смену природных зон и климатических особенностей, и при этом относительно быстро передвигаться. В моих рассказах ничего сенсационного нет и быть не может, ведь я просто еду на велосипеде, и просто кручу педали. Это способ, который даёт мне возможность понять самого себя, понять людей, с которыми сводит дорога, увидеть сохранившиеся традиции, обычаи. Многие люди мечтают в юности узнать как можно больше о своих неосознанных, неиспытанных возможностях. Чаще всего вопросы эти остаются открытыми навсегда.

Моим первым путешествием за рубеж явилась поездка в Европу. Считается, что Зарубежная Европа не очень большой по площади регион мира. Но всё познаётся в сравнении. На территории, которую занимает Франция, уместится более пятнадцати таких регионов, как наша Ульяновская область, Германия вместит десяток, Италия – ещё восемь. Вот и судите сами, что такое небольшая старушка-Европа. Хватает здесь гор и равнин. Вот лесов немного и реки не столь чисты, как, скажем на нашем Байкале. Природа сильно изменена человеком. Не мудрено. На протяжении нескольких тысяч лет существовали здесь самые различные цивилизации. Франки, галлы, арабы, греки, римляне.... Не перечислить всех. Пережила Европа и периоды расцвета, и периоды упадка. Здесь закончили жизнь в страшной нищете великие люди, подарившие величайшие открытия человечеству. Чудовищные войны сотрясали Европу со времён Ганнибала и Цезаря. Здесь возвеличивали за самую бесстыдную ложь и сжигали на кострах за правду и за само право называться человеком. Бывали времена страшных болезней и времена чёрной инквизиции. Множество самых разных культур переплелись в тугой Гордиев узел на этом куске суши, площадью в пять миллионов квадратных километров, но каждый народ как за нить Ариадны держится за свою самобытность и не спешит с ней расставаться. Да и как расстаться, если сейчас эта самобытность приносит стойкий доход и в государственную казну, и в личный карман практически каждого жителя. Европа – главный регион международного туризма сейчас. Путешествовать по Европе в настоящее время нетрудно. Для нас – велопутешественников, проложены великолепные велосипедные дорожки, покрытые ровным асфальтом, нередко пролегающие по живописным местам, вдали от основных дорог. Сеть магазинов и кафе обеспечат питанием, а специально обустроенные кемпинги, помогут с комфортом устроиться на ночлег.

В Европе мне пришлось бывать дважды. Первый раз я попал туда лет десять назад. Маршрут путешествия огромной восьмёркой связал Берлин, Лейпциг, Париж, Люксембург, Варшаву, Зелена Гуру. Я пытался оценить свои физические и психологические возможности в этом путешествии. Не обошлось без курьёзов. Однажды, во время очень сильного встречного ветра меня обогнал трактор, я пристроился за ним, спрятался от ветра. Трактор был большим, загородил весь вид, и я, на некоторое время потеряв ориентировку, в итоге уехал со своей дороги куда-то далеко в сторону. Опомился лишь тогда, когда ширина дороги уменьшилась

до двух метров, а тракторист, остановившись и выпрыгнув из кабины, вежливо объяснил мне, что он, конечно, рад приветствовать меня на своей ферме, но незваный гость, как говорится..., не самый лучший гость. Пришлось поворачивать назад и, путаясь в многочисленных дорожках местного значения выезжать полями в нужном мне направлении. Я был неоднократно в гостях, но самое удивительное приглашение получил во Франции, недалеко от небезызвестного города Реймса. Я ехал неспеша по дороге, и вдруг впереди совсем неожиданно притормозил небольшой микроавтобус. Из него вышел молодой, прилично одетый человек, остановил меня и, ни слова не говоря, закинул мой велосипед к себе в багажник. Попросил сесть в машину, для того, что бы поехать к нему домой в гости. Я поблагодарил его за это странное приглашение и согласился. Во время знакомства неожиданной темой разговора стало обсуждение французских фильмов и артистов. Я вообще-то очень люблю французское кино, знаю многих артистов по этим фильмам и все двадцать километров до дома Шарля (так звали моего неожиданного знакомого) мы кричали друг другу улыбаясь и пожимая руки:

-А Луи-де Фюнес!

-А Жан Маре!

-А Бурвиль!

-А Жан Поль Бельмондо!

И так далее. Перебрали всех артистов, и все названия фильмов. Дома он познакомил меня со своей женой и сыном, причём на подъезде к дому он всех соседей, что называется, «на уши поднял», крича во всё горло, что привёз русского и приглашает соседей разделить торжественный обед, который состоится по случаю этой самой встречи.

Где-то в середине путешествия я отравился и целых два дня ничего не ел, несмотря на то, что сумки были забиты продуктами и фруктами, но малейшая мысль о еде вызывала приступ тошноты. Я пытался найти домик Жана Маре в Париже, проклиная себя за забытый дома адрес артиста. Едва перейдя границу Германии и Польши, я попал в район, где властвовала вода взбесившегося Одера. Целых двенадцать километров дорога бежала посреди воды, лишь метр насыпи был не тронут водой.

Второй раз мы прошли по девяти европейским государствам больше трёх тысяч километров группой школьников совсем недавно....

После той памятной первой поездки в Европу мечта о кругосветном путешествии, ожила с новой силой. Уже не представлялось таким уж безнадежно трудным предстоящее мероприятие. Уже снились далёкие Кордильеры и Великие пирамиды. И всё же, для естественного и последовательного продолжения знакомства с Западом видится Восток. Естественно, что называется, «взять» все страны Азии сразу, не получится. Моей цели больше всего подходит Китай. Если удастся «стянуть» маршрутом Жёлтое и Балтийское моря, это уже будет что-то очень интересное.

В эту загадочную страну стремился ещё древнегреческий учёный, отец географии Геродот. Именно он оставил потомкам полусказочные описания восточных стран, окутал Восток дымкой тайн, и его описания до сих пор будоражат головы людей. Сюда, после долгих странствий добрался знаменитый венецианец Марко Поло, рассказами своими несколько не уменьшив интерес к этой стране. Волшебная империя Хань влекла к себе отважного Христофора Колумба и величайшего русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского. Страна изобретателей пороха и компаса. Страна величайших строителей и путешественников, врачей и астрономов. Страна, которая сейчас так стремительно бежит вверх в своём развитии. Мне удалось пройти на велосипеде через весь северо-восток современного государства, пройти своим ходом от побережья Жёлтого моря до Забайкальска. Конечно, Н.М. Пржевальскому приходилось труднее, ведь не было в те времена столь хороших дорог, что пересекли страну в настоящее время. Но ведь и мой транспорт не автомашина, а велосипед! Посвятил эту поездку 150-летию Русского Географического общества и всем русским географам – путешественникам. Первоначально хотелось пройти маршрутом от Жёлтого моря до своего посёлка, но получение визы несколько затянулось, и в итоге пришлось отправиться в путь месяцем позже. Я набил добрую половину сумки сувенирами – деревянными ложками и другими безделушками, упаковал тщательно велосипед и восточный экспресс помчал меня на восток в Пекин. Я поколесил по Великой Китайской равнине, взбирался на Великую Стену, купался в Жёлтом море и в реке Сунгари, пересёк хребты Большого Хингана и Внутреннюю Монголию. В Китае случилась масса интересных приключений, встреч, случаев. И в самом конце путешествия, во время перехода Российско-Китайской границы, какой-то китаец-торговец, получив утвердительный ответ на вопрос, понравилось ли мне в его стране, спросил о том, где же лучше, на мой взгляд, - в Китае или России и был очень рад моему молчанию.

Начало пути.

Мне удалось пройти на велосипеде через весь северо-восток современного государства, пройти своим

ходом от побережья Жёлтого моря до Забайкальска. Конечно, Н.М. Пржевальскому приходилось потруднее, ведь не было в те времена столь хороших дорог, что пересекали страну в настоящее время. Но ведь и я не на автомашине путешествовал. Посвятил эту поездку 150-летию Русского Географического общества и всем русским географам – путешественникам. Первоначально хотелось пройти маршрутом от Жёлтого моря до своего посёлка, но получение визы несколько затянулось, и в итоге пришлось отправиться в путь месяцем позже. Ну что ж, что ни делается, всё к лучшему, как говорится. Зато увидел осень там, на краю Земли. Увидел сбор урожая, а ведь государство-то аграрное и земледелие, это основа жизни многих и многих простых жителей страны. Почему-то у меня всегда возникают некоторые неприятности при пересечении границы. Видимо наши пограничники, и служащие таможи не упускают любой возможности «выцыганить» хоть какие-то деньги у отбывающих за рубеж. И главное, ведь никакие доводы не помогают в оправдание. Не обошлось без ЧП и на этот раз. Российские пограничники в последнем перед Монголией городке Наушки, хотели посадить меня с поезда, на котором я ехал в Пекин, на место старта путешествия, из-за отсутствия в паспорте монгольской транзитной визы. Никакие доводы не помогли. И лишь когда я понял, что с меня требуют деньги, пришлось принять «круговую оборону». Под курткой на мне была одета майка с логотипом нашей областной «Народной газеты». И вот она-то и явилась своеобразным оружием против произвола пограничных рэкетигов. Заявив, что являюсь внештатным корреспондентом этой газеты, и завтра у них будут неприятности с прессой, удалось заставить их поставить мне штамп в паспорт. Станным мне показались притязания пограничников, ведь так, или иначе, за транзитную визу без всяких проблем, в обязательном порядке я заплатил монголам на въезде в эту страну в Сухэ-Баторе. Я стал беднее на тридцать долларов, но, за то никаких эксцессов больше не возникло. Весь день за окном поезда была Монголия. Самое большое из государств мира, не имеющих выхода к морю. Когда-то оно было ещё больше по площади, о чём говорит название одной из провинций Китая – Внутренняя Монголия. Ни единого распаханного участка. Огромные незаселённые территории. Изредка встречающиеся юрты кочевников. Рабочие – железнодорожники в форменных тужурках, надетых поверх национальной одежды, передвигающиеся на лошадях вдоль насыпи. Стада верблюдов, коров и лошадей спокойно пасущихся вдалеке. И необозримый, бесконечный простор, на сколько хватает глаз. Очень захотелось сюда вернуться, для того, что бы познакомиться со страной вплотную. Нельзя забывать о том, что мы живём в 21-ом веке, и их, просторов таких, диких и почти незаселённых, остаётся всё меньше и меньше. Пройдёт совсем немного времени, и они исчезнут навсегда.

Незаметно пролетает день пути по Монголии, и поздно вечером я прохожу ещё одну границу, на этот раз китайскую. Всё, скоро Пекин, который является для меня сейчас местом старта нового путешествия. Через считанные часы я окунусь в страну, на которую смотрю пока из окна поезда. Несёт нелёгкая за тридевять земель! И что дома-то не сидится!

Пекин, или, как его называют китайцы Бейджин, это огромный ультрасовременный город, разбитый на квадраты, и сориентированный по сторонам горизонта. Заблудиться довольно сложно. В случае необходимости всегда поможет определить местоположение солнце. Первое что поражает, что бросается в глаза сразу, это обилие велосипедистов. Складывается впечатление, что велосипед, это ведущий вид транспорта в Пекине, а езда на велосипеде является главным способом передвижения по городу. По всему городу проложены не велодорожки, а настоящие велодороги, которые иногда шире, чем автотрассы. Многие велосипеды имеют номера, как автомашины. Есть они грузовые, с телегами на рессорах, на которых их владельцы перевозят массу груза – такую груды, что представить трудно. Целые горы угля, бревен, каких то тюков. Велорикши могут доставить вас в любую часть города. Велосипеды самые разные, в основном это какие то колымаги – тарантасы, которые не моются их владельцами, наверное, никогда. Уж такое впечатление складывается. Любят китайцы сигнальничать, у каждого на руле звонок, у рикш пять скрепленных вместе, да еще колокольчики. У машин сигналы, как у паровоза, и вот все сигналят – от велосипедиста и таксиста, до машиниста, и это непрерывно. Такое впечатление, что они предупреждают окружающих, одновременно не обращая ни на кого внимания, вот, мол, и я еду, смотрите на меня все. Контраст во всем. Соломенная, традиционная шляпа и современный смокинг, крыша китайского образца и современный небоскреб. Мне не надо специально присматриваться, для того, что бы увидеть учение Конфуция, то есть деления людей на сословия. Это, заметно, везде и во всем. Мусорщики общаются с мусорщиками, велорикши обсуждают последние новости с людьми своего сословия, своего круга.

В лавке.

Во всех частных лавочках и магазинчиках идёт бойкая торговля. Китайцы торговаться любят, просто невероятно! Называют цену сначала в три – четыре раза больше, чем стоит объект продажи. И, кажется, абсолютно теряют интерес к человеку, который берёт у них товар не торгуясь. Я решил взять какую-то

безделушку в одной из лавчонок. Мне удалось сбросить начальную цену раз в десять. И даже на самого себя со стороны смотреть было смешно, так всё выглядело. В той лавке, которая привлекла моё внимание, в глаза в первую очередь, бросился товар. Это различного рода статуэтки, подвески, и тому подобные объекты продажи. Они расставлены и развешанные таким образом, что на них падает нужное количество солнечного света. Краски яркие и выразительные. Сам продавец остаётся как бы на заднем плане. А уже потом, когда он видит, что заинтересованный покупатель останавливается перед лотком и начинает что-то с интересом рассматривать, он появляется из тени, со своей хитрой физиономией. И начинается торг. Стою, смотрю, выбираю. Фигурки интересные, скорее всего ручной работы. Раскрашены красиво. Продавец следит за моим взглядом, и ловко выхватывает из груды изделий именно ту фигурку, которая меня заинтересовала.

- Ловко у тебя получилось, - говорю ему по-русски, он, естественно, кивает головой в знак согласия и тут же начинает тщательно упаковывать фигурку китайца-музыканта. – Стоп, стоп, - я останавливаю его движением руки, - сколько? – и я показываю ему пальцами руки, собранными в щепоть жест «стоимость», широко известный и применяемый в нашей стране. Не понимает, приостанавливается чуть, кивает головой и вытащив из под стола ещё один лист бумаги продолжает старательно закутывать статуэтку.

- Юаней сколько? Хау мач? – и я показываю на калькулятор. Китаец опять улыбается, кивает головой и быстро выбивает цифру «20».

- Пакс, - говорит он.

- Двадцать долларов, ты что, спятил? – кручу у виска пальцем, стараясь разыграть настоящее возмущение. Он улыбнулся, как мне показалось, предвкушая интересное представление, и предложил назвать свою цену.

- Один доллар, - говорю, - ван бакс, - и для того, что бы быстрее дошло моё предложение до китайца, поднимаю вверх указательный палец. Китаец даже ладошки потёр друг о друга с удовольствием.

- Нет, - говорит, - ты большой, белый господин, а вещь дороже стоит. Доллар, очень маленькая цена.

- Я из России, - говорю, – я не господин, и у меня мало денег, – и делаю вид, что собираюсь уходить.

- Ну, ладно, тебе, как русскому скидка, – и показывает мне на калькуляторе сначала десять, потом шесть, четыре доллара. Видя, что я смеюсь и никак не реагирую на его коммерческие выходы, сбрасывает цену до двух долларов. Я достаю из кошелька пять юаней, что соответствует примерно пятидесяти центам и протягиваю их владельцу лавочки.

- Нет, ты же говорил, что твоя цена доллар, - с очень хорошо разыгранным негодованием доказывает мне торговец. К этому моменту я уже как-то подробно и внимательно рассмотрел его. Он невысокий, с очень коротенькой стрижкой и лукавыми глазами, одетый в не броскую одежду коричневого цвета. Китаец, и есть китаец! Глаза узкие, ежесекундно улыбается, отчего мелкие-мелкие морщинки разбегаются веером от края глаз к вискам. Куртка висит на нём, как на плечиках вешалки, а рука в запястье настолько тонкая, что кажется переломить её не стоит никакого труда. «Как он руки себе не поломал до сих пор? И вообще, в чём у него душа держится?»

- Не хочешь, дело твоё, - говорю я, и делаю вид, что собираюсь уходить. На третьем или четвёртом шаге тот меня догоняет, просит остановиться и принимает условия. Мне эта статуэтка была не нужна, я просто так, ради интереса и из любопытства затеял всю канитель. Но теперь уж отступать нельзя. Протягиваю ему пять юаней, а он мне статуэтку. Благодарим друг друга и расходимся. Я иду дальше, мой велосипед рядом, держу его за руль, везу, сам смотрю по сторонам. Странно. На каком языке мы разговаривали? Смесь никуда не годного английского языка и жестикуляции? И познания в английском языке у нас с китайцем, были примерно одинаковы. Послушала бы в этот момент меня моя мама – учитель английского, пожалуй, двойку бы постеснялась поставить. Но, тем не менее, мы с продавцом поняли друг друга, достигли цели.

В городе. Великая Стена.

В государственных магазинах цены стабильные и, как мне показалось, несколько ниже рыночных. И торговаться здесь не принято. Языковой барьер, как Китайская стена. Мало кто из китайцев знаком с английским языком. Объясняться приходится всё больше жестами. Хотя я не боюсь такого общения. Когда люди хотят понять друг друга, можно общаться и, не зная языка. Мне показалось, что жители поднебесной, уважают и помнят Мао Цзэдуна. В мавзолее, что на площади Тяньаньмэнь, всегда народу видимо – невидимо. «Как в Китае», сразу такая шутка напрашивается. Поражает огромное количество людей в форме. Это охранники, которые охраняют все что можно, регулировщики на улицах и военные. Хотя вооруженных людей в форме не видел ни разу. Велосипедисты правила дорожного движения выполняют с неохотой.

Частенько они вообще игнорируют регулировщиков. На одном из перекрёстков я был свидетелем следующего момента. Зажёгся красный свет. Перед переездом скопилась огромная масса велосипедистов. Один, самый бойкий из них, сделал попытку проскочить на красный свет. Попытка не удалась, и он был водворён на своё место, резким свистком и суровым жестом регулировщика. Я находился в этой толпе, нетерпеливой и стихийно непокорной. Терпение этой массы закончилось секунд через десять. Не дожидаясь жёлтого света и не обращая внимания на автомашины, толпа рванула вперёд. Напрасно регулировщик пытался сдержать её. Не помогли ни свисток, ни форма, ни строгое выражение лица. Через двадцать секунд, перед светофором и при горящем красном свете, осталось лишь два человека, - я и регулировщик. Парень в форме смотрел на меня, как мне показалось, виноватым и извиняющимся взглядом. Пожал плечами и махнул мне рукой, мол, проезжай и ты. Глаз выхватывает среди общей суеты большого города многое. Вот велорикша женщина везет солидного и габаритного мужчину. Тот сидит с серьёзным и невозмутимым видом. Колясочка простенькая, открытая, чем-то напоминающая обыкновенное корыто для стирки, с обычной поперечной доской, вместо сидения. Обычно велорикши как-то облагораживают и украшают коляску, что бы она привлекала желающих, воспользоваться такого рода услугами. Мягкие сидения на двоих, занавески с кистями, создают впечатление комфорта. Цена невелика, а желающих проехать довольно много. Цепь и звёздочки у такого транспортного велосипеда очень мощные, рассчитанные на большую нагрузку. Но женщина – велорикша, это, всё-таки аномалия. Большинство велорикш, это мужчины. Я еду дальше. Мне всё интересно, и сейчас, пока не наступило пресыщение впечатлениями, всё окружающее и происходящее, очень четко отпечатывается в голове. Глаз выхватывает что-то необычное, по ходу дела сортируя увиденное. Парикмахер прямо на улице стрижет очередного клиента. Я делаю попытку сфотографировать процедуру, но клиент шумно возмущается такой наглости белого туриста, и следит, что бы я не сделал снимок скрытой камерой. Продавец лепешек, расхваливая свой товар, едет, не спеша по улице. Лепешки у него в специальной стеклянной, закрытой со всех сторон витрине, которая укреплена в передней части велосипеда. Лепешки необычайно вкусные и дешёвые. Именно они стали самым главным продуктом питания во время моего китайского путешествия. Вот ослик везет свою поклажу, как это было тысячу лет назад, а рядом, обгоняя его, проносится современный джип. Контраст – это сама жизнь страны. Прогресс идёт вперёд полным ходом, где-то ломая, где-то сохраняя старые устои и традиции.

Как-то надо выходить из положения. Ведь ни одно слово на китайском языке, в моём произношении не поймёт ни один китаец. Ещё, чего доброго и побьют ненароком. Выход из положения помог найти Кирилл Сенаторов, представитель авиакомпании «Волга – Днепр» в Пекине. Именно он дал мне визовую поддержку, и благодаря авиакомпании я попал в Китай. Кирилл предложил написать письмо китайскими иероглифами, где был описан мой маршрут, его цели и задачи. В письме говорилось и обо мне. Он же написал нужные мне фразы и слова иероглифами на листе бумаги. Такие, например, как «кипяток», «сколько стоит» и тому подобное. Теперь любой грамотный китаец сразу поймёт кто я такой и что мне нужно. Сделал ксерокопии нужных мне страниц атласа автомобильных дорог и схем городов, через которые проляжет мой путь. Вроде бы подготовился к маршруту основательно, но волнение не покидает меня на всём протяжении пути из Пекина. Хорошая всё-таки планировка у этого города. Выехать за его пределы очень просто. Я держу направление к Великой стене, так хорошо известной еще со школьной скамьи. Всего отреставрировано для туристов три участка ее. В местечках Бадалин, Мунтинью и Шанхайгуань. Китайцы во время реставрации немного увеличили размеры стены. И она кажется ещё больше и величественнее. Мой путь лежит в Мунтинью, которое находится километрах в восьмидесяти от столицы. На подъезде к деревеньке с этим названием, очень живописные места, горы, строения, с характерными крышами, необычные для моего, пока ещё не привыкшего к такому ландшафту, глаза. Это граница Великой Китайской равнины. А Стена, это граница древней империи Хань, древнего Китая. И вот, наконец, ОНА! символ и гордость китайского трудолюбия! Первое впечатление, когда забрался на нее – колоссальное сооружение, грандиозное, грандиознейшее! Уму не постижимо! Сколько труда потрачено здесь, сколько должно было людей работать на стене, сколько лет ушло на строительство! Одно дело читать о ней, и совсем другое видеть её перед глазами. Сколько строителей погибло и замуровано... Двойное чувство. В эти горы люди таскали камни, землю, непонятно, зачем. Что это? Напоминание о величии страны? Или памятник – свидетель человеческой выносливости, изобретательности, а, может быть, глупости? Но, так, или иначе, её можно смело назвать восьмым чудом света. Я на стене! Вот она. И уходит в даль, на сколько позволяют видеть ее горы. Тянется на запад более чем на пять тысяч километров. Уходит по гребням гор и даже, только для того, что бы попасть на неё, нужно подняться вверх на целую тысячу метров. Здесь существуют всякого рода подъемники, и туристы активно пользуются ими. Некоторые из них спускаются по лестницам собственными ногами. Туристов, в основном иностранных, очень много. Я поднимался своим ходом, пешком. Те люди, которые спускались, увидев меня, хлопали в ладоши, поднимали большой палец вверх, в

общем всяческом образом выражали свой восторг. Не многие решаются на такой шаг, слишком уж это утомительно. На самой Стене много местных жителей, одетых в национальные костюмы, эпохи династии Цинь. За небольшую плату, они предлагают сфотографироваться с мечом или алебардой в руках. Можно надеть какой-то из предлагаемых костюмов. Когда-то на уроках истории нам рассказывали, что по стене могли проехать несколько всадников, вставших в ряд. Это действительно так, ширина позволит, но не стоит забывать о том, что Стена тянется по гребням гор. То, ныряя вниз, то, взбираясь круто вверх и поэтому на лошади можно проехать только мысленно. Мне предстоит ещё раз встретиться с Великой Китайской Стеной у Жёлтого моря. В том месте, где было начато её строительство, и где находится равнинный участок Стены.

Дальше на восток. Общение.

А пока мой путь лежит дальше на восток, к побережью Желтого моря. Я огибаю горы и двигаюсь по северной части Великой Китайской равнины. Вокруг ландшафт, абсолютно, полностью изменённый человеком. Поля, поля. Кукуруза, соя, перец. Непривычно видеть поле, засеянное, на сколько хватает глаз, перцем. Ни посадочки, ни лесочка. Дома крестьян, тянутся вдоль дороги, без конца. Сами крестьяне, как муравьи, копошатся на своих полях. Ещё солнце не взошло, а они уже работают. Всё, что можно, распахано, всё, кроме неба. Но складывается впечатление, что была бы возможность, китайцы и небо вспахали бы. Ехать вперёд нетрудно, равнина, и ветра почти нет. А вот найти место для того, что бы поставить палатку – проблема. Почти невозможно. Плотность населения необычайно высока. Но я правилам своим не изменяю, на ночёвку встаю под открытым небом. После захода солнца, до абсолютной темноты есть полчаса. За это время нахожу какой-нибудь клинышек растительности – группу кустарников, деревьев, где можно поставить палатку. Днём её, конечно, сразу было бы заметно. Но ночи здесь тёмные, хоть глаз коли. А поднимаюсь я ранёхонько, ещё до восхода солнца, поэтому наткнуться на палатку, и увидеть меня могут только совершенно случайно. Сентябрь. День примерно равен ночи. Выспаться успеваю до отвала. Но короткий световой день позволяет проезжать в среднем лишь 150 – 160 километров, хотя я в этом году подготовлен физически отменно.

Начинаю осваиваться потихоньку. Китайцы, оказывается дружелюбнейший народ. Проезжая мимо, обязательно посигналят мне, европейцу. Очень многие не поленятся остановиться, выскочить из машины, потрясти меня за руку, сказать, как я понимаю, слова дружбы. Кто-то угощает фруктами, водой. Зовут в гости, и всерьёз обижаются, когда я отказываюсь. А всё очень легко объясняется. Понятно, что я не преминул воспользоваться первым же приглашением в гости, ведь это необходимый атрибут любого путешествия. Всё было необычайно интересно. Дом, куда меня пригласили, имеет глиняные стены, как, впрочем, и многие дома в деревнях. После дождя стены такого дома плывут, и их нужно постоянно чинить. Чинят очень просто. Берут лопату, замешивают глинистый раствор и подравнивают стену. Крыша покрыта соломой. В общем, сделан дом крестьянина из подручного материала. Внутри, в самом доме, невероятный контраст! Пол либо кирпичный, либо земляной. Дом разделён на две половины, мужскую и женскую. В центре очаг и казан, пищу готовят на живом огне. В углу стоит телевизор «Сони» и видеомэгафон. В другом углу, деревянные вилы, ещё дедовские, наверное. Во дворе с одной стороны ослик привязан, в повозке – серпы лежат, которыми работают на полях, с другой стороны стоит машина «Тойота». Пойди, разберись! В глазах хозяев бесконечное дружелюбие, и желание вложить гостю добрую энергию всю, без остатка. Но китайская пища, которой пытались меня напичкать «до упора», заставила не злоупотреблять гостеприимством. Непривычна она для моего желудка. Мясо и личинки каких-то жуков со специями, да плюс ко всему, находящиеся под сладким сиропом. Жареная, и, как мне показалось, не совсем свежая рыба, политая соусом со специфическим запахом (запахом ядрёной помойки), и некоторые другие блюда. После первого обеда из национальных блюд, я не мог на пищу смотреть два дня. Единственное, что пришлось мне по вкусу, это китайская выпечка. Признаюсь, таких печёностей, как в Китае, я не ел никогда. И в дальнейшей своей поездке по Китаю, «кормился» в основном выпечкой. Но общение наше происходило исключительно при помощи языка жестов. Хотя в самом начале встречи, я показал письмо, которым меня снабдил Кирилл Сенаторов. Пригласившие меня в гости, оказались людьми грамотными и прочитали его. Один из мужчин взял письмо в руки и стал читать, а остальные уселись в круг, и внимательно слушали, выражая жестами своё восхищение. После прочтения письма хлопали меня по плечу, жали руку и подсовывали самые большие куски различных кушаний.

Еду вперёд. Незаметно, как-то приблизилось Жёлтое море. Город Бохайвань, что находится на берегу, является отправной точкой маршрута сего года. Поясню. Хочется пройти кругосветку, всё-таки. Не сразу, а этапами. И вот, если я начну сейчас свой путь от Жёлтого моря, и пройду дорогами Китая до границы с Россией, а затем и дальше, до Байкала, получится неплохой кусок пути, который, можно будет соединить с другими этапами, пройденными ранее. В моём активе Белое и Чёрное море есть. И вот теперь я на берегу очередного цветного моря. Отсюда мой путь лежит дальше, на север, вдоль побережья, к городу, с

пятимиллионным населением Шэньяну. Въезжаю в город Шанхайгуань, откуда было начато строительство Великой Китайской стены, и в этом же городке находится самая старая её башня. Далее Стена взбирается на горы, и тянется по горным хребтам. Уже не реставрированная, с полуразрушенными стенами и деревьями, растущими по верхней площадке. Мне рассказывали, что останавливаться на ночёвку у полуразрушенных участков очень неудобно. Как будто души умерших не дают ночью покоя живым.

Вдоль моря ехать приходится по курортной зоне. Густота населения – дикая. Ещё больше, чем на Великой равнине. На дороге машины и транспорт самые разные, это смесь эпох, смесь времён. Как, собственно и всё в Китае. Новейшие автомобили и трактора, мулы и ослики, мотоциклы, и, какие-то немыслимые колымаги. Всё это чадит, трещит, звенит, сигналит и воняет нещадно. Воздух состоит из дикой смеси – земли, отработанного бензина, навоза. Китайцы воспринимают это сумасшествие нормально, не проявляя признаков беспокойства абсолютно.

В мало-мальски большенький городок, стараюсь заезжать рано утром. Именно в это время здесь прямо на улицах пекут лепёшки, на больших сковородах. Закупаю их впрок. А кипяток можно найти в любом доме. Китайцы (правильнее будет звучать ханьцы), очень большие любители чая, и всегда под рукой имеют запас кипятка в термосе. Сахар, который я взял ещё дома, кончился. Нужно покупать. В магазине, куда я зашёл, что бы пополнить его запасы, долго пришлось объяснять о цели визита. Вся семья владельца магазина собралась у прилавка, что бы понять меня. В конце концов, в первый раз я взял соль вместо сахара. Да к тому же сразу два пакета. Пришлось брать с собой в магазин щепотку соли и, показывая её продавцам, объяснять, что мне нужно такой же песок, только сладкий. Я брал щепотку в рот и тут же весь кривился, показывая, что мне горько. А потом делал вид, что беру щепотку в рот, и растягивался в улыбке. Старания не прошли даром. Минут через десять мне удалось получить нужный товар.

Не смотря на имеющуюся ксерокопию карты города, из Шэньяна выезжаю с трудом, город это крупный и не имеющий такой чёткой планировки, как Пекин. Поворачиваю на второстепенную трассу. Стараюсь заставить работать ещё один свой принцип: хочешь увидеть страну, – смотри глубинку. И вот тут-то и начались курьёзы и самые интересные моменты путешествия. У меня в руках подробная карта, где все названия даны, на китайском языке. Мне нужна дорога под номером 203. Встреченные мной китайцы утверждают, что я еду правильно, и в нужном мне направлении, но маркировка дороги говорит, что еду я по 101-й. Может быть, я что-то не понимаю? Что ж, поверю им на слово, авось вывезет меня эта дорога куда надо. Здесь, похоже, русского не видели, со времён Н. М. Пржевальского – такой интерес вызывает моё появление, где бы то ни было. На рынке, где я остановился купить фруктов, сразу вокруг собралась толпа туземцев. Смотрят, как я торг веду, улыбаются, дотрагиваются до меня, даже сравнивают цвет своей кожи, с моей. Да, цвет её не совсем одинаков, вы правы. Но денег у меня от этого не прибавится! Обманывают меня торговцы, но что поделаешь. Всё равно их цены на бананы в два раза ниже, чем в наших магазинах. Перекусить в одиночестве – проблема. Сразу кто-то возле меня садится и смотрит, как я ложкой работаю. Ну и непременно в гости зовёт и страшно расстраивается, если я отказываюсь. По утрам дети сотнями едут на велосипедах в школу. Моя особа вызывает неизменный интерес, и, то тут, то там, вижу столкновения школьников друг с другом, так они засматриваются надвигающегося своим ходом европейца, то бишь меня. К этому времени я полностью освоился в стране, сжился с дорогой, акклиматизировался. Понял, что с голоду китайцы умереть не дадут, жизнь в стране недорогая, деньги расходуются очень умеренно.

Встреч и знакомств не избежать. В каждой харчевне обязательной добавкой к кушанью является – своеобразный «экспресс-опрос, экспресс общение». Процесс повторяется всякий раз, ибо интерес к моей персоне необычайно велик. Посетители сгребают свои миски и мигом подсаживаются за мой столик. Сначала молчат, выжидая и с ехидством посматривая на меня и палочки, коими хозяева предлагают воспользоваться для еды. Я беру палочки - одну в левую, другую в правую руки сжимая их в кулаках, как ручку меча или кинжала, и ковыряю ими в мисках, безуспешно стараясь зацепить мясо или рис, неизменно вызывая при этом приступ безудержного смеха со стороны наблюдателей. Затем выдерживаю паузу, почёсывая палочкой затылок, кладу эти неудобные для меня столовые приборы на стол одну к другой и достаю из чехла ложку. Обычную стальную столовую ложку. Загребая солидную порцию риса и отправляю его в рот, улыбаясь и похваливая искусство повара харчевни по-русски, чем произвожу ошеломляющий эффект. Сидящие вокруг китайцы радуются, как дети, смеются, качают головами и демонстрируют передо мной искусство обращения с палочками. Иногда, чтобы продлить представление кто-то из сидящих рядом посетителей заказывает какое-то блюдо для меня, затем садится, складывает руки, как первоклассник - локоть на локоть и улыбаясь, молча наблюдает за процессом еды при помощи ложки. Затем следует обязательное коллективное чтение сопроводительного письма, торжественные и дружеские объятия и уверения в вечной дружбе между нашими странами и народами.

Гоби. Консилиум. Сунгари.

Сбился-таки я с пути. Унесло меня на запад, туда, где шарит своими щупальцами великая пустыня Гоби. Широкие валы из серого песка и щебня выстраиваются друг за другом, иногда переменяя дорогу. Тогда приходится останавливаться и вести велосипед в поводу, узкие колёса режут песок, вязнут глубоко, нарушают ритм движения, заставляя напрягаться изо всех сил. Ветер поднимает вверх тучу пыли и крупнозернистого песка, который забивается в карманы куртки, ложится на смазанную цепь толстым слоем, отчего та проворачивается с хрустом и стеклянным скрежетом. Песок забивается в глаза, хочется прикрыть их на китайский манер, превратив в узкие щели. Ухищрения не помогают. Несколько минут движения и опять нужно доставать платок и протирать глаза, губы, лицо. Обматываю платком лицо, оставляя снаружи лишь глаза – ни дать, ни взять – грабитель-ковбой, подбородок прижимаю к груди. Еду, - должны ведь закончиться эти пески!

Карта на непонятном языке, - на китайском, попробуй разберись в этих иероглифах! Вот и увела меня дорога далеко в сторону, в места, где светлокожий человек – редкость. То-то смотрю я, в редких деревеньках смотрят на меня, как на чудо. То, увидев, как это было вчера вечером на въезде в маленькую деревеньку, кричат возьмутся во всё горло, размахивая руками, заставляя криком выскакивать всех жителей из домов, и всем скопом возьмутся пальцами на меня показывать, то, прямо на дороге велосипедисты завал устроят, как было сегодня утром. Ехали в школу старшие школьники на двухколёсном транспорте. Здесь, в этих краях, школы не в каждом селении и школьники садятся утром на велосипеды, сумку с книгами – на плечо и крутят на занятия, кто быстрее. Я встал сегодня рано, задолго до восхода - не спалось что-то под утро, и попал в самый разгар утреннего велопотока. Мальчишки меня обступили прямо на ходу, педали крутят изо всех сил, в глазах удивление, рты раскрыты – так и устроили столкновение, человек шесть или семь с велосипедов попадали, а один из них даже с дороги улетел в кювет кувырком. Как жив остался только!?

Но дороги и здесь неплохие, да что там, хорошие дороги. На столбиках только арабские цифры пропали, вместо них всё те же иероглифы. Дома глиняные, не из сырца-кирпича, а попросту из глины. Замешивают в огромном корыте лопатами глину с соломой, потом зачерпывают эту смесь и заляпывают стены избы своей китайской. Как в сказке с зайцем и лисой, и их жильём – лубяным и ледяным. Только здесь вместо льда глина, а мы русские в этой новой сказке сейчас, похоже, место зайцев занять готовимся?

Да, точно не туда меня ведёт дорога, и в очередной деревеньке она ещё и расходится на две стороны. Выручают молодые, увязавшиеся за мной на стареньком мотоцикле ребята. Сначала мы вместе поднимаемся в недлинный крутой подъём, и останавливаемся наверху, среди небольшой тополиной рощи. Я сажусь есть купленный в придорожном магазинчике виноград, подстелив свёрнутый рулоном полиуретановый коврик, мальчишки – попутчики садятся рядом, отказываясь разделить со мной лёгкую трапезу, и всё только смотрят на мою бородатую физиономию с восхищением, показывают пальцами на свои и мои глаза и бормочут что-то, только им понятное. Задирают рукав моей майки и сравнивают цвет кожи, подставляя поочерёдно каждый свою руку, удивлённо цокают языками, переговариваются скороговоркой, улыбаются мне дружелюбно.

- Да, такой же я человек, как и вы, чего удивляться, - раскидываю перед ними карту и показываю нужный мне город, надеясь на помощь.

- Да, да, - кивает головой один из них, лохматый и в майке-безрукавке, вскакивает неожиданно, активно жестикულიрует руками, всем видом показывая, что я свернул в нужном направлении. Второй, полненький, стриженный «под бокс» дёргает его за штанину и что-то начинает говорить, проглатывая слова. «Лохматый» садится, хмурится, почёсывает переносицу, смотрит на меня и мой велосипед с озабоченным видом, затем машет рукой не соглашаясь. Всккивает и вновь начинает что-то доказывать и своему оппоненту, и, видимо, себе самому. Они склоняются все трое над моей картой, что-то вымеряют, высчитывают, спорят. Наконец, видимо согласившись друг с другом, рукой показывают общее направление предстоящего мне пути. Я еду верно, и ещё километров сто проеду легко, но дальше.... Дальше третий, молчавший до сих пор парень, хватает прутик и рисует на земле схему дорог.

- Вот место, где мы находимся, вот городок Шанглин. До него ещё далеко, но он будет, если ты свернёшь здесь и здесь, – прутик оставляет на песке чёрточки, линии, кружочки. Дальше крупная река пересекает мой путь. Моста нет, и как мне переправиться в том месте, они не знают. Мальчишки угощают меня напоследок сливами и бананами, я дарю им по деревянной ложке на память и мы расстаёмся.

День пути и вот я в городке Шанглин. Некоторое время еду вперёд, ориентируясь по солнцу – у меня нет подробной схемы города. Всё. Надо останавливаться и выяснять дорогу. Останавливаюсь прямо в центре небольшой площади, приспособленной под рынок, и обращаюсь с вопросом на языке жестов к какому-то китайскому гражданину. Тот хватая мою протянутую для рукопожатия руку двумя руками, трясёт её, как хороший массажист, одновременно оборачиваясь и крича что-то. Вмиг, побросав свои места, ко мне устремляются десятки торговцев. Хлопают по плечам, улыбаются, в восхищении читают сопроводительное

письмо на китайском языке, которое я предварительно взял с собой в дорогу. Каждая фраза письма шумно обсуждается, а тот китаец, к которому я обратился вначале этого разговора стоит, важно выпятив грудь, время от времени обнимая меня за плечи, пожимая руку, и снисходительно поглядывает по сторонам. Я, мол, для вас его открыл, я вас всех с ним познакомил! Вдруг он озабочено хмурит лицо, задаёт мне вопрос и бросает тот же вопрос в толпу. Что тут началось! Загудела толпа, как есть потревоженный неумелым пасечником-пчеловодом улей. Через толпу протискивается боком невысокого роста, плотненький мужчина в очках, шляпе-монголке, с широким, приветливым лицом, сияющим от удовольствия. Он важно приближается ко мне:

- Страстуйте! – и спешит пожать руку. «Ура», думаю «есть человек говорящий на русском».

- Здравствуйте, очень рад услышать человека, владеющего русским языком здесь, в самом центре Китая, – толпа чуть притихла в ожидании. Смотрят люди с интересом, их глаза горят, у ближайшего ко мне человека рот открыт, и даже кончик языка выглянул наружу. Как же, - есть толмач!

- Как посиваете? Карасо. Плоко. Мы труся. Русский карасо. – Понимаю, что весь известный ему запас слов иссяк. Он же оборачивается лицом к толпе. Самодовольная улыбка на лице, снисходительно смотрит на стоящего рядом со мной китаецца, того, первого с кем я заговорил на площади. Люди рады, их соотечественник свободно, как им кажется, разговаривает с чужестранцем. Они взрываются объяснениями, каждый спешит высказать именно свою точку зрения на преодоление ожидающих меня впереди трудностей. Мой добровольный переводчик рукой останавливает споры, достаёт лист бумаги и начинает что-то рисовать. Каждая проведённая им линия встречает гром аплодисментов и радостных криков. Ближайший ко мне китаец «переводит» на язык жестов значение появившихся на плане линий. Вот, я понимаю, река. Моста нет. Есть лодка, вёсла. Я подхватываю игру языка жестов, хватаю невидимые вёсла и начинаю «грести». Толпа восторженно кричит, визжит, кивает головами. На рисунке появляется паром. Ясно, они чертят путь к паромной переправе. Через несколько минут план-схема готов. «Переводчик – толмач», как окрестил я дядечку в монголке - самый активный из помощников торжественно, под одобрительный гул толпы, вручает мне листок. Несколько человек садятся на велосипеды – они хотят показать мне дорогу на выход из города. Что сказать этим людям так, что бы все поняли?

- Ай лав ю-ю-ю-ю! - нарушая правила английской речи кричу и поднимаю обе руки вверх. Делаю руками движение, как будто хочу их всех обнять. А затем отвешиваю исключительно русский поклон и говорю на русском языке слова благодарности. Замечаю на багажнике бананы и виноград, когда они здесь появились? Целый час меня сопровождают добровольные провожатые, затем машут руками и поворачивают назад. Я снова один, еду и еду вперёд, навстречу новым приключениям, новым встречам, пытаюсь разобрать суперкроссворды из китайских иероглифов.

Река, переправа через которую ждёт меня впереди, это Сунгари. До неё ещё километров восемьдесят. Шанглин позади. Опять участки пустыни встречаются меж гор. Трава и песок. Китайские иероглифы читаю как суперкроссворды, и, чаще unsuccessfully. Добрался, наконец, до переправы. Паром ходит без какого-либо расписания. И само место переправы представляет собой вагончик, стоящий на берегу.

- Когда паром на противоположную сторону отправится? – спрашиваю я у молодого китаецца в замасленной спецовке – видимо, механика парома, когда тот выходит неспешно из вагончика. Китаец сощуривается, улыбается и пытается объяснить, как я понимаю о нерегулярности перевозок.

- Иногда сутки ждать приходится – он чертит на земле веточкой что-то, жестикулирует, заглядывая в глаза. – Но мне ждать пришлось недолго. Паром небольшой, с огромным древним мотором. Способен перевезти пару машин за один раз. А они не замедлили явиться, как будто ждали именно моего появления. Машины загружаются на площадку парома, люди заполняют оставшееся на палубе пространство, обступают меня со всех сторон. Я расположился на каком-то металлическом баке, закреплённом в самом углу палубы. Велосипед поставил рядом. Посмотреть на удаляющийся берег не удалось. Приходится в сотый раз доставать написанное китайскими иероглифами письмо. Сколько раз оно меня выручало! Помогает и на этот раз. В который раз уже убеждаюсь, что давненько здесь русских не видели. Приходится показывать фотографии детей, жены, и знаками дополнять то, что показываю. Фотографии переходят из рук в руки и возвращаются ко мне, обойдя всех столпившихся на палубе. На противоположной стороне Сунгари дорога также отсутствует первых десять километров. Ухабистая, пыльная грунтовка выводит меня к очень плохонькому асфальту, затерянному среди сухих полей. Машины редки, да и людей-то не видать! Дорога ведёт к молодому городу Дацину – центру нефтедобычи, центру района нового освоения.

Встречи и курьёзы. Большой Хинган. Внутренняя Монголия. Завершение пути.

Неожиданно стали встречаться нефтяные вышки. Чужеродными телами выглядят нефтедобывающие агрегаты на фоне глиняных домиков крестьян, посреди стад коров, отар овец, перегоняемых одетыми в традиционную одежду пастухами. Странно видеть эту картину, будто поспел я к середине хорошо

разыгранного спектакля, в котором артисты пытаются показать умирающее старое и зарождающееся новое китайской жизни. После первого населённого пункта дорога из плохонькой превращается в первоклассную. Не надо больше объезжать рытвины и ямы, можно полностью сосредоточиться на красотах, что меня окружают. Оставляю позади несколько невеликих, по китайским меркам, городков. Вот только туда ли еду!? Судя по солнцу всё же в нужном мне направлении. Как не хватает сейчас переводчика – толмача или хорошей подробной карты! Меня обгоняет полицейская машина. Близко проходит, притормаживая. Из открытых окон смотрит несколько пар внимательных глаз из под насупившихся бровей. Что-то я не пойму – никак по мою душу? Машина останавливается и четверо полицейских, выскочив на дорогу, жестами предлагают мне остановиться. Что за чертовщина!? Правил не нарушал, ничего незаконного с моей стороны не было. Один из полицейских, видимо старший команды открывает заднюю дверцу пикапа, и опять жестами предлагает мне погрузить велосипед в машину. Ладно, посмотрим. Грузюсь и сам усаживаюсь рядом. Машина разворачивается, мы быстро едем назад. Через двадцать минут влетаем в городок, где я был часа два назад. Несколько крутых поворотов и, подняв столб пыли, машина останавливается перед входом в местное отделение полиции. Мои сопровождающие улыбаются и предлагают войти внутрь. Да, ребята! Что-то не пойму я вас, извините. Здание двухэтажное, мы поднимаемся на второй этаж и заходим в кабинет начальника. Из-за стола навстречу мне выходит крепкий мужчина немного старше меня по возрасту. Узкие глаза его блестят от радости, улыбка буквально делит лицо на две части:

- Здравствуйте! – почти без акцента говорит китаец и протягивает мне обе руки. Вот тебе раз! Что за чудеса? – Я учился в СССР много лет назад, - мужчина сразу пресекает готовые сорваться с моих губ вопросы. – Не беспокойся, мне сообщили о русском на велосипеде и я велел разыскать этого русского. Хорошо работает наша полиция? Я здесь начальствую.

- Мне приятно после многих дней путешествия вновь разговаривать на русском языке, - отвечаю, - но как-то неожиданно всё это.

Наш разговор затягивается на целый час. Мы пьем чай с замечательной выпечкой, говорим о наших державах, вспомнив Сталина, Мао и Ленина. Говорим о велосипедах и Олимпийских играх. Китаец раскладывает на столе подробную карту и подробно рассказывает о моей дороге и ожидающих меня впереди трудностях пути. В завершение беседы, он заполняет мой термос чаем и желает мне счастливого пути. Мы обмениваемся адресами, и я сажусь в ту же полицейскую машину, которая сорвала меня с трассы. Ещё через полчаса улыбающиеся полицейские высадили меня из машины в том же месте, где мы с ними встретились два часа назад. У города Цицикар меня догоняет огромная туча. Обрушивается дождь невероятной силы и утихает только к вечеру. Дождевые потоки падают не сверху, а как-то сбоку. Таков, как я понимаю, муссонный ливень. Но к ночи он стихает и даёт возможность переночевать в сносных условиях. Здесь, за рекой Сунгари начались отроги гор. Приближается неуклонно Большой Хинган, известный мне ещё по описаниям самого Н.М. Пржевальского. По этим краям проходила одна из экспедиций этого великого исследователя Азии в девятнадцатом веке. Население в этих краях значительно реже, чем прежде. Но с кипятком перебоев нет, хотя не обходится без курьёзов. У одного из селений вижу какие-то домики, довольно аккуратные с виду и окружённые глухим высоким забором, которые я принимаю за посёлок коммуны. На входе надпись большими, бросающимися в глаза, иероглифами. Надпись хорошо видно с дороги. Само селение находится в низине и если отправиться на поиски нужного мне кипятка туда, придётся вначале спуститься вниз, а затем, на обратном пути, подниматься вверх, преодолевая довольно крутой подъём. День выдался серьёзный по нагрузке и лишнюю энергию тратить желания нет, поэтому без лишних раздумий сворачиваю к открытым настежь воротам «коммуны». Без задней мысли захожу со своим термосом во двор. Внешний вид обитателей меня сразу ставит в тупик, но, по инерции я всё ещё двигаюсь вперёд. Меня дружелюбно подхватывает один из местных жителей, - молодой парень с каким-то странным и не совсем ненормальным выражением лица, и, что-то объясняя, тащит внутрь одного из зданий. Тут только я прихожу в себя и понимаю, куда меня занесло. Это дом каких-то душевнобольных. Вот почему такой высокий забор окружает эти строения! Вот почему на отшибе они расположены. Отступить некуда. Вот только куда ведёт меня этот парень? А тот деловито посматривая по сторонам, ведёт меня по жилым помещениям, показывая довольно чистые внутренние покои спальных помещений и рекреации, по пути заставляя пожимать руки таким же, странного вида постояльцам, проводит через спортивный зал и, наконец, выводит на кухню. Здесь в разгаре обеденное время и человек двадцать больных молча едят рис и пьют чай. Почти насильно сажают меня за стол, опять же ни слова не говоря, ставят передо мной миску с рисовой кашей и пиалу с чаем, садятся по своим местам и вновь продолжают есть, разглядывая меня со всех сторон. Я стараюсь приглушить приступ страха и брезгливости, которые охватывают меня. Мой велосипед где-то там, за забором, а здесь вокруг, то ли люди, то ли странные, страшные тени с перекошенными лицами и угрюмым выражением лиц. Лишь мой провожатый, сохраняя на лице какое-то подобие улыбки, кивает головой и предлагает жестом присоединиться к трапезе. Я встаю, пытаюсь сбросить

оцепенение, так неожиданно охватившее меня, хватаю термос и, старательно обходя обеденные столы, пытаюсь выйти наружу. Люди, мимо которых я прохожу, хватают меня за одежду, открывают рты, стараясь что-то сказать, но я упрямо продолжаю свой путь и, наконец, открываю дверь, ведущую во двор. Энергично пересекаю внутреннюю площадку и подхожу к воротам. Высокого роста человек пытается закрыть ворота передо мной – одна половина уже прикрыта, вторую он судорожными движениями пытается сдвинуть с места всё время оглядываясь на меня из под плеча. Убыстряю шаг, отесняю сторожа и выскальзываю наружу. Мой велосипед стоит у стены. Быстро закрепляю термос под крепёжную резинку, разворачиваю велосипед, вскакиваю в седло и, не оглядываясь, жму на педали подальше от этих ворот. Спустя полчаса на очередном пункте дорожных полицейских, которые являются прообразом нашего ГАИ, заливаю крутым кипятком свой термос, выслушиваю речь на ломаном английском языке от начальника пункта и еду по старинному тракту дальше на север.

Через Хинган в Манчжурию я могу пройти только по старому-престарому тракту, по которому ещё в 1911 году шёл первый русский велопутешественник – кругосветчик Онисим Панкратов, а может быть и сам Н.М. Пржевальский. Это было так давно! Ширина тракта немногим больше пяти метров. Покрытие из щебёнки и глины. Щебёнка крупная, лишь по краю дороги есть неширокая полоса, выстланная мелкими камушками которые обеспечивают надёжное сцепление. Но иногда тракт превращается в сплошную насыпь из крупных острых камней, колёса велосипеда перескакивают с камня на камень, и тогда я слышу, как лопаются, «стреляют» спицы, будто перетянутые гитарные струны. Приходится останавливаться, снимать груз с багажника, переворачивать велосипед и чинить его, выправляя «восьмёрку», восстанавливая прочность и надёжность колеса. В запас взял предусмотрительно штук шестьдесят – семьдесят спиц и вот каждый день три, а то и четыре спицы рвутся, не выдерживая напряжения. Дорога долго-долго бежит межгорными долинами, стараясь не захватывать склонов. А вокруг нетронутая тайга. Осень, красота вокруг! Суровые таёжные леса покрывают склоны гор, распадки, врываються вместе с ручьями и реками в межгорные долины. Хребет тянется с юга на север, а Манчжурия – на западе. Дорога покидает долину и ползёт серпантинном наперерез хребту, всё выше и выше. Железная дорога, вдоль которой я двигался последние несколько километров, ныряет в тоннель. Паровоз с натугой везёт сорок вагонов с углем и лесом. Пыхтит, урчит, забивает белым дымом въезд в тоннель и, наконец, вагон за вагоном скрывается из виду. Я же продолжаю нелёгкий подъём, используя самую лёгкую передачу своего десятискоростного велосипеда. Мне через эти горы путь один – забраться повыше – где-то там впереди будет перевал. Сомкнутые кроны деревьев почти скрывают полотно дороги от солнца, скрывают от глаз долину. Два раза отдыхаю. Слезая с велосипеда, ставлю его на обочине, прислонив к дереву, хожу, встряхивая мышцы ног и плечевого пояса. Выполняю несколько простых упражнений на растягивание мышц – восстанавливаю их работоспособность. Здесь, наверху, прохладнее, – горы всё-таки. Поднялся высоко. Перевал открывается неожиданно. Оглядываюсь назад. За спиной остаются уходящие за видимый горизонт неровные волны гор и вырывающиеся из густого леса стены голых скал. Устремляюсь вниз. Будто в другую страну попал. Здесь, вдоль тракта, китайцы кладут современную высококлассную автомобильную дорогу. Быстро кладут – умеют работать, да и много их, всё-таки. А по современной дороге вперёд устремляются машины китайского производства. Ещё день пути и вот передо мной открылись необозримые просторы Внутренней Монголии. Степь, на сколько глаз хватает. Ни столбов, ни домов, степь и дорога. На десятки километров простым глазом просматривается открывающийся взору ландшафт. По 180 – 200 километров в день удаётся проехать по этим диким степям. А гостеприимство местных жителей не ослабевает. Домом им в этих краях служит юрта – прекрасное изобретение степных жителей. Всё продуманно, тепло, уютно. Приглашают войти внутрь, поят чаем, угощают мясом.

Всё ближе граница. За пятьдесят километров до Забайкальска ветер усиливается, затем резко меняет направление. Стараюсь поближе приблизиться к самому рубежу в последний день пути. После небольшой проволочки со стороны российских пограничников и проверки паспорта и личного груза я вновь, после месяца пути, оказываюсь на Российской земле. Пора подводить некоторые итоги путешествия. Три с половиной тысячи километров пути позади. Китай оправдал мои ожидания. Я приезжал сюда не по путёвке туриста, а подсмотрел жизнь страны изнутри. Это цивилизованным туристам показывают выступления и представления мастеров ушу, как обязательный атрибут культуры Китая. Я просто видел, как утром многие и многие люди занимаются китайской гимнастикой для себя, своего здоровья. Это ли не признак того, что они ценят пришедшие к ним из глубокой древности традиции и убеждения. Ведь на самом деле люди здесь просто работают на земле или на предприятиях. Просто тихо и настойчиво любят свою страну и уважают её культуру. Уважают детство (это я понял по результатам своих мимолётных визитов в сельские школы). А какова любовь к жизни у его жителей! Сколько доброй, положительной энергии они вложили в мою душу. Я счастлив, что мне довелось побывать здесь. Китай меняется на глазах. Стремительно, на глазах исчезает старое. Что будет с теми людьми, которые и сегодня обрабатывают поля при помощи прадедовского серпа?

Прогресс неумолим. Ослики и глиняные хижинки уходят в прошлое. Они таят, как весенний снег. На глазах. Сам Китай мне представился осликом, который по современной дороге несётся вперёд со скоростью «джипа» китайского производства.

Ноябрь 2000 года.

Танец Солнца.

В то жаркое лето 2004 года мы с командой верных и дружных мальчишек крутили на велосипедах по дорогам Америки. Путь выдался нелёгким и наполненным самыми различными приключениями. Нас не щадили дожди на Великих равнинах, а в Аризоне встречный ветер был такой силы, что казалось его можно резать на куски обычным ножом. Он моментально сушил горло и заставлял таять наши запасы питьевой воды с необычайной быстротой. Нам повезло – всю Южную Дакоту и Вайоминг мы шли с попутным ветром. Нам помогали заклинания индейских знахарей Пейпстоуна – местечка в южной Миннесоте, где нам посчастливилось принять участие в самом настоящем языческом обряде, дошедшем до настоящего времени из глубины веков – «Танце Солнца». Четыре дня участники обряда истязают своё тело, таская по священному кругу черепа буйволов. Черепа привязаны к ремням, а те, в свою очередь проходят через надрезы на спине приносящего жертву Солнцу человека. Обряд не заканчивается смертью, лишь кровь из порванных порезов стекает по спине, смешиваясь с солнечным светом, когда на исходе четвёртого дня человек освобождается сильным рывком от своей необычной ноши. Так индейцы признают великую силу Солнца и его значение для существования самой жизни на Земле. Так участники обряда получают звание танцора Солнца, необычайно почитаемо в их среде. Мы были не просто зрителями, мы были участниками одной из главных церемоний обряда - церемонии выкуривания трубки. Знахари в тот день назвали моих ребят настоящими воинами. - «Мы танцуем четыре дня. Вы уже три недели. Вы - настоящие танцоры Солнца» – сказали они, обещая молиться за нас. - «Мы будим просить наших богов послать вам попутный ветер». Ну, никак не должен был быть ветер попутным, – в этих краях он всегда дует с запада на восток. Но будто презрев все законы географии, он гнал и гнал нас вперёд, толкая и толкая в спину до самой Аризоны. Видимо знахари индейцев действительно желали нам доброго пути от всего сердца.

Дважды за путешествие нам пришлось сражаться со страшным ночным штормом, который, казалось, хочет унести нас вместе с палатками далеко за горы, как в старой сказке про Элли и Тотошку из Канзаса. По несколько часов приходилось висеть на стойках палатки, что бы ветер не поломал их, а он, забавляясь своей страшной силой, легко рвал верёвку, держащую стойки и почти сбивал с ног бьющихся с ним ребят.

На юге Юты мы два дня подряд поднимались на перевал, который преподнёс нам неожиданный сюрприз в виде холодного дождя и долгого спуска. Мы оставили дождь наверху, через пять минут спуска высохли, а потом долго-долго катили вниз, наслаждаясь режущей взгляд красотой гор. Мы любовались гордыми благородными оленями и антилопами, которые выходили из нетронутых человеком девственных лесов запада США прямо на дорогу и, закидывая рога далеко на спину и поднимая вверх морду с мягкими губами и чуткими ноздрями, кричали трубно, то ли приветствуя нас в своих владениях, то ли ругаясь за нарушенный покой. Преодолевая страну каньонов в Аризоне, каждого из нас не покидало чувство, что всё происходящее нереально и, казалось всё вокруг, - горы, каньоны, большие орлы и мы сами – персонажи какого-то сна – необычного, чуть волшебного, фантастического. Казалось, что дорога, по которой проходит наш путь, лишь сейчас появилась здесь и тут же исчезнет, лишь мы проедем по ней, и останется позади только великий простор, необъятное расстояние и дикая красота. Как Франциско де Коронадо и его испанцы были поражены мы зрелищем, открывшимся нашим глазам, когда, совершив крюк по лесам, горам и резервациям более чем в 300 километров, мы вышли к Большому Каньону – чуду Природы, чуду, которое сотворили Вода, Ветер и Время. Шестьдесят километров мы шли вдоль этого грандиознейшего провала Земли. Сила и величие красоты вновь повергли нас в дикий, неопишуемый восторг, заставляли взгляд вновь и вновь возвращаться на причудливо изрезанные водой и временем «внутренности» каньона.

Нас встречали почти повсеместно доброжелательным образом настроенные люди, удивляясь, что мальчишки так легко преодолевают эти тысячи километров, легко идут на контакт, умеют общаться, бережно везут флаг России. Глядя на моих ребят, американцы по-новому глядели на нашу страну. «Если Россия имеет ТАКИХ детей, это великая страна», - говорили они неоднократно.

Я счастлив, что работа и судьба связали меня с этими замечательными мальчишками. Я благодарен им за то, что они не дрогнули перед трудностями, не ныли и ни разу не уронили честь русского человека там, за океаном, показав американцам настоящее лицо нашего народа....

Весь последующий рассказ – это чуть обработанные дневниковые записки. Привычка вести дневник в пути у меня есть. И хотя это не лучший способ донести до читателя материал, я попробую ограничиться дневниковыми записями.

Первая страница.

Так трудно начать свой рассказ! Мысли путают друг друга, сбиваются в кучу или разбегаются в разные стороны, как отара овец. Хочется рассказать сразу обо всём. Всё кажется первостепенно важным и нужным. Вот, к примеру, подготовка. Как объяснить читателю. Что мы тренируемся регулярно, что наши занятия достаточно серьёзны? Не шутка, ведь. Пять с лишним тысяч километров на велосипедах отмахать! Когда такие километры пытается покорить взрослый человек и в одиночку, тут особо удивляться нечему. У нас же самому младшему в команде мальчишке на момент старта, исполнилось 15 лет и один месяц. А самый старший лишь 16 лет в активе имеет. Но мальчишки довольно легко проходят тридцать километров по пересечённой местности со скоростью семь километров в час, как римские легионеры. Умеют топтать тропу зимой через снежную целину, когда нужно поднимать колени до пояса на каждый шаг. Они знакомы с гимнастикой, а подтянуться на перекладине двадцать раз может каждый. Велосипедный марш на пятьдесят километров проходится на одном дыхании. То есть за время пятидесятикилометрового маршрута нет остановок, мы проскакиваем их, что называется, между делом. Конечно, к этим показателям нужно идти медленно, «карабкаться», как на крутую стену. Впрочем, на одном желании путешествие не совершить. Команда не маленькая – восемь человек. Надо бы рассказать о каждом в отдельности, но, думаю в процессе самого повествования, сделать это будет куда проще.

Итак, после кропотливой организационной работы и упорной физической тренировки, после того как мы успешно прошли визовые преграды, наша команда вышла на старт этапа кругосветного путешествия. Нам предстояло пройти на велосипедах более 5000 километров, пересечь материк Северную Америку с востока на запад меньше, чем за два месяца, и живыми – невредимыми вернуться домой. Машины сопровождения не предвиделось, весь путь мы должны были пройти на своих колёсах, полагаясь лишь на свои собственные силы.

Мы вылетели из Москвы 8-го июля рейсом в Нью-Йорк. Для шести человек из нашей команды, этот рейс – первый в жизни. Двенадцать часов полёта, и мы в самом крупном городе США. События развиваются стремительно. Первые два дня самые трудные, это я знаю не понаслышке, а по собственному опыту дальних странствий. Дальше, когда мы начнём самостоятельно двигаться, всё станет на свои места. Но сейчас необходимо как можно быстрее решить целый ряд вопросов. Нужно где-то разместиться, переночевать, немного адаптироваться, приобрести велосипеды. Нужно скорее вырваться из города, нужно скорее начать активную часть путешествия. Находим подходящее место для ночлега не без труда. Нас размещает у себя в доме один из бывших соотечественников, с которым мы случайно знакомимся на улице. Утром нанимаем на небезызвестном Брайтоне машину, которая вывозит нас за Гудзон. Ура! Индеец - мохавк по имени Бред Милон, с которым была предварительная договорённость о встрече, ждёт нас. Он работает пожарником в крохотном городке близ Патерсона. Останавливаемся у него. Ф-фух! Можно слегка перевести дух и неспеша осмотреться. Сразу же вечером покупаем велосипеды. Машины хорошие, марка “Shwinn.” Двадцать одна скорость, колёса по диаметру небольшие, 26 дюймов. Протектор широкий, оттого ход мягкий, едешь, не чувствуя неровностей и кочек. Только седло жёсткое, непривычное. Мы ведь тренируемся на обычных «дорожниках». А тут такая техника! Вечером мальчишки устраивают импровизированную тренировку. Оказывается круг по посёлку в котором живёт Бред два с половиной километра – об этом говорят новые счёчки. Крики восторга ломают на куски тишину селения. Мои парни устраивают испытание велосипедам - взлетают на подъёмы, мчатся с горок вниз, выкруливают в повороты. Американские подростки пытаются составить им компанию, но куда там!

- Владимир Николаевич! Тридцать километров за час накрутили! – Олег на ходу спрыгивает с велосипеда.
- Скорость не чувствуется, велики сами едут! – улыбается Дима Соловьёв, - я чуть, чуть на педали надавил, а он готов сам вырваться из под меня. Вот это техника!

Мальчишки ставят велосипеды и идут пить чай. Потом снова возвращаются к своим «коням», регулируют тормоза, переключатели скоростей и высоту сёдел, подкачивают шины. После ужина занимаемся укладкой багажа. Для начала тщательно сортируем и пакуем вещи, распахиваем их по сумкам. Две палатки, спальники, коврики, запасная одежда, чашки, ложки, кружки. Видеокамера, фотоаппараты, маршрутные карты – вот и весь список вещей. И так, и сяк крутим-вертим свои сумки, пока удаётся найти оптимальное для них положение. Крепим груз резинками. У каждого из нас есть небольшой флажок России, который аккуратно прилаживается к рулевой стойке. Вроде бы всё. Теперь-то мы во всеоружии! Можно начинать маршрут. Завтра в путь.

Раннее утро. Исторический день! Моросит дождик. Впереди, у самого горизонта вздымаются к небу хребты гор. Аппалачи. Над горами, вдалеке, висит тучка, обильно поливая водой вершины. Здесь – внизу,

дождь похож на густой, плотный туман. Все мальчишки в новеньких куртках – дождевиках яркого жёлтого цвета. Куртки заметны издали и водители идущих сзади машин сбавляют скорость и объезжают нас по широкой дуге. На куртках кроме названия фирмы – спонсора кругосветки, крупными буквами написаны по-русски слова: «Москва» и «Россия». Эти «письмена» сразу же привлекают внимание водителя большого пикапа. Стоп. Вынужденная остановка. Приходится долго объяснять ему кто мы, куда и зачем едем. Минут семь потеряли на этом первом «интервью». Да, если так и дальше пойдёт дело, недалеко мы уедем. Горы встают сплошной стеной сменяющих друг друга хребтов, но дорога ладно избегает крутых подъёмов. Она обходит крутые склоны по долинам рек, давая возможность любоваться красотой вершин и седловин, поросших густыми широколиственными лесами, скалистыми выступами – останцами, возвышающимися над верхушками деревьев. Иногда взору открывается длинное узкое озеро с чистой, прозрачной водой. Когда-то здесь жили индейцы – ирокезы. Некоторые старые деревья помнят, наверное, те времена, когда в их кронах прятались раскрашенные индейские воины, готовые из засады напасть на обоз поселенцев. Именно здесь разыгрывались события, так красочно описанные Фенимором Купером и Джеймсом Кервудом. Машин мало. Наша трасса – не главная. Основной поток машин идёт по параллельной дороге. Нам на что лучше. Можно немного расслабиться. Это ведь мальчишкам одна сплошная радость. Для них и перелёт, и беготня по улицам Москвы и Нью-Йорка, и купание в океане внове. Водопад впечатлений. А для меня это ох, какой напряжённый момент!

Горы вздымаются всё выше и выше, а дорога, по-прежнему, не выкидывает сюрпризов и позволяет держать приличную скорость. Вечереет. Нужно искать место ночёвки. Всякий раз, в начале пути этот вопрос заставляет меня немного нервничать и волноваться. Где найти кемпинг, или хотя бы приличное место для палаток? Вопрос решается самым непредсказуемым образом. Саша Медведев задевает рукояткой руля за сумки Лёши Потехина и летит через руль. Приземляется на «четыре точки», слегка царапнув асфальтом колено. Бросаюсь к нему с упрёками, на ходу доставая из аптечки зелёнку и пластырь. К нам бежит мужчина средних лет, одетый в рабочий костюм. Он бросил свой автомобиль, который остался стоять с открытым капотом у аккуратного домика.

- Нет, помощь не нужна, - сбиваю я его натиск. – С парнем полный порядок. Первый поцелуй американской земле. Сейчас покрасим его чуть-чуть в зелёный цвет и всё будет в порядке. Скажите где тут кемпинг найти

- О, вы русские! Замечательно! Первый раз вижу русских. Зачем вам что-то искать? Вся моя территория в вашем распоряжении. Вот так благодаря «полёту» Санечки Медведева был решён вопрос с первой ночёвкой. Весь вечер шло интенсивное общение. Фред оказался очень общительным и интересным человеком. Мы стреляли из лука (Фред – лучник, участник какого-то престижного фестиваля), вывешивали на территории лагеря флаги – России и США, и просто много разговаривали на самые разнообразные темы. Для мальчишек это был первый опыт общения на английском языке. Они сразу поняли, что американцы легко идут на контакт. Общаться можно. Можно и нужно.

Ниагара.

В последующие несколько дней мы двигались по штату Нью-Йорк в направлении Ниагарского водопада. Ночевали в кемпингах, на какой-то площадке недалеко от дороги, в лесу, среди вековых деревьев. Привыкали к ходовым качествам своих новых велосипедов. Столкнулись с несколькими горными перевалами. Аппалачи горы невысокие, с округлыми вершинами. Это система параллельных горных хребтов, тянущихся с юга на север. Дорога не просто напрямую пересекает горы – она словно ищет седловину пониже, чтобы перемахнуть через хребет, а до этого крадётсь вдоль склонов, словно высматривает удобное для броска место. Фред, а до этого Бред рассказывали, что современные дороги проложены по древним индейским тропам и дорогам первых поселенцев. Действительно, иногда казалось, что скалы просто сами расступаются и пропускают дорогу в узкую щель. Кажется, что здесь специально вырублен узкий проход. Голос не разносится по ущелью, с испугом мечется как ком между отвесных стен, пробиваясь куда-то всё выше и выше. Иногда приходится подниматься длинными подъёмами в перевал, оставляя позади поросшие травой или виноградниками долины. Один раз тянем вверх километров двадцать, останавливаясь для отдыха у водопадов или под огромными деревьями, похожими на наши вязы. В лес не зайти. Кустарники раскидывают в стороны свои многочисленные руки-ветви утыканные длинными острыми колочками, преграждая путь. Колочки на ветвях и стволах деревьев способны, кажется, проткнуть руку насквозь. Заросли американской ежевики, цепляясь за ноги, моментально, словно путами закручиваются вокруг ног, не просто мешая, а останавливая любое движение. День блуждания по такому лесу превратит самую добротную одежду в лохмотья. Палатку поставить очень нелегко, хорошо, что по давней привычке мы взяли с собой несколько пар рабочих рукавиц. Они помогают расчистить место под палатку, когда в один из дней закат застаёт нас вдаль от селений и организованных кемпингов. Всё ближе и ближе приближается город Ниагара Фолс, в пределах которого находится один из самых знаменитых водопадов мира. Начинает охватывать нетерпение от неизбежной встречи. Сначала мы замечаем что горы,

котрые до этого давили на нас со всех сторон становятся всё меньше. Они будто тают, превращаясь сначала в высокие, засеянные пшеницей и виноградом гряды, а затем уступая место невероятно холмистой равнине, похожей на стиральную доску. Затем дорога забирает на север к Ниагаре, равнина становится плоской, как стол, воздух наполняется тяжестью большого города, а дождь не даёт покоя уже девяносто километров. Вечером после захода солнца, когда нам лишь осталось найти кемпинг, пришлось срочно менять камеру заднего колеса велосипеда Олега. Ох уж эти мелкие поломки! Вечно их приходится устранять в самый неподходящий момент. Пока снимали колесо, пока разбортовывали покрышку стемнело окончательно. Ночь, незнакомый город, тьма – глаз коли. Спокойно! Бывали в путешествиях, моменты и посерьёзней. Неожиданно остановилась машина прямо перед нами. Свет от горящих фар ярко осветил место ремонта. «Могу я помочь вам?»,- из окошка выглянуло доброжелательное лицо молодой женщины. Мой младший сын Женя тут же побежал благодарить её за услугу и узнать о местонахождении ближайшего кемпинга. Вот шустрый-то! Оказалось, что мы почти у цели. Лишь каких-то три километра нам осталось пройти. – «Смотрите, не пересекайте траффик лэйн!», - пожелала нам напоследок, доброжелательная хозяйка джипа. Её предостережение справедливо. Мы стараемся не ездить по темноте. Это весьма опасно. Но дороги в Америке имеют прекрасную разметку и сплошная линия, которую и называют «траффик лэйн», отделяет обочину от основной проезжей части. Ехать по обочине, отделенной сплошной линией относительно безопасно, потому что американские водители стараются неуклонно выполнять правила дорожного движения. Включаем все фары и огни безопасности и вперёд. Десять минут пути, и вот мы на месте. Кемпграунд, это место, где можно остановиться на ночёвку. Место для палаток, есть душ и туалет. Иногда бассейн, озеро и прочие прелести, которые походному человеку создают полный комфорт. Нам указывают место на специальной лужайке, предназначенной для установки палаток. Быстро устанавливаем свои походные домики. У нас две палатки. Одна старенькая, мы её называем «Рябухинская». Когда-то давно, ещё в прошлом веке (а точнее в 1999 году) её подарил нашей команде Председатель Законодательного собрания области Рябухин С.Н. Она лёгкая, объёмом с небольшой волейбольный мячик, а то и меньше. Один недостаток – дождь её «пробивает», приходится полиэтиленовой плёнкой накрывать. Другая «современная», нового поколения палатка, с прекрасным тентом, удобными окнами и противомоскитным пологом. Душ, ужин, обсуждение результатов дня, обмен мнениями. Мы сегодня прошли 132 километра. Это пока наш абсолютный рекорд. Молодцы, ребята. Вот, что значит тренировка!

Наутро, покинув кемпинг, устремляемся к водопаду. Это сделать нелегко. Ниагара Фолс крупный город, он заглатывает нас как пасть кашалота. Больше двадцати пяти километров петляем по его улицам, прежде чем удаётся распутать узел улиц и выскочить в нужное место. По мере приближения к водопаду возрастает напряжение. Даже губы сохнут от волнения! Вот, вот, сейчас, сейчас... Так, вход в национальный парк. Скорее, скорее. Асфальтированная дорожка ведёт к информационному центру и дальше, к водопаду. Кругом указатели. Знаки на въезде запрещают движение на велосипедах, приходится везти их в поводу. Много пешеходов и двигаться приходится медленно. Я ловлю себя на мысли, что готов бросить велосипед и пуститься бегом скорее туда, откуда доносится непривычный для моего слуха грохот. Всё ближе этот водопад, известный каждому человеку со школьной скамьи. Краем глаза слежу за своими мальчишками. Они взволнованы до предела. Глаза горят, мышцы напряжены. Деревья расступаются, перед нами возникает изгородь, а главная дорожка уходит вправо – вверх. Вижу реку, мощную реку, высотные дома – небоскрёбы, слышу густой, ни на секунду не умолкающий шум. – «Где же водопад?!», - как со стороны слышу я свой голос. – «Да вот же он!», - радостно кричит Лёша Потехин, указывая рукой куда-то вперёд. – «Вон же уступ, с которого вода падает вниз!». Верно. Как я сразу не увидел этот уступ? – «Вперёд!». Но команда эта, кажется, уже не нужна. Мальчишки устремляются туда, обгоняя друг друга. «Вот, что нужно снимать на камеру! Этот порыв, это движение молодых ребят!» Мысль эта приходит чуть позже, когда, налюбовавшись великолепнейшим зрелищем, я достаю камеру. Природа выставила на всеобщее обозрение одну из своих великолепнейших полотен. С широченного уступа, протянувшегося не на одну сотню метров, с неослабевающим, первобытным грохотом падает грандиозная масса воды, и пытается убежать, вырваться из цепких лап всё новых и новых потоков, летящих сверху. Эта борьба создаёт гигантский водоворот, в котором перемалываются камни, как зёрна кофе в хорошей кофемолке, а сама борьба сопровождается дикой симфонией, композитором которой выступает сама Природа. Звук, разбиваясь на тысячи самостоятельных отголосков, поднимается вверх, уходит в небо и разбегается в разные стороны, подпираемый всё новыми и новыми потоками нескончаемого природного оркестра. И, чудом вырвавшись с поля боя, над водопадом возносится огромное облако водяного пара, который медленно оседает вниз, туда, где несёт свои воды вырвавшаяся из водоворота река.

«Время так же неумолимо падает откуда-то невидимым могучим водопадом, хватает человека и крутит в своих потоках, наслаждаясь силой и безнаказанностью, исчезая неизвестно куда» - вспыхивает мысль, словно спичка в ночи.

- Это тот самый знаменитый Ниагарский водопад! – восхищённо кричит Саша Медведев, возвращая меня в действительность. Расстояние между нами всего два шага, но нужно изрядно напрягать голосовые связки, что бы понять друг друга. – Я ведь его раньше только на картинке видел! Это же чудо!

- Да, это чудо. Чудо, что мы вообще здесь.

Сколько прошло времени? Ого! Ничего себе! Три часа мы любуемся силой и мощью воды. Не хочется уходить, не хочется отрывать взгляд. Снова и снова щёлкает затвор фотоаппарата, не надеясь на ненадёжную человеческую память. Охватывает усталость. Не физическая, а какая-то тягучая, обволакивающая. Может быть, я один это чувствую? Оглядываю своих спутников. Нет. Мальчишки вялые, словно всю ночь на току проработали. Двигаться дальше сегодня нет смысла. Приходится прощаться с водопадом. Но, в самом деле, с собой его не унесёшь! Выходим за пределы парка. Нас опять поглощает суэта большого города. Нам нужно вернуться в наш кемпинг. Но теперь мы точно знаем куда ехать. Обедаем в каком-то небольшом, кафе и опять едем по улицам, обогащенные впечатлениями. Решаем сократить путь и сворачиваем на улицу, которая должна нас вывести напрямиком к кемпингу. Только здесь понимаем, почему нам советовали обойти этот район – здесь живут чернокожие американцы. Они не любят белых, да к тому же не с американскими флагами на рулевых стойках. Мальчишки рады. А, что, приключение! Едва останавливаемся сверить путь по карте города, как к нам подходит чернокожая «леди», начинает давать советы и сразу вслед за этим требует денег за «услуги».

- Убирайтесь отсюда! – кричит она в ответ на моё «спасибо». – Это моя страна, страна чёрных!

- Убирайтесь прочь, белые обезьяны! – кричат нам со всех сторон.

- Во, классно! – Лёша, с которым мы едем в пареоткрыто смеётся не удивляясь такой реакции местных жителей, - когда бы ещё удалось это увидеть?!

Мои парни живо обсуждают увиденное и услышанное. Мы проскакиваем эту улицу до конца и вновь выходим на знакомую уже улицу. Ещё несколько километров и мы возвращаемся в кемпинг. Сегодня переночуем здесь, а завтра, с утра пораньше отправимся дальше по маршруту.

По Центральным равнинам.

...Мы уже двадцать дней в пути. Завтра должны выйти из штата Айова, по которому едем уже пять дней, и въехать в юго-западную Миннесоту. Мы спешим. Надо во что бы то ни стало попасть в городок Пайпстоун, который находится почти на самой границе штатов Миннесота и Южная Дакота. Там сейчас в самом разгаре древний традиционный индейский обряд «Танец Солнца». Он продолжается четыре дня и у нас есть ещё немного времени в запасе для того, чтобы успеть стать его свидетелями. Где-то близ этого городка индейские знахари приносят жертву Солнцу. Это хочется увидеть своими глазами, это надо увидеть, во что бы то ни стало! Мы спешим.

Сейчас, когда я пишу эти строки в дневник, поздняя ночь. Все мальчишки спят. Наши палатки стоят в кемпинге малюсенького городка Литл Рок. Сюда мы вынуждены были свернуть, спасаясь от огромной чёрной тучи. Она появилась задолго до захода солнца в северной части неба, и тут же устремилась нам наперерез. Мы приняли вызов, прибавили скорости и некоторое время надеялись, что нам удастся одержать верх в этой гонке, оставить тучу где нибудь позади, но после трёх часов отчаянной борьбы, были вынуждены признать победу своего великого соперника. Словно насмехаясь над нами чёрная, с серыми, словно дымящимися краями туча, будто перекрыла путь солнцу, насильно отодвигая его от земли. Затем наполнила окрашенным в чёрный цвет воздухом всё видимое пространство, оставив лишь узкую, в несколько десятков метров, полоску. Мы едва успели нырнуть в городок расположившийся в километре от дороги и раскинуть палатки. Прямо из нависших над верхушками деревьев чёрных туч вдруг с таким оглушительным треском вылетела молния, что показалось, будто земля вздрогнула и подпрыгнула куда-то вверх. Аж дух перехватило на миг! Вслед за этой молнией, как из какой-то прорвавшейся дыры вылетел плотным потоком ветер. Он налетел вмиг, и только густой кустарник плотными куртинами растущий на территории кемпинга спас наши палатки от этого безжалостного натиска. Но он и не пытался бить с одной стороны. Как опытный боксёр он наносил удары то с одной стороны, то с другой. Он налетал, выхватывая из рук и разбрасывая по площадке наши вещи, опрокинул велосипеды, покатыл, словно снежные комья наши сумки, что были сложены не под пологом палатки. Капли дождя, пытаясь пробить тент, – с такой силой швыряет их ветер, – атакуют нас, забившихся в одну палатку. Мы поддерживаем стойки, гнущиеся под напором ветра. Над головой грохочет гром. Удары его сливаются в один, меняющий интонацию раскат, молнии сверкают не переставая. Часа через два - три, вволю позабавившись, буря уходит на юг, оставив полную, почти безвоздушную тишину. Утомлённые борьбой путешественники, разбредаются по своим местам, моментально засыпая.

Много событий произошло за это время. Покинув Ниагара Фолс, целый день потратили только на то, что бы выехать из Буффало. Крупный городище! Масса светофоров затрудняли движение, приходилось останавливаться через каждый километр пути. Дорога не везде хорошая, нужно и за машинами следить, и от

ухабов уворачиваться. То и дело: - «Яма слева! Яма справа!». Километров двести дорога бежала вдоль озера Эри. Каково название! Эри – одно из Великих Американских озёр. Представить трудно такие гигантские размеры. В местечке Ванакх выскочили на пляж. Вот и искупаться можно, а то всё дома, дома, к побережью так просто не выйдешь. Вода чистая, озеро – безбрежное. Как-то незаметно выехали из штата Нью-Йорк и прихватили выходящую к побережью Эри северную часть Пенсильвании. Леса, невысокие горы, отсутствие сильного ветра. Поля, засеянные кукурузой и соей, аккуратные, красивые дома и ухоженность любой жилой территории. Всё это бросается в глаза, к этому привыкаешь и привыкаешь быстро. День пути по Пенсильвании, и вот мы уже у границы штата Огайо. Впереди Кливленд. Это очень крупный город. Вспоминая, как тяжело было выезжать из Буффало, решаем обойти очередной мегаполис южнее. Это крюк километров на 150, но делать нечего. Безопасность важнее расстояний.

Все дороги в Америке имеют направление с юга на север, или с запада на восток. Ну и, естественно, с севера на юг, и с востока на запад. Каждая дорога имеет свой номер и указатель направления. Например: «север 45». Удобно. Посмотрел на карту и определил, куда может вывести та или иная дорога. И ещё можно выбрать дорогу с наименьшей загруженностью машинами. Это дороги местного значения.

Свернули на второстепенную дорожку, ведущую куда-то далеко на юг. Покрытие её то же – асфальтированное, поля обработаны всё так же, умелой рукой, как и везде в Америке, но что-то неумовимо изменилось. Что? Навстречу нам попадает конная повозка. Сначала одна, затем ещё и ещё. Обычная небогатая карета 18-го века. Внешний вид сидящих в карете людей усиливают наше недоумение. Мужчины в старинного покроя рубахи и брюках, в соломенных шляпах с широкими полями, с длинными бородами. Женщины – в чепчиках и длинных платьях. Дети одеты в те же наряды. Можно подумать, что идёт съёмка какого-то исторического фильма. Будто объявлен перерыв в съёмках, актёры продолжают вживаться в роль, вот-вот появится режиссер, и мы станем случайными зрителями ещё не существующей картины. Но нет. Из магазина, который находится в самом центре этого небольшого городка, под странным названием Месопотамия, доносится музыка, возрастом два – три века. Мужчина, вышедший из дверей магазина, закрылся рукой от направленного на него фотоаппарата и неспеша направился к своей повозке и лошади, терпеливо ждущей своего хозяина у коновязи. Вслед за ним бегут дети – видимо сын и дочь, одетые по моде всё того же 18 века. Покупки уложены в коляске – карете, пассажиры занимают свои места, и вот уже экипаж проворно направился восвояси. Невероятно! Сон какой-то! Кто же это? Абсолютно случайно на наш вопрос отвечает одетая на европейский манер женщина. Вот это кто! Староверы – протестанты, как объяснила нам эта женщина. Интересно! Они едят только то, что выращивают сами, имеют свои школы, не фотографируются. Да, слабоват английский! Не всё понятно. Остановка получается слегка затянутой. Но так хочется продолжить знакомство! Я захожу в магазин. Женя, мой младший сын, хватает камеру и бежит за мной. Скрытно, направляя объектив скорее на меня, нежели на посетителей магазина, он снимает всё, что возможно. Только так можно заснять их в непринуждённой обстановке. Нам везёт. Один из этих странно одетых людей заговаривает со мной. Развернуться в магазине негде, поэтому съёмка нечёткая. Но это лучше, чем ничего.

Солнце близится к закату, а нам ещё нужно успеть добраться до кемпинга, что находится в 50 километрах. Прибавляем ходу. Стараемся удержать скорость в пределах 27 – 29 км\час. Получается. Солнце зашло. Начинает смеркаться. Неожиданно из-за поворота вылетает надпись «кемпинг». Ура! Дошли. Новый рекорд получился. 140 км за день пройдено. Ай да мы, ай да молодцы!

Несколько дней по Огайо идём с попутным ветром. В городе Акрон нас лихо выхватывает из толпы репортёр местной газеты. Берёт интервью, расспрашивает обо всём, фотографирует. Поразительно, но нам удаётся бойко ответить на все вопросы, несмотря на плохое знание языка. А вообще, беседа эта выглядит крайне смешно со стороны. Восемь человек, то и дело обращая друг к другу, пытаются скомпоновать фразу таким образом, что бы она была понятна американскому репортёру. Наша беседа мигом собирает целую толпу зевак, каждый из которых изо всех сил пытается помочь репортёру понять нас.

Леса постепенно остаются позади. Теперь нас окружает, лишь максимально изменённый человеком ландшафт. Кукуруза, соя, опять кукуруза. Между населёнными пунктами уже «просматривается» расстояние. А то на востоке нелегко различить, где заканчивается один город и начинается другой. Штат Индиана вытянут с севера на юг, но довольно узок с запада на восток. Мы проходим его буквально за два дня и въезжаем в Иллинойс.

Ветер меняет направление каждый день. Сегодня в спину, и вот мы легко пролетаем за четыре часа сто километров. Весь следующий день ветер бьёт в лицо, и вот уже те же километры даются с огромным трудом. Мы останавливаемся, проверяем тормоза, не зажаты ли они грузом вещей, не сжимают ли обод? Проверяем смазку колёс, останавливаемся попить, давая отдых усталым мышцам. Бутылка с водой идёт по кругу, рука дрожит от не проходящего напряжения. Кажется, что и солнце палит сильнее, чем всегда и груз

тяжелее. Но оставленные позади две тысячи километров дают о себе знать. Мы полностью вработались, и Иллинойс проскакиваем за три дня. К городку Мерилвилл подошли вечером, оставив позади за семь часов хода, 165 километров. Вот, что значит подготовка!

В городке Мерилвилл остановились в мотеле. Мерилвилл, это пригород Чикаго. Искать кемпинг было просто некогда, поэтому пришлось снимать номер в классном мотеле. Дорого, но что делать? Итак, едва устроились, темень опустилась. Утром, едва выехали из мотеля, попали на слёт байкеров. Вот уж мальчишки порадовались! Вот уж для них удача – походить среди мотоциклов, пощупать их собственными руками. Огромная площадь до отказа набита мотоциклами. Мотоциклы сильные, блестящие, орущие. Вообще, в Америке байкерское движение очень распространено. Немыслимые костюмы, внешний вид привлекают внимание любого человека. Байкеры, среди которых множество женщин, приветствовали нас очень тепло. Едва узнали, что мы идём через материк, пригласили в свой круг. Угостили нас кофе, подарили каждому по красочной майке, фотографировались с нами с удовольствием, сразу признав в нас своих. Мальчишки – вне себя от удовольствия и радости. А уж когда всю первую половину дня каждый обгоняющий нас байкер сигналил нам громогласно, радости мальчишек не было предела.

В городке под запоминающимся названием Клинтон, переходим не только в следующий штат, но и переправляемся через Миссисипи. Как интереснейшую книгу листаем страницу за страницей! Ещё один урок живой географии раскручивается перед нами. Самая многоводная река Америки, Отец Вод, как его называли индейцы, и которой он и остался поныне. Вода реки огибает многочисленные острова, на которых то тут, то там видны длинноногие цапли и какие-то другие длинноногие птицы. Вода кипит водоворотами, несёт плавник, который накапливается на илистых мелях. Здесь – верхнее течение, поэтому река ещё не очень широка. Но скрытая мощь чувствуется. Говорят что в своём нижнем течении Миссисипи во время хорошего разлива заливают огромные территории, разрушает дома, прорывает дамбы, оставляет без крова сотни семей. Что ж, охотно верю. Такое впечатление, что захочет она сейчас побушевать, выйти из берегов, похмуриться волнами, и появятся волны, и поднимется шум, и заговорит она громогласным голосом! Едва переправившись через мост, попадаем в поле зрения местных телевизионщиков. Они снимают сюжет для новостей штата. Едва начался наш диалог, оператор развернул камеру, и вот уже мы даём интервью и рассказываем о своих похождениях дотошному телерепортёру.

Впереди Айова. Впереди Пайпстоун, где ждут нас на Танец Солнца. Айова, это типичный сельскохозяйственный штат. Не много изменилось, наверное, со времени путешествия Стрельникова и Пескова, так увлекательно описавших своё путешествие в своей знаменитой книге. Этот штат входит в так называемый «золотой пояс». Выращивается кукуруза, соя. Поля – поля, сельскохозяйственные угодья, иногда перемешивающиеся с рощами деревьев. Фермы, тихие городки, первоклассные дороги. Ветерок, от которого нет спасения, разве что в согласованной работе всей команды. То одна двойка впереди, разрезает поток воздуха, давая возможность отдохнуть, идущим позади, то другая двойка выходит вперёд. И вот наши палатки стоят в кемпинге малюсенького городка Литл Рок. Тишина. Самое время, не мешая никому, посидеть над дневником.

Танец Солнца.

Тихое, спокойное утро. Нет даже намёка на вчерашнюю бурю. Бойко собираемся в путь. Около тридцати километров пути до городка Рок Рапид, пролетаем за час, затем поворот на север, ещё десять километров и мы в штате Миннесота. Ветер подгоняет. Сегодня последний, самый главный день церемоний священного Танца Солнца у индейцев. Так хочется успеть! Вот появляется на горизонте городок Пайпстоун, цель сегодняшнего дня. Дорога бежит через самую, что ни на есть настоящую прерию. Сухо, скалистые останцы слегка возвышаются то тут, то там, среди волнистых холмов. По сторонам смотреть некогда. Выкатываем на улицы Пайпстоуна. С ходу проскакиваем городок и выезжаем на просёлочную дорогу. Она и ведёт нас дальше, к священному для коренных американцев месту. Вот впереди и несколько в стороне от дороги показались островерхие палатки – типы, национальные жилища индейцев равнин. Лагерь надёжно укрыт от посторонних глаз холмами, охраняется надёжно индейской полицией. Не каждому дано увидеть священную церемонию, которая дошла до сего времени из глубокой древности. Просто так, постороннему человеку сюда не попасть. Как хорошо, что нас ждут здесь. Мне долго пришлось доказывать свои благие намерения лидерам индейцев. Столько писем, телефонных разговоров, времени потрачено... Стоп. Дорогу нам перекрывают, откуда ни возьмись взявшиеся длинноволосые, смуглолицые молодые мужчины. Индейская полиция. Индейцы. Само это название сразу же переносит воображением в недалёкую глубь истории. Смешно, но ждешь перья и томагавки. Вместо этого, старший группы достаёт портативную рацию, связывается с лагерем, глядя на нас суровым взглядом, задаёт кому-то несколько вопросов. Выражение его лица смягчается. Он отходит в сторону и рукой показывает нам, что мы можем проехать. Дальше все события бегут с невероятной быстротой. Лагерь. На въезде знак о запрещении фото и видео съёмки. Заезжаем внутрь. Несколько оборотов педалей, и мы в центре индейского становища. Стоят по кругу типы –

традиционные индейские жилища. Два десятка шестиметровых жердей одним своим концом установлены по кругу, на равном расстоянии друг от друга. Другие концы связаны вместе наверху так, что бы образовывался своеобразный конус, который и является скелетом будущего жилья. Накрыт весь этот каркас парусиной. В давние времена покрывкой служили шкуры бизонов. Каждая такая палатка расписана яркими красками. Палатки стоят по кругу, как и положено. В центре – костёр, вокруг которого разбросаны низенькие, странного вида, шалаши, неизвестного мне назначения. Всё это взгляд выхватывает сразу, одним махом. Перед нами неожиданно, как и полагается индейцу, появляется фигура. Это довольно пожилой мужчина – индеец. Представляется. Индейское имя ему – Одинокый Волк. Джинсы, майка с изображением волка и мокасины составляют его наряд. Лицо покрыто морщинами. Странно – морщины не старят его. За стёклами очков скрыты выразительные глаза, необычного, для индейца, серого цвета. Взгляд спокойный, рассудительный и чуть снисходительный. Он должен помочь нам разобраться в происходящем. Ставим велосипеды в кучу, сбрасываем рюкзаки, камеру, фотоаппараты – их тут никто не возьмёт – снимаем обувь и устремляемся туда, откуда доносится бой барабанов. Проходит всего несколько секунд, и мы попадаем в священный круг. Бог мой, мы на самом, что ни на есть, языческом обряде! Подумать только. Это ведь не кино! Как будто ожившие персонажи давно прочитанного романа Купера перед глазами. В центре священного круга стоит дерево, с обрубленными нижними ветвями. Круг немаленький – метров сто в диаметре. Имеет четыре входа-выхода, по числу стран света. По периметру круга, выложенного кусками священного камня, проходит тропа, которую, скорее всего, можно назвать колеёй, протоптанную многими и многими людьми. Много лет подряд в этом месте проходит этот обряд. Много лет, приносящие жертву Солнцу люди, ходят и ходят по этому священному кругу, волоча за собой черепа буйволов. Таков уж этот обряд. Знахарь долго готовится к нему, проходит множество очистительных церемоний, прежде чем посчитает, что готов послужить Солнцу. В двух местах на спине под лопатками пробивается кожа и верхний слой мышц, через надрезы протягиваются ремешки, к которым прикрепляются черепа буйволов. Нелёгкие они, каждый весит порядка 12 – 15 килограммов. Долгих четыре дня без еды и питья знахарь везёт их за собой.

Мы встаём в круг. Рядом с нами индейцы – мужчины, женщины. Они танцуют. Танец несложный – переступай с ноги на ногу в такт барабанному бою и пронзительному пisku свистков, которыми «вооружены» участвующие в церемонии люди. Четыре человека непрерывно бьют в огромный барабан и выводят высокими гортанными голосами, странную для уха мелодию. Дикую мелодию, пришедшую из глубины веков.

Мы пытаемся петь вместе со всеми песню, которая должна помочь знахарям. Слова не понятны, мы лишь мычим нечленораздельно, стараясь сохранить нехитрый мотив. Вместе со всеми поднимаем вверх руки, будто прося у Солнца помощи для них, тех, кто сейчас находится в самом центре внимания. Вот главный знахарь – Клод Белькур проходя по кругу, подходит к тому месту, где мы стоим. Ясно видны надрезы на спине и кровь, которая стекает вниз, к поясу. Он устал. Шутка ли, четвёртый день такого напряжения! Я сам в страшном возбуждении от увиденного, а мальчишки стоят просто с открытыми ртами. Вряд ли они способны в этот момент ясно соображать. У меня всё это действие как-то в голове не укладывается, а уж для них, пятнадцатилетних, всё происходящее, конечно, не поддаётся никакому описанию.

Мы танцуем вместе со всеми час, другой, третий. Наступает кульминационный момент. На тропе Священного круга остаётся один человек, - главный знахарь. Он должен освободиться от своей ноши. Освободиться он должен сильным рывком, разорвав кожу надрезов. У входа в священный круг знахарь останавливается, собирается с силами и бросает своё тело вперёд! Ремни натягиваются, кровь брызжет из надрезов, черепа движутся вперёд, попытка неудачна. Всё лицо Клода покрыто огромными каплями пота, бой барабанов переходит на ожесточённый ритм, все, стоящие в кругу люди опускают руки со стоном. Мы тоже там, вместе с ним! Три раза знахарь повторяет свою попытку, три раза его постигает неудача. Силы его на исходе, но он собирает всё своё мужество, и продолжает движение. На салазки садятся женщина и два ребёнка. Нужно усилить вес груза. Это разрешено. Вот Клод приготовился, собрался с духом, рванул, что есть сил! Раздался треск, от которого стало больно даже нам, стоящим в стороне, сторонним наблюдателям, пришедшим из другого мира. Клод удержался на ногах после этого рывка. Честь ему, и хвала. Вздох облегчения и затем радостные крики пролетели над священным кругом. Черепа остаются на месте! Неподдельная радость охватывает всех, кто помогал знахарям пройти испытание. Мы кричим вместе со всеми слова победы. Главный распорядитель обряда Денис Бенкс объявляет во всеуслышание, что на церемонии присутствуют русские ребята. Что они приехали сюда не на машинах, а дошли своим ходом на велосипедах. Буквально рёв восторга сопровождает его слова. Гордости нет предела, а распорядитель сразу включает нас главными действующими лицами в церемонию выкуривания трубки. Вот это честь! Поучаствовать в церемонии, которая известна любому человеку, читавшему книги об индейцах. Каждый из нас получает трубку, набитую листьями полыни. Полынь особого вида, она применяется индейцами равнин

уже не одно столетие. Мы должны пронести трубку по кругу и предложить каждому взять её в руки. При этом барабаны продолжают греметь, свистки – свистеть, все движения в церемонии текут по строго определённом сценарию. Мелькают лица. Женщины, мужчины, кровавые потёки, улыбки. Свистки, барабаны, серьёзные лица, священные трубки, перья орлов. Охватить сознанием всё сразу не получается. Да и не надо. Это потом, по прошествии некоторого времени мозг сам разложит всё по своим местам, своим полкам. А сейчас хочется просто запечатлеть всё как можно ярче в своей памяти. Церемония закончена. Остаётся только поблагодарить всех. Это тоже обязательная часть обряда. Все присутствующие выстраиваются длинной змейкой и, начиная с первого человека, начинают двигаться навстречу друг другу. - «Мингвейч», произносит каждый. На языке народности чиппева, это обозначает «Спасибо». Мы говорим на языке чиппева и добавляем своё русское «спасибо». Индейцам приятно произносить доброе, незнакомое слово. Они с удовольствием повторяют его ещё раз и ещё. – «Вы можете снимать теперь сколько угодно», - говорит Денис Бенкс, - «возьмите с собой священный камень на свою далёкую Родину». И добавляет: - «Сейчас, по обычаю наших Отцов будет большой пир. Вы все приглашены. Ночевать можете в любой палатке – типи». Ну что ж, неплохо. Хватаю камеру, фотоаппарат и бегаю по всему лагерю, снимая всё, что можно. Мальчишки ходят по лагерю, знакомятся с его обитателями, общаются. Их приглашают к себе то одна группа людей, то другая. Пользуясь предоставленной возможностью, они выбирают себе осколки камня. Это особый вид камня, что-то среднее между спрессованной глиной и сланцем. Он мягкий настолько, что довольно легко режется обычным ножом. Испокон веков здесь, в этих местах его добывают индейцы равнин. Именно для изготовления священных трубок. В прежние времена здесь даже войны прекращались между племенами. Само название городка «Пайпстоун», переводится как «трубочный камень».

Напряжение от всего увиденного за день, постепенно проходит. Набираем еды. Она разнообразна, и, что интересно, есть национальные блюда. Да, индейцы большие гурманы, впрочем, как и остальные американцы. Мясо бизона и арбуз, сладкий салат и жареная курица. Теперь, когда всё закончилось, можно неспеша поесть и, наконец, как следует осмотреться. Лагерь находится буквально на границе небольшого национального парка, который носит то же название, что и городок – «Пайпстоун». Узенькая заасфальтированная дорожка, по которой мы отправились спустя некоторое время, вывела нас поначалу к музею, в котором собраны образцы древних трубок индейцев, а затем к водопаду и скалам, состоящим наполовину из этого священного камня. Всё вокруг находится в первозданном состоянии. Кажется – покопайся здесь, в этой земле как следует, найдёшь и трубки, и наконечники стрел и ещё много всякой древней всячины.

Вечереет. Многие индейцы покидают лагерь. Сворачивают палатки, грузят свои вещи на машины – пикапы и уезжают. Но убрать следы своего нахождения здесь нелегко, и большая группа людей останется здесь ещё на два – три дня. Мы тоже остаёмся на одну ночь. Завтра с утра пораньше отправимся дальше, на запад. Солнце медленно заходит за горизонт, линия которого находится в бесконечной дали, за волнами холмов. Несколько высоких деревьев, лениво шелестя листочками, посматривают, то на нас, то на заходящее солнце. Тишина.

Ураган.

Кто-то мягко, но с необычайной силой попытался сдвинуть меня с места. Это ещё что такое? И что это за дикие крики раздаются снаружи? Приподнимаюсь и окончательно прихожу в себя. Весь двойной слой боковой стенки палатки, подчиняясь немыслимой силе, пытается отбросить меня в центр. Металлические дуги, которые держат свод, согнулись почти до земли, потеряли форму и готовы вырваться из своих гнёзд. Вскакиваю, прогнав остатки сна этим стремительным движением, и, стараясь противостоять мощи ветра, выгибаю дуги обратно. Моих усилий явно недостаточно. Но мальчишки начеку, их ветер не помиловал, - разбудил. Они без слов включаются в работу. Саша Воронков упирается, что есть сил в дуги с противоположной мне стороны, Женёк держит боковую стенку, а Саша Медведев бросается на помощь мне. Совместными усилиями нам удаётся спасти наш дом от натиска ветра.

- Стойку держи, скорее! – слышу я, как, стараясь перекричать вой ветра, командует кому-то Лёша. – Унесёт нас сейчас!

Выскакиваю из палатки наружу. Сильнейший порыв ветра почти сбивает меня с ног. Что бы устоять пригибаюсь к самой земле. Не вижу велосипедов. Они стояли здесь, перед входом в палатку. Ладно, некогда сейчас разбираться. Всё небо на юго-западе залито мерцающим светом молний. После очередной вспышки наступает густая, вязкая темнота. Крики мальчишек гаснут в вое и грохоте ветра. Бах! Верёвка, которая держит одну из стоек, лопнула. Надо хватать фонарь, искать запасной шнур. Надо скорее ставить стойку на место! Скорее, скорее. Холодно. Вот и шнур. Олег и Лёша изо всех сил держат стойки, Рома и Дима держат палатку изнутри. Выпрямляем стойку с Олегом, прикрепляем новый шнур. Шарю по траве, ищу кольшек, он должен быть где-то здесь. Ромка выскакивает мне на помощь, подсвечивая фонариком. Тьфу ты!

Батарейки на исходе. Свет тусклый – тусклый. Неожиданно яркая вспышка молнии освещает поляну. Вот он, колышек. Набрасываю петлю на его конец, хватаю что-то довольно тяжёлое в руку и пытаюсь вбить колышек. П-хх-шш! Это алюминиевый баллончик с жидкостью от комаров. Ещё днём нам раздали такие баллончики индейцы, предупредив, что вечером бывает много mosquitos. И вот сейчас он буквально взорвался у меня в руках, едва я успел глаза закрыть.

- Камень давай! Скорее! – это я кричу Роману, но он уже без всяких указаний несёт увесистый булыжник. Раз, и колышек крепко забит. Быстро оббегаю вокруг палатки, проверяю ещё раз крепёж палатки. Олег с Лёшей ныряют внутрь и уже оттуда придерживают стойки. Я замёрз, но отказать себе в удовольствии посмотреть по сторонам во время самого, что ни на есть настоящего урагана, не могу. Группка деревьев, так нехотя и лениво шевелящие листочками вчера вечером, сейчас мужественно сопротивляются бешеному натиску ветра. У ближайшего к нам дерева ствол согнулся дугой, ветки кроны собрались в одну громадную щепоть и, похоже, не собираются уступать. В лагере суматоха. Кто-то из обитателей спешно грузится в машины, бросая на произвол судьбы свои палатки, и пытается уехать. Машины с трудом передвигаются вперёд. Дорога узкая и вот одну из машин ветер разворачивает поперёк дороги. Пробка. Паника. Похоже, только мы и наш сосед – Одинокий Волк со своей семьёй, ведём себя довольно спокойно. Нет. Вот кто-то пришёл на помощь паникёрам, расставляет по местам мечущихся туда - сюда людей. Всё, вроде бы полный порядок.

Откуда-то сверху с ужасным воющим гулом налетает новый порыв ветра. Едва успеваю запрыгнуть в палатку, как ещё более сильный шквал обрушивается на неё. Что происходит снаружи, я уже не знаю. Мысль одна – надо как-то устоять. Между порывами ветра успеваю удостовериться, что всё в порядке у мальчишек из соседней палатки. Им тяжело приходится, но они держатся. Молодцы. Ветер стихает совершенно неожиданно и больше никак не напоминает о себе. Ближится утро, скоро светать начнёт. Больше двух часов ветер куражился над нами. Что ж, похоже, это предупреждение древних индейских богов, – не задерживайтесь, мол, на этом священном месте, езжайте дальше с миром. Будьте покойны, ни на минуту лишнюю не останемся. Дайте нам немного отдохнуть и уж завтра мы постараемся убраться отсюда подальше. Всё. Проваливаюсь в сон.

«Великие Равнины», или «Под защитой индейских молитв». Приключения в Южной Дакоте.

Утро. Тишина. Выбираюсь из палатки. Смотрю по сторонам. Вместо дерева, которое стояло вчера близ нашего лагеря, торчит обрубок, высотой метров десять. Обломанная вершина лежит далеко в стороне, шагах в десяти от ближайшей палатки. Хорошо, что никого случайно не задела. Велосипеды, накануне поставленные нами аккуратной кучкой, сейчас безжалостно разбросаны по всей поляне. Быстро собираю их, попутно обсуждая события минувшей ночи с оставшимися индейцами. Те из них, что не уехали ночью во время бури, спешно собираются. Они считают, что буря может вернуться. Нам тоже пора. Поздно уже. Обычно мы уже давно в пути в это время. Восемь часов утра по местному времени. Бужу мальчишек. Не выспались, бедненькие! Но делать нечего. Пообещали же мы во время бури индейским богам поскорее убраться с этого священного места, нужно держать обещание. Солнце скрыто пеленой прозрачных облаков. Это хорошо, хоть от жары страдать не придётся сегодня. Прощаемся с остающимися в лагере индейцами. Меняемся адресами, сувенирами. Из дома, в качестве сувениров мы взяли традиционные деревянные вещи. Например, ложки, половники. Сейчас они очень даже кстати. Неожиданно бойко «уходит» диск с песнями моего младшего брата. Он сочиняет музыку и слова песен. Одним словом – бард. Раздаю почти всё.

Раскидываем карту, намечаем ближайший путь. Пятьдесят миль до Мэдисона, городка, в котором можно будет найти продуктовый магазин, – дорога не близкая, нужно как следует позавтракать. Семь миль на запад, и вот мы уже катим по Южной Дакоте, девятому штату на нашем маршруте. Рельеф холмистый. В Айове, и ещё раньше, - в Иллинойсе, холмы были какие-то растянутые, с едва заметным склоном. Здесь, в Дакоте, они крутые и напоминают тела американских буйволов – бизонов. Будто волны, прячась, друг за друга, уходят всё дальше и дальше, до самого горизонта. Изредка можно увидеть одинокие деревья, и даже небольшие рощи, растущие по наиболее крутым склонам холмов. Кое-где прерия распаханна. Можно увидеть колосающую кукурузу, но чаще мы видим обычные пастбищные земли. Коровы, быки, иногда лошади, ещё реже – бизоны. «Всего три мили в сторону от дороги, и Вы будете наслаждаться жареным мясом бизона!» - гласит надпись, выполненная от руки обычной краской на большом листе фанеры. Краска слегка облупилась, облетела, сам щит немного покособился от ветра и дождя. Вправо от трассы отходит щебенчатая дорога. Она проходит через высокие ворота без дверей. На верхней балке ворот, видимо для красоты, укреплено старое деревянное колесо от фургона, которые были в ходу у поселенцев. По обе стороны от этого колеса блестят, выбеленной на солнце костью, два черепа буйволов. Саму ферму не видно – дорога скрывается за ближайшим холмом. Вот так вот! Кто-то выращивает быков, а кто-то пытается

наладить выпуск бизонятины. Но, судя по давно не обновлявшейся надписи на рекламном щите, дело, видимо, не очень бойко идёт. Кстати – на заправках в этой части Америки частенько можно было увидеть сосиски из мяса буйволов.

Крутим на запад. Вот уже остаётся позади Мэдисон, а за ним ещё пятьдесят миль. Дотягиваем до Форестбурга. Три дома всего в этом поселении, и небольшой парк, в котором мы разбиваем лагерь. В парке есть колонка с питьевой водой, столик, где можно посидеть, перекусить. Есть даже розетка! Но нас больше интересует густая рукотворная роща, в которой можно спрятать палатки от ветра. Мальчишки, памятуя о событиях прошлой ночи, забираются подальше вглубь сосновой посадки. Закутывают крышу остатками полиэтилена, плотно прикручивая его скотчем. Что ж, резонно. На западе опять собираются вместе тучи, грозя разразиться и ветром, и дождём. Ночью ветер силён. Но сосны его сдерживают, не дают добраться до нас и ночь проходит спокойно.

Новое утро. До городка Вуунсокета всего девять миль. Сильный, боковой, северный ветер. Опять накатывают чёрные, с белым подсветом понизу, тучи. Они всё ниже и ниже. Всё сильнее и сильнее ветер. Выкатываем на улицы городка. В небольшом музее, где мы пытаемся узнать о местонахождении продуктового магазина, нам пытаются втолковать о штормовом предупреждении, которое получили жители Вуунсокета всего лишь пятнадцать минут назад. Мы быстро доезжаем до магазина, упаковываем вещи и велосипеды полиэтиленовой плёнкой и, сопровождаемые первыми каплями дождя, забегаем внутрь. Вовремя! Через две минуты на городок, на магазин, в котором мы нашли приют, обрушивается такой шквал дождя и ветра, что странным кажется возможность здания просто сдержать этот бешеный натиск. Повезло нам. Застань такой катаклизм нас где-нибудь в поле, нелегко бы нам пришлось. А так – пусть себе беснуется за стенами. Мы, тем временем, покупаем продукты, заполняем дневники. Полтора часа, может быть, чуть больше бушует ураган, стихает неожиданно, и опять можно трогаться в путь. Дорога быстро высыхает, становится тепло и через час уже ничего не напоминает об утреннем приключении. Высота местности постепенно, медленно и неуклонно повышается. В Пайпстоуне мы находились на высоте 450 метров. Здесь, на подъезде к реке Миссури, высота достигает 510 метров. К обеду выглянуло солнце, заставив забыть о непогоде. Но жди, какого нибудь подвоха! Вот уж эта погода американская непонятная! Ветер подгоняет в спину. Хорошо подгоняет! Помогают индейские боги! Не зря я укрепил на руле подаренный мне в индейском лагере амулетик - кружок из священной полыни, особым образом увязанный и упакованный в белую материю.

После полудня дорога приводит нас в резервацию индейцев сиу, находящуюся в районе ручья Кроу. Индейцы живут в этих краях всего лишь сто лет. Их предки проживали в штате Миннесота и после неудачного восстания они были сосланы сюда. Жестоко. Вообще, индейцам пришлось несладко и понятна их нелюбовь к «бледнолицым». Впереди блестит большая река, которую вначале мы принимаем за озеро. Раскидываем карту. Так и есть! Это Миссури. Теперь дорога, оставив холмы позади, полого спускается к реке. Первые дома тихой улочки центрального городка резервации - Форта Томпсон выстраиваются вдоль дороги. Проезжаем мимо обязательного казино, - обшарпанного здания с красочно оформленной вывеской. Несколько магазинов, автозаправочных станций, школа, супермаркет. Спешиваемся у его дверей. Группа индейцев-мужчин обсуждают что-то, воровато бросая в нашу сторону взгляды. Ставим свои велосипеды рядом с потрёпанными, выдавшими виды «Фордами», заходим в магазин, предусмотрительно оставив половину состава следить за оставленными велосипедами. Магазин, как магазин – прилавки, стеллажи с товарами. Лишь покупатели длинноволосы и бронзовокожи. К стеллажу с рыбацкими принадлежностями подошёл парень – индеец, лет пятнадцати – шестнадцати. Абсолютно не смущаясь, набрал полные карманы грузил, крючков и прочей мелочи. Один крючок взял в руки, подмигнув стоящему рядом моему сыну Ромке и пошёл расплачиваться. Заплатил за один крючок, и был таков. Да, ухо надо держать остро! У кассы меня замечают с третьей попытки, сначала обслуживают своих – индейцев. Никто не поинтересовался – кто мы, что мы. Похоже, даже элементарного интереса к нам нет со стороны жителей резервации. Другая здесь Америка, другая.

Ужинаем в заброшенном парке напротив супермаркета, и едем дальше. Пара километров и вот мы на берегу Миссури! Спрашиваем у мальчишек – индейцев, идущих навстречу о возможности искупаться. Те со страхом шарахаются от нас, пробормотав что-то непонятное. Вот тебе и знаменитые индейцы – воины!

Пляж, раздевалка, туалет, знак, запрещающий распивать спиртные напитки. Запрещающего купание знака не наблюдается. С удовольствием лезем в воду. Но до догонялок дело не доходит – слишком уж прозрачна вода. Без постороннего запаха, вкуса. Как гигантский родник. Солнце близится к закату, а у нас всего сто двадцать километров в активе на сегодняшний день. Устремляемся вперёд. Правый берег встречает нас кажущимся бесконечным подъёмом. Вверх, вверх и вверх, бежит дорога. Вершина горы, которую мы заметили ещё сегодня до обеда, стремительно приближается. У подножья её, на развилке двух дорог, стоит малюсенький, сколоченный из досок, магазин. Как в Китае, каком нибудь, а вовсе не в

Америке. И владелец – продавец, женщина с длинными волосами и индейской наружностью, имеет странный вид. То ли в подпитии, то ли после дозы наркотиков, не понять. Может быть, просто манера общения у неё такая. Но дальше ехать сегодня, смысла нет. Тем более индейка предлагает нам место для кемпинга за домом. Туалет, газон, утром кофе. Сто сорок километров, всё же неплохо.

Утром мы быстренько пролетаем десяток километров до городка в несколько домов, расположенного на автомагистрали под номером 90. Неожиданно, на наше счастье, вдоль магистрали бежит на запад второстепенная асфальтированная дорога. Ура! Поворачиваем на неё и в гордом одиночестве устремляемся на запад. Правда, нам приходится вместе с полотном дороги повторять все неровности рельефа, потому что эта дорога, в отличие от автомагистрали абсолютно не нивелирована. А набор высоты продолжается! К обеду мы уже находимся на высоте 700 метров над уровнем моря, к вечеру добавляется ещё 50.

- Ничего себе, равнина. Я то думал, что здесь-то никаких холмов нет. – Вслух высказывает свои мысли Дима. – А тут вверх-вниз, вверх-вниз. Ух!

- Мы же вычерчивали профиль материка, и, к тому же, по сороковой параллели, - отвечаю ему, напоминая об уроках «кабинетной» географии.

- Так то, профиль на уроке карандашом, а здесь профиль по земле, и ногами. Теперь никто мне не докажет, что Великие Равнины, это равнины, а не сплошные горы. Ладно, хоть ветер нам помогает!

Ветер действительно упорно подгоняет в спину. К вечеру, оставив позади 185 километров, мы добираемся до Кадоки – небольшого посёлка, состоящего, кажется, из одних кемпингов, мотелей и автозаправочных станций. В кемпинге, где мы нашли приют, работает бассейн, джакузи, бильярдная комната.

Утром, поспав лишний час, в ознаменование личного рекорда суточного пробега, позавтракав плотненько, отправляемся дальше. Тридцать километров до местечка Кактус Флат проезжаем очень быстро. Дальше наш путь в национальный парк Бедленд. Это одно из самых удивительных мест Земли. Памятник Природы, сохранившийся до сего дня практически в первозданном виде. В переводе название обозначает «Плохая земля», или «Дурная земля». Что я, как учитель географии знаю о нём сейчас? Немного. Видел фотографии, читал описания. Безжизненные скалы, меняющие свои очертания уже не одну тысячу лет. Возникли они под действием дождей, ветра, то есть, под действием эрозионных процессов. Все описания утверждают, что площадь парка огромна, в несколько десятков квадратных километров. Посмотрим. Для того, что бы попасть на Бедленды, нам нужно поворачивать на юг. Повернув, сразу же встречаем сильнейший напор ветра, который состоит из густого, плотного, вязкого воздуха, буквально осязаемого руками. Кажется, лепи из него что хочешь, режь его ножом на куски. Сбиваемся в плотную группу, что бы было полегче тем, кто внутри её находится, и, что есть сил, продолжаем движение. Пыхтим часа полтора и, наконец, подъезжаем к аншлагу, гласящему о том, что мы въезжаем на территорию национального парка «Бедленд». Наконец-то! Небольшая заминка. Нам предстоит пройти через пропускной пункт. А для этого нужно приобрести билеты. Миловидная девушка – индейка, в форме служителя национального парка, прослушала наше объяснение, посоветовалась с кем-то по телефону и мы, заплатив, лишь пять долларов, пресекли границу страны Бедленд. У каждого из нас в руках небольших размеров, красочный буклет, который мы получили из рук нашего очаровательного контролёра. В нём всё. И подробный план национального парка, с указанием всех пунктов обзора. И схема дорог, по которым разрешается ехать, места стоянок, кафе, информационного центра и даже туалетов. Выскакиваем на первый обзорный пункт и бросаем в нетерпении велосипеды, на стоянке для машин. Ну, чудо! Фантастика! До самого горизонта, насколько хватает взгляда, простирается невиданный нами доселе, будто пришедший из сказки о Кошеч Бессмертном, ландшафт. Во время дождей вода устремляется вниз с глиняных гор, размывая склоны и оставляя глубокие борозды и потому, причудливо изрезанные водой и ветром скалы, создают полное впечатление безжизненности находящегося перед глазами пространства. Островерхие, уродливо изрезанные горы, почти лишённые растительности уходят к горизонту на юг. Солнце сейчас там, с той стороны. Лучи его освещают серые склоны, отражаются от вершин, прячутся в многочисленных оврагах. Вот они, края неведомые, о которых рассказывают прочитанные в детстве сказки! Тропинка, протоптанная туристами, ведёт на вершину ближайшей горы. Рискуя быть сбитыми вниз ветром, мы, с величайшей осторожностью, подобающей моменту, крадёмся туда. На миг, которого достаточно для фотоаппарата, прижавшись друг к другу, замираем, крадучись возвращаемся назад и вновь бегаем по краю, стараясь унести отсюда побольше памяти в фотоаппаратах и видеокамере. Дорога вьётся среди причудливо изрезанных холмов, разноцветных долин, гор прессованного вулканического пепла. Километров тридцать едем мы то и дело останавливаясь, оставляя велосипеды на обочине, пытаюсь понять – в чём же сила и притягательная красота этого места?! В необычности ландшафта, или в том, что американцы, которых мы почему-то считаем глупыми научились ценить и сохранять красоту природы? Может быть настанет время, когда мы будем любоваться оставшимися дурными землями на месте наших среднерусских лесов? Не смолкают фотоаппараты. Восторг не проходит, красотой не пресыщаешься, просто притупляется желание фотографировать. Смотришь снова и снова туда, к линии

горизонта, куда уходит долина с «Дурными Землями», и пытаешься представить, что чувствовали первые путешественники - географы, впервые оказавшись здесь?

В местечке Валл, опять выскакиваем на автостраду под номером 90. Наш путь на Рапид Сити. После обеда решаем совершить марш – бросок к этому городу, пока дует попутный ветер. Это порядка ста километров. Столько же мы оставили за спиной сегодняшним днём. Очень хорошо, ходко проскакиваем километров шестьдесят пять – семьдесят, затем дорога забирает к западу, и ветер перестаёт оказывать помощь. Набираем высоту, приблизились вплотную к тысяче – 975 метров. Так, глядишь, и наберём трудностей для категорийного турпохода, только кто поставит подпись под моим отчётом? Заходит солнце, а мы только на подъезде к городу. Ну почему проколы случаются в самый неподходящий момент? На сей раз, заднее колесо моего велосипеда спустило. Была надежда, на небольшой, игольчатый прокол, но нет. Минуту пыхтел, накачивая колесо, две минуты оно держало воздух, но далеко ли уедешь за эти две минуты! Стемнело окончательно. При свете фонарика пришлось копаться с колесом, клеить камеру. Усталые, голодные, преодолевшие за день 195 километров, мы, буквально ввалились в комнату одного из отелей Рапид Сити. Бассейн, ванна, ужин, спать....

Длинный крутой тягун, начавшийся ещё в центре города, выводит нас наверх. Остаётся позади Рапид Сити. Мы идём через горный массив Блек Хиллз. Небольшой массив, в диаметре всего километров сто пятьдесят. Находится почти в самом центре Великих Равнин. Близ городка Кейстоун находится гора Рошмор, скалистая вершина которой превращена в место паломничества туристов. Прямо из скальной породы вырублены барельефы четырёх президентов США. Сюда-то мы и пытаемся добраться, преодолевая этот подъём. Подъёмы сменяются спусками, опять майка, то пропитывается потом, то высыхает на спуске. На одном из перевалов дорогу нам перекрывает дождь. Неприятно, но что поделаешь. Раз горы, значит дождь. Закон Природы! К счастью, дождь не долог. В Кейстоун въезжаем после полудня. Вот городок! Гостиницы, бары с допотопным названием «Салун», ковбойские шляпы. Настоящий Дальний Запад, просто 19-й век какой-то! Лошадей не хватает на улицах. Одни мотоциклы. Разного цвета, конструкции, мощности. Складывается впечатление, что некоторые мотоциклы, собраны по индивидуальному заказу. Лелеют их американцы. Как некогда лошадей. Кейстоун, судя по всему, - городок байкеров. Их тут сотни. Музыка, треск двигателей, крики. Наша дорога проходит по центральной улице городка и уводит нас на саму гору Рошмор. Заключительная часть подъёма очень тяжела. Высасывает силы, заставляя ноги предательски дрожать, во время короткой остановки для съёмки открывающихся взору красот. Но зато наверху.... Барельефы ошеломляют. Грандиозностью замысла, грандиозностью проделанной работы. Всюду государственные флаги США, масса людей. В обязательном порядке информационный центр, кафе, туалет, площадки для отдыха. За вход платить не надо. Туристы оставляют деньги дальше – за сувениры. Да как будто и не озабочены создатели национальных парков сбором денег. Будто создана вся эта густая сеть парков исключительно для сохранения природы-матушки, и для отрады глаз человеческих. Конечно, может быть, я и ошибаюсь, ибо за въезд на машине надо платить деньги, а для американца машина, это средство передвижения. Но для нас, - велосипедистов везде зелёный свет. Хочешь, не хочешь, часа полтора мы на горе у барельефов провели. Успели, и перекусить, и с фотоаппаратами побегать, и в информационный центр визит нанесли. Недалеко отъехали, километров на пять семь, лишь надпись «Кемпинг» увидели, - остановились. После короткого совета решили дальше сегодня не ехать, тут остановиться. Горы, озеро, сосновый лес, чистый воздух, – что ещё нужно для полноценного отдыха?

Наш путь лежит на запад, в штат Вайоминг. К обеду следующего дня оставляем горы позади и, оставшись на высоте 1400 - 1500 метров, поворачиваем на город Каспер. Именно там нам удастся перевалить через Скалистые Горы с наименьшими усилиями. Пустынная дорога, горы и дикие прерии плоскогорья сопровождают нас до самого Дугласа. Да ветер, который, помня о заклинаниях индейских знахарей, меняет направление вместе с нами, не забывая нам помогать.

Горный Запад.

Мы едем по столице мормонов, - городу Солт Лейк Сити. Начинается заключительная часть путешествия. Наш путь на юг, на Гранд Каньон. До самого Дугласа, что находится в штате Вайоминг, мы шли по почти нетронутым человеком местам. Дорога тянулась между длинными горными хребтами. На сколько глаз хватало, тянулась сухая травянистая высокогорная равнина. Камни, иногда довольно большие по величине, полынь, щебень, чистый прозрачный воздух, вот и всё, что мы видели вокруг. Иногда встречались знаки, говорящие о том, что мы находимся на древнем пути индейцев – шайенов, или шошони. Когда-то давно, они мигрировали за стадами бизонов, перемещаясь, то на юг, то на север. С сельскохозяйственной точки зрения почва в этих краях бедная, транспортная сеть не очень густая. Плотность населения мала. Вот мы едем по тем краям, где до ближайшего населённого пункта сто километров. А мы, на велосипедах! Буквально затерянные в пространстве. Всё ближе подходим к Скалистым горам. Иногда дорога проходит через живописные останцы, с растущими прямо по склонам, на голых камнях соснами. Между останцами

расположились корытообразные долины, достойные любого приключенческого романа. Антилопы кучками или поодиночке выбегают из-за укрытий, попадают в поле зрения, нисколько этого не боясь и не стесняясь. Огибаем один из передовых хребтов Скалистых гор. Забираемся по гигантским ступеням гор Ларами на горное плато, где опять, на много миль кругом, нет жилья. В Равлинзе, небольшом городке, выходим на автомагистраль и устремляемся на запад.

Солт-Лейк Сити город большой, но интересный. Множество парков зеленыт его, а окружающие с трёх сторон горы, создают впечатление компактности. Но как бы ни был красив город, тяжело двигаться по его улицам своим ходом. Машины и светофоры сильно замедляют продвижение вперед, и мы рады, когда оставляем Солт-Лейк Сити позади и, наконец, попадаем на тихую дорогу под номером 89. Она-то и должна вывести нас к Гранд Каньону. Горы. Куда ни кинь взгляд – вершины, гребни, долины. Горы вздымаются до высоты 3500 метров и даже выше. Мы тоже, вслед за дорогой забираемся куда-то к седловине пересекающего наш путь хребта. Нет, не удаётся избежать косматой, тяжёлой тучи, зацепившейся за скалы наверху. Дождь обрушивается на нас сплошной стеной. Сопровождаемые страшным, лопающимся треском, молнии, прошивают густые клубы чёрных туч, тщетно пытающихся отцепиться от выступающих гребней гор. Ветер безжалостно отрывая целые куски этих туч, тут же выжимает из них воду, которую со всего маху бросает вниз. Вот мы уже достигли вершины перевала, вот уже начался спуск вниз, а дождь всё бьёт и бьёт своими огромными, холодными каплями, стараясь пробить насквозь наши куртки и сумки. Неожиданно мы вынырнули из полосы дождя. В лицо ударили яркие лучи солнца, которое будто в засаде пряталось за перевалом. Вновь стало тепло, а спуск всё нёс и нёс нас вперёд. Дорога выскочила на боковую стену каньона небольшой речушки. Внизу – пропасть, а вся противоположная сторона изрезана ветром и дождём. Рот открывается сам собой, руки самопроизвольно нажимают на тормоза. – “А!” – “О!” – “Ух!” – слышу я со всех сторон. Улыбки, нечленораздельные звуки, восторженные глаза, какое-то мычание. Красота просто сражает наповал. Я чувствую, как дыхание приостанавливается где-то глубоко в груди, замирает. – “Представляю, что будет с нами, когда мы доберёмся до Гранд Каньона!”, – говорит, будто ни к кому не обращаясь, Лёша Потехин. – “Да уж!” – отвечаю ему машинально, не представляя, что где-то есть более красивые места. Дорога бежит дальше, выскакивая из одного каньона и сходу ныряя в другой. Жёлтые стены сменяются красными, склоны гор подходят близко-близко. Иные из них “прощупываются” взглядом до мельчайших подробностей. Нет, не удержать в памяти эту красоту! Но ведь должна же она сыграть свою положительную роль! Всё равно оставит какой-то добрый отпечаток.

Дорога всё бежит и бежит вниз. Хорошо же мы забрались! Перевал был на высоте 2260 метров. Сорок километров катим вниз, до небольшого городка Маунт Кармел. Отсюда вновь дорога ползёт вверх и вверх. К вечеру, оставив позади более ста семидесяти километров, останавливаемся на границе штата Юта, в городке Канаб. Это обычный для Дальнего Запада городок. Кое-где виднеется зелень, много магазинов, отелей, автозаправок. С севера, запада и востока к городку подступают полуразрушенные останцы гор. Скалистые обломки горами, в абсолютном беспорядке, разбросаны у их подножий. А далеко на юг, на сколько глаз хватает, уходит высокогорная равнина. Где-то там, не очень далеко впереди, Гранд Каньон. Американцы называют его “восьмым чудом света”.

Опять идём в перевал. Долго карабкаемся на вершину его, часа три - никак не меньше. Всё утро дорога бежала по широкой, в несколько десятков километров, межгорной долине, среди кактусов и чахлах низкорослых кустарников. Здесь же, наверху, густой сосновый лес, дышится легко. А высота приличная, около двух с половиной километров. Рядом индейская резервация, и поэтому на редких, в этих краях площадках для отдыха, индейцы продают свои изделия. Это различного рода, кольца, браслеты, кулоны. Торговцы, в основном молодые. Легко торгуются, легко идут на контакт.

- Что это за вещь? – затеваю разговор с одним из продавцов, молодым высоким парнем. Смуглолицый, с широким лицом, слегка раскосыми глазами, в джинсах и футболке. Волосы густые, чёрные – чёрные. Глаза прикрыты модными солнцезащитными очками с полупрозрачными стёклами.

- О, это священный амулет. Он называется “Ловитель снов”, – и он начинает бойко рассказывать мне о необходимости приобретения этого амулета. Неожиданно прерывает своё объяснение. Указывая на российский флажок, спрашивает: - “Откуда вы?” Мой ответ ни о чём не говорит ему. Он не знает, где находится Россия, и не знает о том, что есть такая страна. Да что там говорить! Он не знает своего родного языка, как выяснилось. А талдычил мне что-то об амулетах. А ведь любая культура начинается с языка.

Спуск с перевала крутой, - только кепку держи! Полотно дороги ровное, без выбоин. Скорость приличная, ветер в ушах свистит. Километров пятнадцать продолжается спуск. Дорога перескакивает с одной стороны каньона на другую, взлетает на гребень скалы и снова бросается вниз. Надо бы остановиться, поснимать и полюбоваться замечательной картиной, но так не хочется сбрасывать скорость. Уж больно много пришлось сегодня педалями работать с сопротивлением. Входим в поворот. Дорога резко уходит вправо. Скалы расступаются, стремительно уходят назад.... Ах-х! Вот это да-а! Взору открывается просторная,

широкая долина. Мы видим противоположный край её. Это стена, высотой не менее километра. На глаз до этой стены километров десять. Дорога уходит серпантинно глубоко вниз, и далее убегает на восток, вдоль края долины, теряясь в бескрайних просторах пустыни. Мы просто обязаны остановиться здесь! Бьём по тормозам и выкруливаем на широкую обочину. Раскидываем карту. Находим точку стояния. Так. Вот на юго-востоке отмечена гора с плоской вершиной.

- Вот она! Вон, вон у горизонта! – кричат наперебой мальчишки. Так и есть.

- До неё восемьдесят километров! А она как на ладони. Вот какой прозрачный воздух. Но что бы добраться до этой горы, придётся сделать крюк, километров двести пятьдесят – триста. Прямой дороги туда нет. Вперёд!

И мы двинулись вперёд. Сначала по серпантину, затем к мосту через реку Колорадо, причём дорога всё бежала и бежала вниз. Часа через два-три она вплотную подошла к стене долины. Осыпи, гигантских размеров камни, едва не перегораживали дорогу. Останцы вздымались всё выше и выше, а дорога бежала всё вниз и вниз. Я ловил себя на мысли, что всё это только сон. И мы, и дорога, и каньоны, и просторы! Казалось, что мы и на педали на давим, а движение просто происходит само собой. Я то и дело оглядывался назад, боясь, что дорога просто исчезает за нами, едва мы проезжаем по ней. Никто ничего не говорил, боясь спугнуть это состояние, а я всё ждал, что мы вот-вот просто поднимемся вверх, как на крыльях, и вместе с орлами будем просто кружить и кружить где-то высоко – высоко. Но вот зашло солнце и скалы, вначале горящие огненно красным светом, вместе с заходящим солнцем погасли. Они теперь возвышались серой, грозно нависающей массой. Сейчас, в темноте, они казались ещё выше, и величественнее. Наступила первобытная тишина.

С трудом отыскивали место для палатки. Просто так, у дороги палатку не поставишь, - песок. Мелкий, въедливый, сыпучий. Искали более плотную площадку. Она нашлась у моста через Колорадо, на площадке для отдыха. Всю ночь над каньонами громычал гром, сверкали молнии, и шумел дождь. Но нам повезло. Лишь ветер пощекотал нам нервы, заставив вспомнить ураган в Миннесоте. На сей раз, обошлось.

Весь следующий день мы шли на юг, вдоль реки Колорадо. Мы общались с индейцем – музыкантом, с торговцами безделушками, любовались каньоном реки Литл Колорадо. Индеец сидел перед нехитрыми поделками своими и, стараясь сохранить абсолютную невозмутимость, играл на флейте мелодию своих предков. Немного грустную, но передающую своеобразие этой горной страны и её величие. Я неожиданно услышал и вой ветра среди камней, и полёт орла над останцами, и плеск воды в глубоком каньоне. Мне почудилось, что само время приостановилось на несколько мгновений, или веков в этой стране и поглядывает, медленно поворачивая голову, то в одну, то в другую сторону, вот что я услышал в этой мелодии. Опять, в который раз уже захотелось сесть и посидеть спокойно, никуда не торопясь, глядя на облака и красные скалы.

Ветер гнал нас изо всех своих сил до городка Камерон. И тут, будто спохватившись, что дал нам «вольную», решил поменять направление, решил поиздеваться над нами. Направление его изменилось ровно на сто восемьдесят градусов. Тут уж пришлось нам испытать его дьявольскую силу! За час мы проехали лишь восемь - девять километров. И при этом сил потратили больше, чем за весь предыдущий день. Кажется, - перестань изо всех сил упираться, и склоняться вперёд, - отбросит ветром назад, сбросит с велосипеда и покатишься, подобно сухой палке стучаясь о камни, до самого горизонта. Рот открыл, - и получил порцию воздушного «пирога», который комом в горле встаёт и ни вдохнуть не даёт, ни выдохнуть. Лишь заметили ровную площадку за скалистым бугорком, мигом остановились и лагерь разбили. Здесь устояли мы, продержались ночь.

Ну, а утром, преодолев длинный, тридцатикилометровый подъём, выехали к Гранд Каньону. Казалось, что после всего увиденного, нас ничего не сможет удивить. Но то, что открылось нашим глазам, превзошло все, даже самые смелые ожидания! Во многих местах лес подходит к самому краю каньона. Расступается неожиданно, резко. Даже корни висят над краем, а вниз уходит гигантская пропасть. Ещё шаг и.... Стены слоями уходят вниз. Дна нет, а есть какие-то нарезанные бесформенными ломтями земляные «пироги». С одной стороны – светит солнце, с другой – висит туча, проливающаяся дождём. Орлы кружат безмолвно. Они охотятся, а может быть просто наслаждаются этим видом как люди, которые смотрят и смотрят вниз, и влево, и вправо, стараясь уложить в памяти то, что невозможно понять. И где-то далеко внизу – Колорадо. Река, которая сотворила этот каньон. Шестьдесят километров мы ехали и ехали вдоль края каньона, не пропуская ни одной смотровой площадки, фотографируя всё, и вся. Вот уже каньон остался далеко позади, а мы всё вспоминали его, продолжая делиться впечатлениями.

Наше время истекает. Позади пять тысяч километров. До самолёта остаётся чуть больше недели. Мы высказываем к Вильямсу, городку, от которого до Калифорнии – рукой подать. До Сан-Диего, что находится на побережье Тихого океана, остаётся каких-то пятьсот километров, но вдруг нас задержит что-то, и мы не успеем на свой рейс? Надо добраться до Нью-Йорка, и, как не жаль, нужно поворачивать на

восток. Мы едем в городок Флэгстаф и далее, к местечку, где сорок тысяч лет назад упал метеорит. Этот гигантский кратер является памятником Природы, охраняемом ЮНЕСКО. Оставшиеся дни тратим на путешествие к кратеру и обратно. Нас ждёт длинное, в шестьдесят часов, путешествие на автобусе до Нью-Йорка. Ну, что ж. Первый этап кругосветки позади. Кругосветки! Мальчишки смогли пройти этот путь. Я очень рад, что моя работа не осталась без результата. Рад, что помог приоткрыть своим воспитанникам «окно в мир».

Сентябрь 2004 года.

Под впечатлением Майн Рида.

На велосипеде по Америке я накрутил более двадцати тысяч километров. Побывал в гостях у всамделишных ковбоев, участвовал с индейцами апачи, лакота и навахо в тайных и священных церемониях, пересёк страну каньонов и больших кактусов. Спускался в самую глубокую впадину на североамериканском континенте – Долину Смерти, где даже в феврале температура воздуха выше тридцати градусов. Пересёк Долину Памятников, где изрезанные временем, ветром и водой стоят посреди пустыни скалы – останцы, будто красные крепости, встающие на пути у времени. Я ходил между гигантских секвой, сохранившихся в Сьерра-Неваде, на юго-западе материка подобно Гулливеру, попавшему в страну великанов посекудно задирая голову вверх, пытаюсь разглядеть в высоте макушки деревьев-гигантов. Казалось, вот-вот появятся таких же размеров люди и тут же оживёт старая сказка. Старинная дорога вывела меня к форту Росс, который был когда-то, воздвигнут русскими землепроходцами на севере Калифорнии. Часа два я переходил из башни в башню, от пушки к пушке. И вдруг случайно набрёл на находящееся далеко от стен форта старинное кладбище, существующее со времён первых поселенцев. И здесь, под его православными крестами я, в общем-то, неверующий, ощутил себя до самых костей русским человеком, и дождь, который всё лил и лил, смывал с лица слёзы, появившиеся неизвестно откуда, но которых я почему-то не стыдился в этот момент....

Как это всё происходило, я попытался отобразить в этом очерке, хотя всё, что здесь написано не более чем выписки из путевого дневника.

Точка отсчёта. Йосемити. Дерево Гризли.

Любое путешествие имеет свою точку отсчёта. Путешествие по американскому континенту началось для меня давно – в школьные годы, когда я зачитывался Майн Ридом и Джеймсом Шульцем. Воображение, подхлестнутое чтением, рисовало яркие картины загадочных каньонов, гигантских кактусов, гордых и справедливых индейских воинов. Прошло много лет, прежде чем мне удалось на велосипеде первый раз пересечь Америку с востока на запад и вернуться домой полным впечатлений и желанием во что бы то ни стало продолжить начатое знакомство. Через два года мне удалось вывести в путь по этому красивому континенту своих учеников, а ещё спустя год я отправился в путь по горным штатам США.

Оставив позади Сан-Франциско двинулся сначала на юг, а затем на юго-восток к горам Сьерра-Невада. Путь прошёл через, удивительной красоты ландшафты национального парка Йосемити. Я забирался в дальние уголки парка и там видел практически не тронутые руками человека участки Дикой Природы. Видел огромные, заслоняющие полнеба скалы, будто выросшие, как каменные грибы с маленькими, едва заметными шляпками наверху с мощными ногами, уходящими куда-то вглубь земли. Скалы эти как тисками сжимают долину, смеются эхом водопадов, словно готовятся раздавить её своими базальтовыми боками и закидать каменными обломками. Видел водопады, низвергающиеся с такой огромной высоты, что нужно до боли напрягать мышцы шеи, касаясь затылком лопаток – лишь в этом положении можно разглядеть уступ, с которого неистово бурлящий поток бросается вниз, стуча кусками оторванной горной породы как страшными гранитными зубами. Я попытался подняться на Глейсер Пойнт - одну из высочайших мест обзора Долины Йосемити, но холодный и липкий снежный язык перегородил тропу, лишив меня этой возможности, остановив в трёхстах метрах от цели.

Начало весны не самое лучшее время года даже для Калифорнии. Всю дорогу от Сан-Франциско меня преследовали дожди и ветра, завалившие снегом все ходы и выходы из долины. Две ночи я терпеливо ждал смены погоды, и вдруг солнце сдвинуло куда-то к краям горизонта тучи, моментально съело, нападавший было снег и расчистило дорогу на перевал. Я обрадовался этой неожиданной помощи и два дня спешил и спешил оставить позади перевалы хребта Гринхорн, чтобы поскорее очутиться в краю больших деревьев. Здесь, в самом сердце Сьерра-Невады, горной страны, являющейся полноправной частью Кордильер, сохранились остатки реликтовых лесов из гигантских секвой. Увидеть дерево – ровесницу египетского

фараона Рамсеса второго – мечта! А вообще, представить трудно. Как-то не укладываются в голове такие цифры. Не верится, что действительно существуют деревья столь почтенного возраста.

С утра третьего дня опять посмурило. Солнце скрылось за облаками, обещавшими к вечеру пролиться дождём. Я гнал и гнал всюду, понимая, что сегодня к вечеру нужно обязательно вырваться из плена гор, иначе снег опять засыплет все входы-выходы, и я окажусь запертым здесь, среди горных пиков и густых лесов. Благодаря тяжёлому рельефу мои запасы воды очень быстро иссякли. Тот, кому приходилось подниматься на велосипеде в длинный-предлинный подъём, поймёт то чувство жажды, которое охватывает человека в самый разгар этой утомительной работы. В течение некоторого времени я старался сдерживаться и не обращать внимания на многочисленные ручьи талого снега, стекавшие со склонов гор посреди которых пролегал мой путь, но, в конце концов, жажда пересилила. Долго умывался ледяной водой одного из горных потоков, пил, снова и снова наполняя фляжку водой и кинув пару кристаллов марганцовки в бутылку. Наверху вновь пришлось надеть всю тёплую одежду затем, чтобы нести вниз рассекая холодный горный воздух, чуть придерживая велосипед на виражах, пытаюсь чётко вписаться в поворот. Старания даром не прошли, не далее, как к полудню я был на заасфальтированной площадке, откуда начинался собственно осмотр достопримечательной рощи. Здесь, на этой площадке положено оставлять автомобиль, и дальше передвигаться только пешком или на велосипеде. Подтаявший снег, сплошь заваливший площадку, помешал мне трезво оценить ситуацию. Слишком уж я торопился на встречу с секвойями. Только попался мне на глаза указатель с надписью «Дерево Гризли», как я бросился по старому лыжному следу туда, куда показывала стрелка, оставив на площадке велосипед со всем скарбом, прихватив с собой лишь видеокамеру. Бежал, понимая, что времени у меня немного, а путь по талому снегу труден и утомителен. Кроссовки моментально промокли, но я старался не сбавлять темп и пробивался всё выше, пока, наконец, тропа не растворилась в лесу из гигантских деревьев. Я понял, что проиграл в этой бешеной скачке и, преодолевая отвращение к своей слабости, повернул назад. Возвращаясь, я решил сократить путь, срезая напрямик бегущую серпантинном тропу. Дважды или трижды я пересёк свой же след и уже был готов повернуть к находящейся где-то справа площадке, как вдруг увидел людей, потихоньку бредущих вверх по неширокой заасфальтированной дорожке. «Что такое? Или они идут по моему следу? Что-то непохоже». Я выскочил к ним навстречу и после недолгого разговора понял, что поспешил, ошибся, побежав изначально по тропе, которая бывает открыта только летом. Сейчас там никто не ходит, а к знаменитому дереву ведёт вот эта заасфальтированная пешеходная дорожка, по которой можно подняться почти вплотную к самым величайшим деревьям Земли. Я же в Америке! Неужели американцев заставишь ходить по снегу через лес!? Да, вот ведь попал! Опять бегом спускаюсь на площадку. Вот он, мой велосипед, а вот и главный указатель, как я его не заметил сразу? Вот, ворона! Полтора часа бегал по снегу туда-сюда, ноги промочил напрочь, время потерял. Беда. Хватаю велосипед и кручу вверх, обгоняя немногочисленных посетителей. Километр пути, и я на месте. Хлюпает вода в кроссовках, когда я делаю несколько шагов по направлению к виднеющимся впереди деревьям. Матушка родимая! Да, много чудес мне пришлось увидеть, но такого! Вокруг лежат шишки длиною с диаметр колеса моего велосипеда. Беру одну из них в руки, чтобы убедиться, что всё, что происходит – действительность, а не сон. Огромная, как полено шишка неожиданно срывается откуда-то сверху и падает в нескольких шагах от меня, зарывшись с ходу в снег. Ого! Живые деревья-то! Не тороплюсь. К бесу спешку! Старых и могучих деревьев осталось мало – человек изрядно поработал топором в своё время. Теперь каждая оставшаяся в живых великовозрастная секвойя - великан имеет своё имя. Передо мной во весь свой исполинский рост, встаёт то самое дерево, к которому я так стремился несколько дней. Да что там несколько дней, всю жизнь! Дерево Гризли. Именно это дерево уже росло здесь, когда египетский фараон Рамсес Второй мчался вперёд на колеснице, мечая стрелы в жителей древней Сирии. Это дерево встречало не первую тысячу лет, когда один за другим менялись императоры Древнего и Нового Рима, основывались первые города Древней Руси, менялись в войнах между народами мечи на пушки. И вот исчезли, растворились в бездне времени империи далёких и близких эпох, а дерево это растёт и встречает год за годом всё новые весенние дожди и снега. Прямой толстенный ствол. Крона, состоящая, кажется из корявых многолетних деревьев растущих прямо из центрального ствола, огромные шишки по краям могучих веток. Вот он, современник динозавров, современник гигантских ящеров. Когда-то леса из подобных деревьев господствовали на Земле, а ныне сохранились лишь здесь, в Сьерра-Неваде, на очень маленьких площадях. Группа людей обходит меня и идёт вперёд, к гигантскому стволу. Вот они подходят всё ближе к дереву и будто уменьшаются ростом. Как невелик человек. Их невидно почти, около громадного ствола! Не двигаюсь – смутные картины прошедших времён мелькают передо мной. Землю заливают моря, вулканы грохочут, давая жизнь новым землям, меняя растительность и животный мир. Некогда гигантские хвощи и папоротники превращаются в траву, а деревья эти не исчезают совсем уже много веков, и растут вот себе здесь, и я стою перед ними – маленький человек, чья жизнь в бесконечности – миг. Приближаюсь, неспеша обхожу его, останавливаясь поминутно, смотрю вверх, стараясь запечатлеть

навсегда в памяти величие и силу матушки-природы. Оглядываюсь по сторонам. Да, секвойи, стоящие гурьбой вокруг своего вождя – поистине гиганты растительного мира, а лес этот, по праву может называться волшебным....

Рад, что встреча состоялась. Я счастлив сегодня. Не зря, не зря я ринулся через горы сюда! Не зря были эти тяжёлые километры горных дорог, и сейчас я иду к своему велосипеду чуточку другой, изменившийся, я чувствую это.

Переодеваюсь, надеваю сухие шерстяные носки, тёплую одежду – пора продолжать путь. Бросаю прощальный взгляд на дерево под названием Гризли, как на старого доброго, мудрого человека – спасибо тебе за эту встречу!

К вечеру выбираюсь к границе гор и качу вниз к городку Бакерсфильд, оставив позади огромные чёрные тучи, пожелавшие висеть на скалах последнего хребта.

Долина Смерти.

На ночлег останавливаюсь на берегу окружённого горами озера. Высокие, с густыми, мохнатыми лапами ели, словно красуясь друг перед другом, сбегают со склонов на плоский песчаный берег, что неширокой полосой тянется по противоположной стороне озера. Острые вершины горных пиков отражаются в тёмной воде и лишь кивают головами, когда ветер поднимает волну, словно пытаюсь убрать ненужные ему картины с поверхности воды. Тепло, но очень сильный ветер настойчиво мешает устанавливать палатку, сбивает пламя на горелке, когда я пытаюсь приготовить себе ужин. Приходится закрыть горелку от ветра спальным ковриком, предварительно развернув его. Всю ночь ветер гудит и гудит в растяжках и стойках палатки, сыплет по крышке иголками, сорванными с редких сосен и елей. К утру над озером скапливаются тяжёлые тучи, готовые вот-вот пролиться дождём. Они не хотят уходить, цепляются за склоны гор, куда, петляя меж лишённых растительности скал, уходит дорога. Надо надевать куртку, бахилы – защищающие от дождя мешки с тесёмками и брюки из водонепроницаемой ткани. Через час дождь обрушивается на меня, пузырится на дороге, поливает привыкший к засухе кустарник и пытается тонкими струйками просочиться сквозь защитную экипировку и после первой massированной атаки превращается в унылый морозящий водяной душ. Он окрашивает весь окружающий ландшафт в серые краски, замазывая своим любимым цветом, желтеющие изломы скал, прячет в размазанных дождевых расселинах пучки кустарников и деревьев. Я люблю ехать в такую погоду. Машин на дороге немного – только явная необходимость заставляет их владельцев выйти на дорогу. В такую погоду очень хорошо думается, именно в такие моменты получается привести мысли и впечатления от увиденного в предыдущие дни в относительный порядок. Я не слежу за счётчиком, отсчитывающем километры, – он укрыт от дождя и от моего взора, и я просто путешествую во времени, ориентируясь по сереющему небу и по собственным физическим ощущениям. На вершине очередного горного хребта дождь усиливается, превратившись в ливень, устраивая в голове мешанину из мыслей и команд самому себе и не отпускает до тех пор, пока не остаётся далеко позади перевал. Широкая, похожая на огромное вытянутое блюдо в тридцать километров поперечником долина, разделяющая Западную и Восточную Сьерра-Неваду, встречает меня по другую сторону горной гряды. Дождь остаётся наверху, и лишь сильный ветер напоминает об угрюмом сегодняшнем дне. Некоторое время еду по этой долине. Сначала несколько десятков километров на север, вдоль высоких, покрытых кое-где снегом вершин, затем, прохладным, но солнечным утром, после удачно найденного для ночлега места, поворачиваю на восток, в Долину Смерти. Сюда влечёт географический интерес. Хочется посмотреть, как выглядит одно из самых жарких на поверхности Земли мест. Добраться нелегко. За сто пятьдесят километров пути успеваю попасть в недолгую песчаную бурю, заставляющую искать укрытие посреди беспорядочно разбросанных, в человеческий рост камней, пересекаю рощу странных растений, известных под названием «Дерево Джошуа» вооружённых длинными листьями, острыми и прочными, как портняжные иглы, трижды приходится преодолевать тягучие, высасывающие силы тридцатикилометровые подъёмы. На последний, перед спуском в величайшую впадину материка перевал, забираюсь пешком. Наконец выбравшись наверх, буквально натыкаюсь на преградившее путь бесформенное нагромождение скал. Словно кто-то, старался их измельчить и нарочно колотил гигантским молотком, но не довёл дело до конца, оставив битые острые куски породы медленно разрушаться под действием времени. Кажется не найти здесь места для узкой полосы дороги. Но нет, вот она, – крадётся робко как гибкая длинная змея, стараясь не задеть телом опасные края, и, словно нащупав себе путь, исчезает за поворотом. Начало марта на высоте свыше двух тысяч метров даже здесь, в калифорнийской пустыне даёт знать. Холодно. Окрестные вершины скрыли солнце и от скалистых стен сразу потянуло холодным жгучим ветерком. Он пронизывает до костей, схватывает мокрые на лбу волосы, превращая их в слипшиеся, твёрдые на ощупь косички. Майка на спине встаёт колом. Достая из сумок всю тёплую шерстяную одежду и, испытывая истинное наслаждение, укутываюсь с ног до головы, вспоминая как всего

лишь полчаса назад, обливаясь потом, толкал железного коня вверх, в гору. Вновь сажусь на велосипед. Начинается спуск. Стараюсь не давить на тормоза – не хочется терять скорость после трёх часов медленного подъёма. Но склон слишком крут. Дорога, обтекая скальные выступы, извиваясь ужом, падает вниз. Вот она ныряет в яму и вновь выбрасывает меня на поверхность, как огромная океанская волна. Успеваю бросить взгляд на спидометр, рискуя вылететь с трассы – мелькает цифра 88 км в час! «Волна» подбрасывает вверх как гигантский трамплин, и на долю секунды я теряю контакт с асфальтовым покрытием, а дорога резко поворачивает налево, а затем сразу направо. Успеваю плавно войти в поворот. Сначала в один, затем, хватанув гальки у противоположной обочины и чуть не вылетев с трассы, во второй. Бесплезный риск, но так не хочется жать на тормоза! Ещё один изгиб дороги и вот передо мной открывается потрясающий вид самого края знаменитой долины. Опасность позади – весь оставшийся спуск прямой, как полёт стрелы. Скорость остановилась на цифре 60 км в час. Что за вид! Там, где-то далеко впереди дорога проваливается вниз, словно в неведомую бездну, покрытую слоистым жёлтым туманом. Не чувствую плотности воздуха, не слышу свиста ветра от движения, будто в один миг попал в безвоздушное пространство. Словно нет дороги, кажется, она исчезла совсем, а я здесь один, один во всём мире и лечу вниз на сказочном летательном аппарате. Причудливой формы скалы, стоящие, как специально обученные природой каменные сторожевые псы, уходят назад, раздвигая передо мной ворота гигантских осыпей и давая возможность наслаждаться и восхищаться великолепным зрелищем. Туман впереди меняет цвет на глазах и превращается сначала в тёмно-синий, а затем в бурый – это солнце гасит свои лучи один за другим, складывая краски и забирая их с собой, заканчивая работу на сегодня. Вершины гор впереди ещё некоторое время переливаются золотом, как купола далёких православных храмов, затем и их блеск гаснет и лишь нижние края редких кучевых облаков провожают зарю, сохраняя её отсвет на своих лёгких боках. Темнеет быстро. Не доезжая нескольких километров до края долины, я останавливаюсь на ночлег в неожиданно появившемся на пути кемпинге. Посреди камней разбиваю палатку и долго вдыхаю запахи чужой земли, наблюдаю за луной, которая поначалу не показывается целиком из-за скал, а лишь посматривает одним глазом, будто решая – выходить ей сегодня, или повременить.

- Пустыня цветёт! Ты попал как раз вовремя, - говорит мне случайный знакомый по кемпингу, который подсаживается ко мне, - три недели в году эта долина цветёт, и сейчас как раз самый разгар.

Утром долина, эта глубочайшая впадина Америки, превращается в зажатую горами узкую полосу пустыни, над которой висит немилосердно палящее солнце, через два часа после восхода пропитывая жарким сухим воздухом всё вокруг, всё, что способен увидеть глаз. Часа два кручу к посёлку, который так и называется – Долина Смерти. Первоклассная дорога бежит мимо высоких песчаных дюн, на которые я, бросив у обочины велосипед, пытаюсь забраться, пересекает огромное, плоское и абсолютно ровное пространство покрытое мелким природным щебнем, усыпанное жёлтыми цветами на длинных гибких стеблях, огибает высохшее солёное озеро и приводит к небольшому туристскому центру. Прямая дорога на Лас-Вегас закрыта. Где-то в горах сель повредила трассу, завалила её стволами вырванных с корнем деревьев, перекрыла водный поток, который изменил направление течения и затопил асфальт на несколько километров. Это меняет все мои планы. Не доверять полученным сведениям смысла нет, и я боюсь что рейнджеры вернут меня с половины дороги, если я послушаюсь распоряжения дорожной полиции. Приходится поворачивать на городок Бэтти, и нужно вернуться назад, километров на двадцать и вновь начать восхождение на очередной перевал, чтобы покинуть Долину Смерти. Прежде чем повернуть дальше на восток через хребет, ухожу с центральной дороги по грунтовому отводу, ведущему в глубь пустыни. Там, впереди, отчётливо виден каменный склон горного хребта, ограничивающего впадину с запада. Счётчик отсчитывает два километра, три, четыре, а противоположная стена гор будто отдаляется от меня. Останавливаюсь, оглядываюсь назад. Редкие машины бесшумно скользят вдаль – сюда не доносится звук мотора. Уши словно ватой заложило – такая тишина. Бросаю взгляд вверх – диск солнца не виден, вместо него огромное белое пятно на лишённом голубизны небе. Перевожу взгляд на вздымающиеся далеко на юге у горизонта вершины хребтов. Там, у самого края жмутся облака, не желая покидать горные вершины, словно бояться, что их растопит безжалостное солнце, стоит им только оставить своё укрытие. Воздух «плывёт». Это солнце плавит камни, выжимает из них крупички накопившейся за ночь влаги и уносит её вверх. Снизу от раскалённого щебня пышет как от разогретой во всю мощь плиты. От солнца спрятаться некуда, нет ни кустарничка, ни деревца. Меня охватывает непонятный ужас – вдруг кажется, что дорога исчезла, испарилась без следа и я здесь совсем один, на много километров окрест. Спокойствие! Спокойствие. Я кладу набок велосипед и ухожу на километр в глубь центральной части низины. Наконец-то глухую тишину прорывают звуки моих шагов. Каждый шаг сопровождается сухим хрустом мелких камушков друг о друга. Края кусочков щебня слегка обкатаны и отдалённо напоминают морскую или речную гальку. Неужели это действие тех редких дождей, что выпадают здесь? Или долина существует так давно, что галька образовалась в период другой климатической эпохи, когда влаги было достаточно в этих

краях? Сквозь камни пробиваются редкие жёлтые цветы. Они окончательно приводят меня в чувство. Да, было отчего сойти с ума полтора века назад. Тогда, в середине 19 века в этом месте большую группу золотоискателей бросили на произвол судьбы индейцы-проводники. Те не смогли выбраться из лабиринта скал и почти все умерли или походили с ума. Произошло это печальное событие в разгар лета, когда температура воздуха в тени достигает плюс пятьдесят семь градусов. Сейчас, в полдень ртуть градусника слегка поддёргивается на отметке тридцати четырёх градусов выше нуля. Начало марта. А в разгар лета человек теряет литр жидкости в час в виде пота. Кровь густеет, и сердце не справляется с нагрузкой – отказывается гнать загустевшую кровь по артериям.

Я иду, старательно обходя редкие цветы. Вообще, картина невероятная – голый щебень и цветы. Без травы, птиц, воды. Что тянет их к жизни!? Почему, вопреки здравому смыслу они появляются на свет здесь, в этом безжалостном краю!? Яростно сражаются за место под солнцем, от лучей которого их ждёт неминуемая смерть! Сколько чудес на Земле, сколько тихих подвигов можно увидеть, если посмотреть чуть дальше своей вытянутой руки. Останавливаюсь и, стараясь запечатлеть навек в памяти природную картину, ещё раз медленно-медленно оглядываясь по сторонам. Возвращаюсь к велосипеду и снова сажусь в седло и теперь еду вперёд спокойно посматривая на показания счётчика. Ещё семь километров и я, наконец, у подножья каменистого склона горного хребта. Запрокидываю голову вверх – вертикальной стеной уходит ввысь природная преграда. Гигантские трещины с вывернутыми наружу скальными наростами тянутся снизу до самого верха, будто морозобоины на стволе многолетнего дуба. Весь склон буквально перевит горизонтальными изломами, забитыми базальтовыми обломками разной формы и размера. Кажется, что они вот-вот рухнут вниз, подобно каменному водопаду, стоит лишь коснуться этой серой стены. Неожиданно далеко справа от меня срывается огромный обломок и бесшумно падает вниз – смотрю, как замороженный не в силах пошевелиться. Спустя несколько секунд до меня доносится грохот, он мигом приводит в чувство, вскакиваю в седло велосипеда спеша оставить поскорее это опасное место и вернуться на асфальтовую дорогу. Через час поворачиваю на городок Бэтти. Снова дорога тянется в гору, и я карабкаюсь вверх, время от времени останавливаясь не столько для передышки, сколько для того, чтобы ещё и ещё раз любоваться и восхищаться красотой и возможностями природы. К вечеру успеваю подняться к перевалу. Долина Смерти скрывается из виду и остаётся в моей памяти удивительной и неповторимой сказкой планеты. Прохладный воздух бодрит и доставляет удовольствие после целого дня проведённого в природной сауне. Разбиваю лагерь посреди камней и колючих кустарников, готовлю нехитрый ужин, потирая обгоревшие за день уши, и снова и снова обсуждаю вслух всё увиденное мною за день. Следующую ночь, преодолев почти двести километров, встречаю вблизи Лас-Вегаса – ветер вновь вызвался мне помогать и вновь перемешал в голове все понятия о расстояниях.

Аризона. Индейцы навахо. Каньонленд.

Аризона встречает меня недружелюбно. Беснуется ветер, швыряя в ярости огромные пригоршни ярко-белого снега на красные скалы. Радует, если удаётся укрыть от глаз огненные скальные выступы, диким хохотом оглашая стены каньонов. Рыдает от бессилья перед незыблемостью гор. Подхватывает меня, одинокого путника-велосипедиста и несёт вперёд на десятки километров, а то, наоборот, встаёт преградой на пути, осыпает дождём и снегом, заставляя вновь почувствовать себя ничтожной букашкой по сравнению с ним – ветром – хозяином пустынных мест, свидетелем минувших времён. Середина марта. Три дня назад я изнемогал под жарким солнцем южной Аризоны. Обнимался с гигантскими кактусами, и, не в силах бороться с почти летним зноем, пил и пил воду в невероятном количестве мгновенно уничтожая её запасы в своих походных сумках, а сейчас, надев всю тёплую одежду, я с трудом пробиваюсь сквозь ветер, дождь и снег на север, к индейцам навахо. Там, в индейском центре, ждёт меня интересная встреча со старой культурой.

Два часа жду в приёмной центра. Вечер. Я жду старого шамана по имени Франклин. Он прислал мне приглашение давно, год назад. Письмо с приглашением, заверенное его подписью магически действует на входе. Мне предлагают подождать шамана, для чего я сажусь в стоящее в фойе кресло. Жду. Достāju записную книжку, и, для начала, описываю сегодняшний день. В течение двух часов через двери мимо моего кресла проходят индейцы навахо. Некоторые из них останавливаются поболтать со мной. Успеваю как следует рассмотреть их лица. Кожа бронзовая, не смуглая. Лицо широкое, нос широкий, иногда немного орлиный, приплюснутый. Рот прямой и во время разговора слова вылетают как бы нехотя из глубины горла. Где я видел похожих на них людей? В Забайкалье? Пожалуй, так и есть. Проходит два часа. Выходит служащая центра - миловидная молодая женщина:

- Франклин может сегодня не приехать. В его доме нет телефона, а он придерживается «индейского времени». Будете ждать? – Так. Индеец остаётся индейцем. «Индейское время» - это время без времени, иными словами – когда захочу, тогда и приеду.

- Подожду ещё немного, если разрешите.

- Пожалуйста, но без него мы не можем оставить вас на ночь.

Всё понятно. Буду ждать. Иногда чудеса случаются. Через десять минут дверь открывается и на меня испытывающе смотрит невысокого роста индеец. Внимательные глаза, очки с двойными стёклами, джинсы, кожаный ремень с огромной бляхой, какие дают победителям родео.

- Ты ждёшь меня? – делая ударение на последнее слово спрашивает индеец. Рот открывается как у куклы - нижняя часть лица ходит вверх вниз, открывая-закрывая рот с повёрнутыми книзу уголками губ.

- Да, - я протягиваю его письмо, присланное мне по почте год назад. Он внимательно изучает его, опять поднимает взгляд на меня, смотрит мне в глаза. Я стараюсь не отводить взгляд.

- Ну, хорошо. Пойдём.

- Мой велосипед, - спешу предупредить о своём железном коне.

- Не беспокойся, о нём позаботятся.

Я беру свой рюкзак и иду за шаманом. Несколько поворотов коридора, десяток открытых дверей, откуда безразличными взглядами смотрят на меня, и мы попадаем в центральную часть основного здания. Оглядываюсь. Перья, иногда орлиные, большей частью гусиные подкрашенные под орлиные, фразы на гортанном, с резкими остановками языке. Стены, расписанные гордыми орлами с распостёртыми крыльями, изуродованные алкоголем лица, тела, не знакомые с физкультурой. Я в центре национальной культуры индейцев навахо.

- Сегодня переночуешь здесь, а завтра начнёшь знакомство с культурой моего народа, - говорит Франклин.

- Я распорядился, тебе дадут одеяло и место здесь, в жилом корпусе.

Никто не обращает на меня внимания, по крайней мере, пока. Вечер. Пора спать. Утро вечера мудренее. Беру войлочное одеяло и низкорослый, горбоносый человек указывает мне лежанку среди десятков других. Постепенно шум утихает, свет гаснет и в этой огромной комнате наступает тишина.

...- У тебя голубые глаза, русский. Ты настоящий белый, - индейка Сьюзн, женщина средних лет сидит рядом со мной на стуле и чуть насмешливо смотрит мне в глаза. – Что привело тебя сюда в наш центр?

Мы сидим на обязательной утренней церемонии в центре индейской культуры городка Гэллап. Мы, это группа индейцев народностей навахо и апачи человек в шестьдесят, и я, гость центра. Те люди, что сидят рядом со мной, приходят сюда, в этот центр в последней надежде выбраться из глубочайшего депрессивного или алкогольного кризиса. Надеются, что здесь им не дадут сгинуть бесследно. Их подкармливают за счёт центра, и, напоминая об их индейском происхождении, заставляют принимать участие в различных традиционных церемониях. Сегодня утреннюю церемонию ведёт шаман Франклин – довольно крепкого телосложения, семидесятилетний индеец навахо. Именно по его приглашению я, собственно, и нахожусь здесь. Франклин пытается разбудить интерес индейцев к так называемому, традиционному мировоззрению, которое включает в себя целый комплекс из индейских верований, отношения к людям и природе. Сегодня Франклин рассказывает о том, как он слушал ветер ранним утром, наблюдал полёт ворона, смотрел на восходящее солнце. Шаман говорит на английском языке, ведь не каждый из сидящих перед ним индейцев понимает родной язык. Они слушают не перебивая, изредка улыбаются, или бросают короткую реплику, поглядывая на часы – время завтрака приближается.

- Что привело тебя сюда в наш центр? – Сьюзн огромной бесформенной массой полулежит на стуле, её костыли лежат рядом. У неё больные колени, но едва ли медикаменты поставят её на ноги. Действительно, что привело меня сюда?

- Я изучаю вашу культуру. Люди должны знать друг о друге как можно больше, поэтому я здесь, у вас, – смотрю на Сьюзн но глаза её не меняют выражения. Меня неожиданно поддерживает Франклин. Он рассказывает обо мне, поясняет цель моего визита, объясняет, что Россия, это не штат Америки, а государство за океаном.

- Неужели ты приехал сюда из самой России? - берёт меня за рукав сидящий слева человек. Высокий, пожалуй, метр девяносто ростом, в чёрной вельветовой рубашке, заправленной в джинсы, в бейсболке и с жёлтым платком, повязанном по-пионерски вокруг шеи. Волосы седые, стриженные. - Паул Йелоухорс, я апач, с верховьев реки Джилла, - он протягивает мне ладонь для рукопожатия, - из самой России к нам, в резервацию?!

- Да, я читал много книг об обычаях твоего народа, о вашей жизни. Я хочу увидеть всё своими глазами.

- У тебя странного цвета глаза. У индейцев нет таких глаз. Расскажи мне о своей стране. - Звонок, зовущий на завтрак прерывает наше знакомство. Индейцы встают и спешат занять очередь в столовую.

После завтрака мы продолжаем разговор в жилой части центра. Площадка, размером двести квадратных метров разбита на отдельные клетушки, огороженные друг от друга невысокой, в метр высотой стеной. Я спрашиваю Паула о жизни в резервации, пытаюсь узнать хоть что-то о происхождении его имени.

- Моя жена осталась дома, в Сандерсе. Зову её сюда в этот центр, не едет. Здесь бесплатно кормят, правда, взамен слушать заставляют всякие лекции, но зато живёшь на всём готовом.

- Привет, Паул, привет русский, - вклинивается в нашу беседу невысокого роста сосед, смуглый и длинноволосый индеец с размытыми по плоскому лицу глазами.

- Это Орлин, он тоже апач с юга, - говорит мне Паул.

- Да, я с юга. Когда-то вождём моего народа был сам Джеронимо. Я апач чирикахуа, - он выпрямляется чуть, распрямляет плечи и смотрит на меня гордо, будто Джеронимо – он сам. Чирикахуа, это клан последнего боевого вождя апачей, который до последнего воевал с кавалеристами США в самом конце девятнадцатого века. Кавалеристы регулярных войск спешили уйти с тропы, когда слышали имя Джеронимо. Проезжая через резервации Аризоны я неоднократно видел его фотографии на автозаправках, в административных зданиях. Да и в центральном здании центра на стене имеется красочно выписанное изображение этого вождя.

- Этот русский изучает здесь культуру нашего народа, специально приехал, – говорит Паул.

- А-а. Трудно понять нашу культуру белому человеку, – он снисходительно поглядывает на меня и вдруг, будто вспомнив о чём-то, восклицает:

- Смотри, что у меня есть! – не обращая на меня внимания и заговорчески улыбаясь Паулу, Орлин бросается к своему портфелю. Похоже в этом портфеле все его вещи. Видимо, действительно что-то интересное. Руки индейца дрожат, не слушаются хозяина, когда он открывает портфель. Потомок Джеронимо поочерёдно извлекает из портфеля и отбрасывает в сторону полотенце, блок сигарет, зубную щётку и, наконец, нащупывает что-то, лежащее на самом дне портфеля. Так, археолог берёт в руки древнюю статуэтку, которую долго искал и, наконец, нашёл, так букинист снимает с полки какую-то старинную рукопись, старательно сдувая с неё книжную пыль. Орлин поднимает голову. Глаза широко открыты и горят безумным блеском, язык лежит на нижней губе приоткрытого рта, с угла губы стекает слюна, капая вниз, на свитер. В его руках толстый, с яркими фотографиями порнографический журнал. Апач открывает его наугад и съёт фото в лицо сначала Паулу, затем мне. Паул смеётся, слащаво сощутив глаза, Орлин смотрит на меня, проглатывает слюну и, засуетившись, бережно кладёт журнал в портфель. Не могу отделаться от чувства брезгливости. Видимо и выражение моего лица сказало индейцу всё, что я думаю по поводу его реликвии. Наша беседа с Паулом захлёбывается, не имея продолжения. Неожиданно подходит Франклин и зовёт меня с собой – он приглашает принять участие в подготовке к следующей традиционной церемонии. Киваю апачам, иду за Франклином. Я в центре индейской культуры в Нью-Мексико.

День насыщен до предела. Я участвую в древней церемонии очищения души в палатке потения, слушаю лекции местных учителей, которые пытаются что-то втолковать своим слушателям, изучаю предложенную мне книгу-учебник по индейским церемониям.

Вечер. Пытаюсь тщательно записать всё, что увидел, услышал, стараюсь ничего не упустить. Суетливый топот и глухой звук ритуального барабана, несколько вопросов на навахо за прозрачной перегородкой неожиданно отвлекают меня... Наверняка будет что-то интересное. Хватаю камеру, на ходу вынимая её из футляра, бегу. Четверо молодых индейцев что-то упорно доказывают пожилому человеку с угрюмым лицом. Тот хмурится, отрицательно машет головой, затем выплёвывает фразу соглашаясь. Молодые хватают барабан, довольные выходят. Иду за ними. Их четверо. Три парня и девушка. Выходят во двор, устанавливают довольно массивный, - поперечником в метр барабан, изготовленный из конской шкуры. Садятся вокруг, ставят банки с кока-колой рядом, поют высокими голосами. Песня, видимо древняя, на языке навахо. Бьют в барабан. Наблюдаю за девушкой. В одной руке колотушка с мягким набалдашником, в другой – сигарета. Затяжка между своеобразным куплетом, смачное отхаркивание, плевков, глоток колы, снова затяжка, продолжение «куплета». Рука продолжает бить в барабан. А девушка стройная – плечи прямые, спина гибкая, лёгкий поворот головы... Остановка. Снова кола. Отхаркивание, плевков, «куплет», затяжка. Мой интерес пропадает. Ничего не могу поделать с собой, пропадает интерес. Почему-то грустно. Укладываю камеру на место, некоторое время ещё стою. Смотрю, слушаю. Возвращаюсь назад. Опять достаю записную книжку...

Пять дней спустя я подъезжаю к границе штатов Аризона и Юта. Задерживаюсь на несколько часов в Долине Памятников, где причудливые скалы-останцы из красного песчаника образуют рельеф достойный сказочной страны. Скалы, каждая из которых имеет собственное имя, вздымаются над ровной поверхностью на несколько сот метров. Индейцы, продавцы красивых бус из бирюзы, молча сидят, поджав под себя ноги у циновок, на которых разложен их товар, профилем лиц своих добавляя величия останцам, сливаясь с ними молчаливостью и цветом кожи. Здесь, на границе начинается «Каньонленд» - земля каньонов штата Юта. Красивая земля, и я рад, что велосипед позволяет мне как следует её рассмотреть. Фотографирую, снимаю на камеру великолепные виды, затем, по реке Колорадо и Арканзас пересекаю Скалистые горы и ухожу в штат Колорадо.

Вундед-Ни.

...Я завернул сюда, в затерянную на задворках Южной Дакоты индейскую резервацию из соседнего штата и сразу попал в главный посёлок резервации. Два предыдущих дня я крутил по безлюдной территории, изредка останавливался, оставлял велосипед у дороги и взбирался на окрестные холмы с видеокамерой, снимая, а иногда просто оглядывая пустынные окрестности. Ехал живописной дорогой, вьющейся между торчащими в разные стороны скалами и объезжая жёлтые холмы, поросшие поверху мохнатыми низкорослыми соснами. Из окон встречных машин смотрели на меня темнокожие черноволосые люди с равнодушно-невозмутимыми лицами – индейцы. И вот сегодня к вечеру дорога вывела меня в главный посёлок резервации. Встречный ветер поднимает тучу едкой противной пыли, которая в тот же миг оседает на одежде и багажных сумках, заставляет слезиться глаза и скрипит на зубах. Ветер гонит через дорогу куски бумаги, грязные пластиковые пакеты, которые тут же цепляются за костыши сухой травы, колючую проволоку, что натянута вдоль дороги, и они бьют и бьют по воздуху как многочисленные бесформенные флаги невидимого войска. Грязные, некрашенные стены домов, фанерные двери, огромные лохматые собаки, не лающие даже, а ухающие утробно и зло, встречают меня на въезде.

Прежде чем зайти в центральный магазин старательно обматываю раму и заднее колесо цепью, навешиваю замок. На всякий случай. Снимаю с багажника рюкзак – в нём у меня документы, деньги, билеты на обратную дорогу, видеокамера. Вешаю рюкзак на плечи – в Америке не возбраняется ходить с рюкзаком по магазину, и, прежде чем зайти внутрь, незаметно оглядываюсь по сторонам. На автостоянке перед магазином с десятков машин. Из окошка ближайшей ко мне автомашины в мою сторону смотрят двое. Один побрит наголо – немислимая причёска для индейца. В ушах огромные серьги из бирюзы и бисера, майка с индейской символикой. Второй, наоборот, с длинными волосами, в старой джинсовой куртке. Оба нетрезвы. У входа в магазин стоит, облокотившись о косяк, неряшливо одетый индеец. Видимо, сегодня он не раз успел приложиться к спиртному, и без помощи косяка ему, похоже, не выстоять. Лицо его, и особенно крупный нос безобразно изъедено оспой. На инвалидной коляске подкатывает широкий в кости и, видимо, когда-то сильный мужчина. Ковбойская шляпа с орлиным пером, расшитая бисером куртка, знак участника вьетнамской войны на рукаве. Лицо изувечено алкоголем. Этот, похоже, может связать несколько слов – разговор у нас завязывается. Мы говорим о резервации и о местечке Вундед-Ни, где находится мемориальный комплекс индейцев лакота, куда я держу сейчас свой путь. От центрального посёлка это местечко недалеко, километров шестьдесят в глубь резервации, но сейчас, к вечеру ехать туда небезопасно. В наш разговор вклинивается ещё один «краснокожий». Обдавая густым перегаром, предлагает поделку из бисера, заламывая огромную цену.

- Спасибо. Не надо пока, может быть позже. Здесь есть какой-нибудь кемпинг?

- Кемпинг? Кемпинг есть, в парке, прямо по улице. Сколько стоит? А, бесплатно.

Сажусь на велосипед и медленно еду центральной улицей по направлению к парку. Летом в этом месте проходят праздники и священные церемонии. Сейчас картина удручающая. Многолетний мусор покрывает всю территорию парка, забор поломан, строения, находящиеся внутри парка превращены в точки по продаже наркотиков – кругом валяются шприцы, иглы. Группки сомнительного вида молодых людей стоят невдалеке. Да, кемпингом здесь не пахнет. Как бы на неприятности не нарваться! Поворачиваю назад и, всё-таки решаю отправиться на Вундед-Ни, может быть повезёт, и я найду приличное место для ночлега по пути туда. Пустынная дорога лениво огибает голые холмы, ныряя в широкие овраги шурша крупнозернистым песком обочины. Солнце садится за горизонт и искажённые тени от редких сосен сливаются с серыми обломками скал, торчащими из земли, как бутоны перезрелых полусохших цветов. Где-то вдалеке торопливо затыкал шакал, ему ответил другой, неожиданно завершая лай протяжным высоким воем. Воздух стал прозрачным, расщепляя всё что способен уловить слух на отдельные звуки. Вот лёгкий шорох шин – я отчётливо слышу соприкосновение протекторов с асфальтом. Поскрипывает седло, почему-то в такт движению правой ноги. Стебли травы у кромки асфальта бьются друг о друга, издавая едва слышный скрежет, лишь солнце бесшумно прячется за темнеющую впереди горную цепь. Некоторое время оно ещё цепляется за склоны, пробиваясь горящим огненным лучом сквозь глубокие седловины, но борьба эта длится совсем недолго. Гаснут тени, трава сливается цветом с полотном дороги, становится прохладно и неудобно. Надо искать место для палатки – пора останавливаться на ночь. Слух улавливает странный шум, похожий на сухой, рвущий горло кашель. Он то пропадает, то вновь прорывается с новой силой, превращаясь в неровный рокот двигателя старой машины. Сначала он едва слышен, я ещё ощущаю шум ветра в волосах, но вот из-за поворота выныривает старый, с облупленной краской длинный рыдван, старше меня возрастом, ведомый твёрдой рукой, и я слышу близко-близко натужный треск старой поршневогой системы. Чихнув, словно удивившись, увидев одинокого велосипедиста, пикап резко останавливается, когда до меня остаётся метров тридцать, перекрывая мне путь вперёд. Притормаживаю, понимая, что не стоит прорываться с боем – я в индейской резервации. Здесь свои обычаи и правила, и главное из них – не суетиться. Из машины выходят двое. Индейцы. Первый, похожий на нахохлившуюся

хищную птицу, прикрывшую один глаз и спрятавшую в поднятых плечах голову, несмотря на вид умирающего с похмелья человека, неуловимо легко для моего глаза выскочил из машины очутившись чуть сбоку от меня, и замер не шелохнувшись. Другой, высокий, под два метра индеец с широким лицом и длинными до плеч чёрными, как хвост лошади, волосами в белой, облегающей широкие покатые плечи рубашке, выступил вперёд, шаря цепким, режущим взглядом по моему лицу, фигуре, вещам, оценивая. Вдруг он мне представился в странном одеянии – обнажённым, в одной набедренной повязке на раскрашенном коричневом теле с винчестером в одной руке и с кривым ножом, на лезвии которого темнеют следы запёкшейся крови в другой. Представился готовым с диким криком броситься вперёд. На миг я словно очутился на Диком Западе конца 19 века. Я даже удивился, когда услышал фразу на английском языке:

- Хорошее у тебя перо, большое, - и он показал рукой на мой руль. Я даже не сразу понял о чём речь, и лишь проследив его жест мысленно поблагодарил индейцев Аризоны за подарок – огромное перо орла привязанное к стержню руля на длинной крепкой ниточке. Перо для индейца хороший знак, понятный. Как хлеб-соль для русских, «Марсельеза» для французов или плакатик с портретом Мао Цзедуна в Китае. Его подарили мои друзья из резервации индейцев навахо.

- Я уважаю вашу страну, страну индейцев лакота страну Крейзи Хорса и Блек Элка - называю английские имена наиболее почитаемых вождей лакота, которые жили в резервации в разное время, - хочу узнать этот край поближе. – Говорить что-то о географии бесполезно. Скорее всего это ничего не даст – вряд ли они знают о существовании географии вообще – во многих школах США предмета с таким названием нет. Но мне надо им объяснить, что я не являюсь американцем. - Я из России. В моей стране хотят узнать о вас побольше.

- Да, хорошо. – Вряд ли они слышали что-то хорошее о России. Скорее всего их познания ограничены телерепортажами о войне в Чечне и о прошлогодней, холодной и снежной зиме в Сибири. Второй индеец что-то отрывисто сказал своему спутнику на местном наречии. Голос оказался хриплым и глубоко гортанным, словно говорит человек с больным горлом.

- Мой друг говорит: «Хорошо. Пусть едет. Никто не тронет тебя. Здесь живут замечательные люди и это очень хорошая страна».

- Спасибо. Я рад, что мне пришлось побывать здесь. Я поехал. Счастливо оставаться. – Улыбаюсь, киваю, на всякий случай головой, придавая выражению своего лица побольше бодрости, объезжаю стоящий на пути автомобиль и давлю на педали. Отъехав сто метров оглядываюсь. Индейцы стоят у своего автомобиля. Похоже, они обсуждают что-то. Чувствую, как закрадывается непрошенный страх под куртку. Он заставляет поднажать на педали, холодит спину, выступает липким потом на лбу и лишает плавности и лёгкости мои движения.

Темнеет. Замечаю неглубокий, заросший кустарником овраг и быстро ухожу с дороги, стараясь, что бы меня никто не видел. Тщательно маскирую свою маленькую палатку пучками травы, укладываю рядом велосипед, прикрыв на всякий случай все катафотики лоскутами ткани от случайного света фар. Недооцениваю краснокожих – здесь, в этой резервации я, видимо, оказался слишком заметной фигурой. Раствориться в прерии невозможно. Едва собрался лезть в палатку после ужина, услышал знакомый рокот и увидел пикап, остановившийся на дороге в пятидесяти метрах от меня. Из машины бесшумно выскочили уже четыре индейца и, принялись шарить по оврагу струями карманных фонарей, изредка обмениваясь короткими фразами. Не зря я волновался, они ищут одинокого велосипедиста! Может быть пытаются таким образом пригласить в гости? Ситуация не из приятных, меня, затаившегося и на время переставшего дышать, спасает маскировка, отсутствие луны на чёрном небе и нежелание этих ребят самим лазать по кустам – слишком они понадеялись на свет своих фонарей. Н-да, вестерн. Они возвращаются к машине, что-то обсуждая – я не могу понять – что, вновь садятся в пикап и уезжают. Сижу ещё какое-то время у входа в палатку, наливаю из термоса горячий чай, пью его чуть прихлёбывая, пытаюсь унять дрожь. Звёзды рассыпались по небосводу, словно разноцветные искрящиеся самоцветы, как будто кто-то накидал их горстями, не жалея. Любуюсь чужим, негостеприимным небом, затем открываю вход в палатку и заползаю внутрь. Устраиваюсь уютно и засыпаю...

Утром продолжаю свой путь. Вчера я не поехал сразу к Вундед-Ни, свернул к Волчьему ручью. Здесь находится самая, пожалуй, интересная индейская школа. Безошибочно нахожу его в посёлке, - как и у нас на селе, школа – одно из самых приличных зданий. Моя профессия учителя-географа почти везде за рубежом «даёт зелёный свет». Стоило сказать на входе серьёзной женщине, выполняющей роль охранника о цели моего визита, как меня тут же пропустили к директору, познакомили с преподавателем географии, показали оснащение кабинетов. Вилл – американский коллега-географ долго пытался понять где находится мой Ульяновск и река Волга и, наконец, махнув рукой сказал просто: « - А, Сибирь!». Учебник географии оставил тягостное впечатление – изложенный в нём материал напомнил детскую книжку – «Малышам о географических открытиях», но ученики-индейцы с удовольствием со мной пообщались, хотя наша беседа

напомнила мне скорее весёлые посиделки, чем урок по определённой теме. Мужчин в американской школе много. И зарплата приличная – вдвое больше, чем у водителя - дальнобойщика. Но американского учителя так и хочется назвать информатором и инспектором в одном лице. Он не друг им, а так, в лучшем случае - приятель. Экскурсия затянулась, давно прошло время обеда, прежде, чем я покинул гостеприимные стены школы на Волчьем ручье. Опять потянулись, сменяя друг друга голые холмы вновь загудел проводами и зашуршал травой ветер.

Незаметно подкатываю к Вундед-Ни. Сто лет назад американские войска расстреляли в этом месте группу танцевавших индейцев, предварительно разоружив их. Вот кладбище и мемориальный комплекс. Кладбище на высоком бугре, продуваемом ветром со всех сторон. Посередине его растёт невысокая, кряжистая сосна с голым стволом и корявой, бесформенной кроной. Ветер воет как живое существо, стараясь вырвать редкие ограды и кресты, треплет сосновые ветки из стороны в сторону, гнёт макушку к земле. Я прохожу к центру кладбища, читаю выбитые на табличках имена живших некогда людей. Несколько могил окружены столбиками расположенными по кругу – видимо не очень доверяют родственники умершего христианскому богу призывая на помощь духов своих предков. Комплекс расположен на небольшом возвышении, спешу к нему. Предчувствия меня не обманывают, он закрыт наглухо, даже следов пребывания человека не видно. Начинает смеркаться. Да, дела.... Хоть сделать несколько фотоснимков, что ли? Два индейца поднимаясь в горку, направляются в мою сторону. Видимо, они живут здесь, - неподалёку стоит деревянный дом и несколько вагончиков. Точно, ко мне подходят. Неуверенно как-то. Мужчина и женщина. Мужчина средних лет, взгляд бесцветных глаз тусклый, расплывчатый, лицо испитое, волосы собраны в пучок и уныло свисают на спину. Мужчина подходит вплотную шаркающей походкой, и что-то пытается сказать, женщина стоит молча, слушает, ждёт.

- Здесь ли произошло то событие? – спрашиваю его.

- Да, да. Вот тут, - он указывает на овраг, ручей, протекающий недалеко от места, где мы стоим. Мужчина робко предлагает мне ночлег.

- Душ.... Завтрак, - говорит он, женщина застенчиво кивает головой, подтверждая слова мужчины.

Спускаемся с холма и направляемся к одному из вагончиков. Говорим о резервации, о пере орла, что укреплено на руле моего велосипеда, о брате Боба, - так зовут моего собеседника, - сидящего в тюрьме по серьёзному обвинению. Заходим в вагончик.

- Затащи велосипед внутрь, мало ли что, - говорит мне Боб, - располагайся.

Стоп! О цене то мы не договорились!

- Сколько стоит будет? – делаю вид, что собираюсь уходить.

- Тридцать долларов.... Душ, завтрак...., - Боб смотрит в сторону. Тодди, - так зовут женщину, - смотрит с надеждой на меня.

- Нет, - отвечаю, - у меня нет столько. Только десять. - Тодди вздыхает с облегчением.

- Хорошо. Десять, - хорошо.

Они приехали недавно из центрального посёлка – обогнали меня на подъезде к Вундед-Ни. Привезли гуманитарную помощь – какую-то одежду, дешёвые продукты. Тодди вскрывает банку компота из персиков, ставит передо мной – ешь, это вкусно. Боб просит у меня деньги прямо сейчас. Да, конечно.... Достая десять долларов, даю ему. Боб тут же исчезает куда-то. Через пять минут появляется – в руке бутылка виски. Уже откупоренная – не дотерпел. Виновато ставит бутылку на стол, старается на меня не смотреть, уводит взгляд. Тодди включает телевизор, ставит видеокассету:

- Фильм. Про индейцев. Можно посмотреть.

Да. Такие вот дела. Показывают мне место для ночлега. Расстилаю спальник, ложимся спать. Ночью грохочет гром, хлещет всю ливень. Вагончик трясётся – вот-вот развалится.

Утро солнечное и тихое. Надо прощаться. Но сначала – обещанный завтрак.

- Пошли в дом сестры, - и мы идём в деревянный, почти по-русски срубленный дом. Обходим привязанную к стене собаку. Она бросается вперёд, заходит в истошном лае. Привязь возвращает её на место, и псина в исступлении и бессильной ярости рвёт металл привязи жёлтыми острыми зубами, вновь бросается вперёд и всё начинается сначала. Около дома несколько старых, видимо брошенных машин, мусор, груда деревянных, разобранных на дрова, ящиков.

- Иди в душ, пока готовится завтрак, - Боб сидит за столом. Волосы аккуратно расчёсаны на пробор по-лакотски. В руке – початая бутылка виски. Семь часов утра. – Вот так.... Да...., - говорит он, опять отводя глаза в сторону. – Куда дальше собираешься ехать?

- Да в Монтану, - отвечаю, - там две резервации на пути. Резервация Чейенов и Кроу.

Его глаза темнеют. Он смотрит на меня в упор. Впервые с момента нашей встречи.

- Кроу? – переспрашивает он, - это плохие люди. Не надо ехать к ним, – Тодди утвердительно кивает головой. – Плохие люди, воры.

Когда-то сто с лишним лет назад Кроу и Лакота кроваво враждовали друг с другом. Кроу служили разведчиками у белых кавалеристов, и даже сегодня между двумя индейскими народностями нет согласия.

- Да, ладно, не поеду, - успокаиваю своих хозяев и иду в душ.

После завтрака прощаюсь со своими новыми знакомыми. Боб выходит со мной на улицу. Кладу руки на рукоятки руля. Говорю слова благодарности. Бобби машет головой и вновь отводит взгляд в сторону.

- Душ, завтрак, - говорит он, - десять долларов мало.

Я знаю – видел, что он успел выпить свою бутылку виски почти до дна. Протягиваю ещё пять долларов. Тодди стоит у дверей, молчит. Бобби торопливо хватается за бумажку и что-то невнятно бормочет о возможности посетить его ещё раз в будущем. Сажусь на велосипед, машу им рукой. Еду к мемориальному комплексу, фотографирую, снимаю на камеру. Выезжаю на шоссе. Всё, моя дорога серой лентой уходит вверх и скрывается за холмом. Оборачиваюсь. Тодди стоит у своего вагончика. Смотрит в мою сторону, поднимает руку в знак прощания. Может быть, встретимся когда-нибудь ещё раз?

Монтана. Ковбой Джереми Ватт. Нелёгкие километры Кордильер.

Или дождь барабанит по крыше палатки, или снежная крупа. Ничего удивительного нет. Вчера я не просто наблюдал, я вчера на видеокамеру снимал далёкие, одиноко стоящие горы, которые, скорее всего можно назвать очень высокими холмами, или сопками. Снеговые тучи, белые по краям и холодные настолько, что дрожь пробирает ментально, едва взглянешь на их зловещую белизну, накрывают одну за другой вершины холмов, избирательно посыпая их снегом. Вершину посыпает, а склоны как стояли, так и стоят, покрытые прошлогодней травой, словно зимы не было вовсе. Больше недели я крутил педали по одному из самых больших и красивых штатов Америки – Монтане. Горы и бескрайние холмистые равнины, плавно переходящие в невысокие, поросшие лесом горы оставляют заметный след в сознании. И этой красотой не пресыщаешься, а воспринимаешь как нечто, просто существующее и живущее. Природа – творец с неиссякаемой фантазией и энергией. Нагромождения скальных массивов вдоль русел рек и горные цепи, неуклонно возвращают в мир героев Майн Рида. Впечатлений добавляет семья ковбоев по фамилии Ватт, с которой меня сводит случай. К очередному закату близится день и я начинаю подумывать об организации ночлега. Меня догоняет велосипедист. Несколько минут назад я обогнал его, отдыхающего у обочины. Он крикнул мне что-то, слова его захлебнулись в порыве ветра, но я успел улыбнуться и бросить ему привет из России. И вот теперь он решает продолжить знакомство. Крепкого телосложения, что чётко просматривается через спортивный комбинезон, со спокойным взглядом умных, проницательных глаз. Усы в пол лица. Велосипед, как я успеваю заметить, очень хороший – лёгкий, спортивного образца, а ноги владельца массивные, с узловатыми мускулами, способными давить и давить на педали без усталости. После короткого разговора на бегу, велосипедист предлагает мне остановиться на ночлег в доме на его ранчо. Оно недалеко – от силы десять километров по ходу движения и спустя двадцать минут мы сворачиваем на второстепенную дорогу под указатель «Ранчо Ватта». До дома от поворота около четырёх километров и по пути мы успеваем не только, как следует познакомиться, но и загнать отбившуюся от стада корову в огромный загон, где пасутся ещё несколько сотен голов крупного рогатого скота. Ватт улыбается – вот, мол, и ты приобщился к труду ковбоя. Дома Джереми знакомит меня со своей семьёй. Это потомственные ковбои – вся их жизнь буквально пронизана особенностями самой старой культурой Америки. Ковбои и звероловы-трапперы осваивали огромные просторы Дальнего Запада США, были пионерами – первопроходцами когда-то. А сейчас они – фермеры-скотоводы. В их хозяйстве несколько сотен голов крупного рогатого скота и несколько десятков голов лошадей, с которыми управляют четверо мексиканцев и дети Ватта – сын Пайн и дочь Невада. Территория ранчо включает несколько тысяч гектаров земли, где есть и леса и горы, и даже небольшая речка. Ватт показывает искусство владения лассо, знакомит с упряжкой, рассказывает о своей работе. Целые стеллажи в одной из комнат дома, забиты книгами и буклетами с фотографиями и картинами, посвящёнными пионерам Дальнего Запада. Ватт и его жена, очень милостивая женщина по имени Колин, показывают мне многочисленные слайды о перегонах скота в штаты Юта и Колорадо, показывают награды, которые Джереми завоевал на родео в Монтане и Вайоминге. Три дня я в гостях у этих гостеприимных людей. Вместе с детьми задаю корм лошадям, чиню изгородь вместе с мексиканцами, с Пайном катаемся на лошадях по горным склонам и разбираем некоторые школьные вопросы как-то связанные с географией – он – победитель районной олимпиады по этому предмету и мне приятно, что я могу ему сейчас помочь...

Ещё некоторое время лежу в палатке, вспоминая события последних дней. Монтана штат малонаселённый и огромный по площади. Вспоминаю индейца шайена из резервации Маленького Волка. Я выехал на дорогу в шесть утра, а этот парень – высокий, широкоплечий, красивый, был уже пьян. Он пытался притормозить попутную машину, поднимая руку и бросаясь под колёса всякий раз, как только такая машина проезжала мимо. Я снимал на видеокамеру окрестные холмы и этого парня, и мы перебросились с ним парой слов в процессе этого мимолётного знакомства. Явно вижу, как еду по этой резервации. Еду целый день, заезжая в

крохотные деревушки, фотографирую прерию и горы пытаюсь представить себе жизнь индейцев многолетней давности.

На реке Литл Бигхорн, что в резервации Кроу, активно работал камерой в священном для индейцев месте. Но вечером, просматривая отснятый материал кроме пустой, чистой плёнки не увидел ничего. Ясно помню как ставил видеокамеру и дважды проверил – идёт ли запись. Всё было нормально, значок о съёмке ясно маячил. И вот, поди ты ... Вспоминаю, как две недели назад в Небраске пришлось повозиться с камерой заднего колеса. На ночлег остановился на берегу небольшого ручейка среди зарослей какого-то густого кустарника. Отдельно занёс на понравившееся местечко вещи, а потом перенёс на руках велосипед – берёт колёса от мелких, острых – будто стальных колючек. Они впиваются как сапожные гвозди в покрышку, теряют головку, но остриём добираются до камеры и безжалостно дырявят её. Накануне эти колючки испортили мне одну из камер десятком проколов, задержали на час и заставили-таки вставить в покрышку новую камеру. Заснул под журчание ручья, а проснулся не только ручей – землю сковало, словно зима вернулась. Ручей молчит – льдом покрылась вода. Неуклюже выползая из палатки, наткнулся рукой на оставленную снаружи бутылку – вода наполовину замёрзла. Я не часто так рано встаю – на востоке лишь небо сереть начинает. Делаю энергичную зарядку, затем быстро складываю вещи – край солнечного диска появляется над горизонтом. «- Сегодня у меня часа на два больше времени, чем вчера», - говорю я сам себе и, не внемля внутреннему голосу, настойчиво советуящему вынести рюкзак и велосипед на дорогу отдельно, грузу вещи на багажник. Осторожно вывожу свой велосипед на дорогу, старательно обходя пучки колючек, сажусь, трогаю в путь. Будто заднее колесо плохо подкачено? Еду ещё несколько сот метров – так и есть - прокол. Вот он – результат безалаберности! Снимаю вещи с багажника, переворачиваю велосипед, снимаю колесо, бегу с камерой и насосом к месту стоянки. Колю лёд, опускаю в ледяную воду подкачанную камеру – ищу прокол. Есть! Вот он! Зажимаю пальцем место прокола и бегу назад. За три метра до велосипеда спотыкаюсь на ровном месте – из рук вылетает и насос и камера. Нужно бежать назад. Бегу и теперь уже старательно затыкаю найденный прокол соломинкой и вновь, высоко поднимая ноги, бегу к оставленному в километре впереди велосипеду. Солнце, поднявшись довольно высоко за это время, незло смеётся надо мной и над моими планами отправиться в путь пораньше. Ещё десять минут уходит на ремонт и погрузку, и я снова продолжаю путь.

В местечке... дорога раздваивается. Я планировал пройти на север через Миссури к форту.... Меня манят эти горы синеющие далеко впереди. Но Монтана штат малонаселённый, а по площади большой. Вот и здесь в... кроме почтового офиса, малюсенького – на два номера отеля и кафе ничего нет. А я думал запастись здесь продуктами для броски через Миссури. А там впереди опять индейские резервации и пустынная прерия на десятки километров. Приходится поворачивать на восток к Грейт-Фолс и опять бороться с ветром. Пытаюсь выйти из ситуации – еду вечером после захода солнца. Не очень удобно, но дорога пустынна, огромная жёлтая луна прогоняет ветер, освещает асфальт и блестит дорожной разметкой. Палатку ставлю, когда часы показывают половину одиннадцатого, а на счётчике сто шестьдесят пройденных за день километров. Это вдвое больше, чем может пройти почтовая лошадь. Лишь бы велосипед не подвёл, не сломался....

Точно снежная крупа барабанит по крышке палатки. Но ничего! Сегодня я преодолёю горный перевал и дорога к океану будет открыта. Вперёд! Бодро выползаю наружу – новый день начинается...

На побережье.

Вчера я оставил позади городок Ридинг и вдоль реки Тринти углубился в передовой хребет Каскадных гор. Места не очень густо населены, даром, что Калифорния. Лес кругом, а поселения крохотные, словно на окраинах Пермской области. Больше пяти тысяч километров позади. Я сейчас по-настоящему, что называется «вкатился», организм полностью перестроился и тщательно «сортирует» нагрузку – позволяет легко справляться с подъемами и перевалами, позволяет за световой день пройти на велосипеде до двухсот километров, замечательно реагирует на растяжку, но всячески противится силовой работе.

Дорога выкатывает к городку Уиллоу Крик и до меня, наконец-то доходит, что не зря это название так часто мелькало на указателях за последние сто километров пути. Не зря то тут, то там я видел изображения снежного человека, или бигфута, как принято его здесь величать. Выполненные из дерева, в виде скульптур, из разрисованного картона и металла, эти изображения «населяют» кемпинги и магазины. Именно здесь, на ручье Уиллоу Крик были отсняты те знаменитые пятнадцать секунд кинохроники, на которые опираются искатели снежного человека. Я не оставляю без внимания музей снежного человека в этом селении. Удивительно умение американцев привлечь внимание туристов, к какойнибудь достопримечательности! Вот и в случае с этим музеем. На голом месте он, фактически, вырос. Собраны фотографии очевидцев, слепки ступни бигфута, показывают кинохронику, а также продают самые разные сувениры. Невозможно уйти отсюда без фотографии, брелока, открытки. Есть и более солидные сувениры, стоимость которых превышает сотню долларов. При желании вас могут сводить на то место, где бигфута видели, откуда велась

съёмка и подробно всё расскажут на месте.

Бегут километр за километром, остаются позади реки, горы, города, встречи. На моём пути замечательный национальный парк – «Авеню Гигантов». Здесь, на западных склонах Сьерра-Невады сохранились небольшие рощицы гигантских деревьев – секвой. Я уже видел одно из самых крупных деревьев на Земле – Дерево Гризли в начале пути. Сейчас мне предстоит увидеть огромную рошу стометровых гигантов. Вот они! Исполинские деревья выстраиваются строем вдоль дороги. Прислоняю велосипед к одному из стволов и хожу, задирая голову, от дерева к дереву. Будто ожила сказка о стране великанов и вот сейчас появятся здесь такие же гигантских размеров люди, а я превращусь в того самого Гулливера. Да, велика сила природы! Какое счастье, что мне удалось прикоснуться к этому чуду ещё раз.

Небольшое усилие и я выкатываю к океану. Скалистые берега его каждый день, в это время года выдерживают порывы ветра чудовищной силы. Ветра гонят серые, наполненные влагой облака и те оседают на склонах уходящих в море гор, дают начало многочисленным ручьям, подпитывают реки. Орлы парят под облаками, я на миг забываю о дороге, засматриваюсь на них. А зря! Дорога ныряет вниз, проходя над самым обрывом. По краю её уложен бордюр из бетона. Невысокий, всего-то сантиметров тридцать, а за ним метровая обочина, уходящая в тридцатиметровый крутой, испещренный опасно торчащими острыми камнями, склон. Когда я возвращаю взгляд на дорогу уже нельзя спасти положение никак. Колёса моего велосипеда намертво прилипли к бордюру, полностью вырвав управление из моих рук. Ещё несколько секунд я по инерции продвигаюсь вперёд, балансируя на встающем велосипеде, а затем резко останавливаюсь и лечу через руль кувырком. В полёте успеваю перекинуть камеру со спины вперёд, одновременно прощаясь с фотоаппаратом, который мне определённо спасти не удастся. Успеваю заметить цветущий кактус с красно-голубыми цветами будто намертво прилипшими к мясистым колючим листьям, который проносится перед глазами и большой камень, за который можно зацепиться во время «приземления». Меня припечатывает спиной к самому склону обрыва. Находясь ещё в воздухе, в этом страшном кульбите цепко хватаюсь за «камень спасения». Ноги ещё в воздухе где-то за головой, а я молюсь чтобы камень не сорвался вниз вместе со мной. Он крепко врос в склон - это меня и спасает в последний момент, когда ноги улетают за край обрыва. Прихожу в себя. Ноги висят над обрывом, чехол с камерой на поясе спереди, фотоаппарат, чудом зацепившись за тонюсенький ствол кустарничка покачивается в метре от моей головы. Голову я предусмотрительно успел прижать подбородком к груди. Протягиваю руку за фотоаппаратом – вовремя – тот срывается с ветки и падает прямо мне в ладонь. Очень медленно подтягиваюсь вверх и двигая лопатками как ступнями каракатицей ползу вверх, затем осторожно нащупываю опору для ноги переворачиваюсь на живот и выползаю наверх на четвереньках. Выпрямляюсь и оглядываюсь по сторонам. Странно – велосипед стоит, прижавшись к бордюру, будто опустившая голову лошадь, переживающая об этом неприятном эпизоде. Вот она – дорога! Никогда нельзя ослаблять внимание в пути! Прежде чем сесть в седло смотрю вверх. Орлы парят под облаками. Медленно, величаво, огромными кругами. Посмеиваются, наверное, над моей неловкостью, а может быть сочувствуют - орлы - птицы умные, а умные не смеются над ошибками других.

Мой путь в шесть тысяч километров подходит к концу. И сейчас эта дорога дарит мне ещё один подарок. Она выводит меня к форту Росс, который был воздвигнут когда-то русскими землепроходцами здесь, на севере Калифорнии. История форта богата событиями, он разрушался и возводился вновь неоднократно, переходил из рук в руки – принадлежал и русским и мексиканцам, и американцам. Часа два я переходил из башни в башню, от пушки к пушке. Уходил к заливу, на берегу которого расположен форт и возвращался обратно. И вдруг случайно увидел старинное кладбище, существующее со времён первых поселенцев. Оно находится далеко от стен форта. И здесь, под его покосившимися православными крестами я, в общем-то, неверующий, ощутил себя до самых костей русским человеком, и дождь, который всё лил и лил, смывал с лица слёзы, появившиеся неизвестно откуда, но которых я почему-то не стыдился в этот момент....

Лето 2005 года.

Там, где когда-то ходили верблюды.

Солнце зашло. Справа по борту летящего самолёта долго - долго по всему горизонту алеет ровное пламя вечерней зари. Кусок голубого неба, переходящего в глубокую синеву, теряется в бездонной темноте вселенной. Яркая звезда, взявшаяся неизвестно откуда одиноко повисла над темнеющими внизу горами. Там внизу - Иранское Нагорье. Оно отделяет мою страну от далёкой и сказочной Индии. До Бомбея остаётся четыре часа полёта. Немного страшно - как примет Индия!? Путешествие предстоит нелёгкое. Это уровень жизни в мире меняется, а расстояния остаются прежними, как и много лет назад. Когда-то торговые

пути связывали Индию с Персией, Средней Азией и Поволжьем. Когда-то давным - давно мои предки торговали с Индией, доставляя грузы сначала в Персию, а затем и в саму Индию. Это был непростой, очень непростой путь. Нужно было довести свой товар до низовьев Волги, перевалить через Кавказские горы, и затем, меняя караван за караваном, преодолеть обширные, смятые горными складками пространства Персии, где на восточных границах её преградой выступали могучий Инд и пустыня Тар. Караваны шли от колодца к колодцу, оставляя позади километр за километром каменистой бесплодной земли. Вместе с торговцами шли иногда историки и географы, стремившиеся собрать крохи познания мира, чужих культур и обычаев. И вот теперь мы, сменив верблюда на велосипед, хотим пройти по этому старинному караванному пути. Наш самолёт летит в Бомбей, или, как его сейчас принято называть - Мумбай - крупнейший город Индии, что расположен на западном побережье полуострова Индостан. Нас двое - мой спутник в сегодняшнем путешествии - кандидат в мастера спорта по туризму, имеющий на счету не одну тысячу "велокилометров" Владимир Баранов из Казани. Бегут минуты полёта, не остановиться! Самолёт заходит на посадку - полёт закончен. Тринадцатое февраля, Бомбей, Индия, четыре часа утра, - время пошло.

Никогда не используйте индийскую велосипедную цепь!

Бомбей - огромный, раскинувшийся на нескольких островах город. Толчея, шум, гам проглатывают сразу, как только мы покидаем здание аэропорта. У нас забронирован номер в гостинице, мы едем туда. В ноздри бьёт запах тропической зелени, сточных вод, коровьего навоза, сандала, помоев, гниющего мусора вместе взятых. Этот "аромат" пробивает едва уловимый запах морской воды - океан близко. Голова самопроизвольно крутится влево - вправо. Вот длинные зелёные листья пальмы почти закрыли следы потёков воды на некрашеной стене дома, - в сезон дождей здесь, пожалуй, нелегко найти относительно сухую площадку. Машины старательно объезжают "баню" - коллективная помывка происходит прямо на обочине дороги. Мужчины, женщины, дети, будто муравьи вокруг гусеницы суетятся у большой пластмассовой посуды, до краёв заполненной водой из протянутого из ближайшего дома шланга. Воду из чана зачерпывают большими пластмассовыми кружками, льют на себя не жалея, затем тщательно намыливают лицо, голову, тело - прямо через одежду. Кожа тёмная, почти чёрная, невысокий рост, белые, будто из мрамора зубы и рука, вскинутая в приветствии - "Привет, сэр!". Рядом - на тротуаре - ранний завтрак. Мама деловито разложила по листочкам бумаги еду, дети разбирают каждый свою "тарелку" и со вкусом едят, поглядывая по сторонам. Рикши снуют вперёд-назад, мотоциклы, ослики, быки, запряжённые в двухколёсные телеги, ультрасовременные машины и автобусы, увешанные со всех сторон гроздьями пассажиров, кричат, свистят, мычат, сигнализируют и всё это при левостороннем движении и выкатывающим вверх самых высоких домов жарком тропическом солнце. Комната отеля временно отгораживает нас как заслонкой от палящего солнца и шума. Разбираем вещи и уходим в город на поиски велосипедного магазина. Через три часа мы продолжаем знакомство с городом уже с седла многоскоростного велосипеда. Проезжаем по набережной Индийского океана, по узким улочкам старого города. Завтра в путь.

Утро. Долго выбираемся из города. Наша дорога - хайвэй номер три - это путь на Агру и Джайпур. К левостороннему движению привыкаю быстро - не в первый раз, был уже опыт в Австралии три года назад. Дорога узкая, не развернёшься, даром, что хайвэй. Моторикши стопорят движение - едут чуть быстрее велосипеда. Корова идёт себе по обочине. Она - королева дороги - все обязаны её объезжать, а она идёт и в ус (скорее - в рог) не дует. Как же - священное животное. Некоторое время дорога бежит по невысоким холмам и велосипед весело и быстро катит вперёд под попутный свежий ветерок. Солнце поднимается всё выше, выбираясь на самую вершину небосвода. На компьютере двадцать восемь градусов в тени. А что, всё правильно, - субэкваториальный пояс, так и должно быть. На мне лёгкий костюм из цветастой хлопчатобумажной ткани, кепка и сланцы. Воздух легко заходит в широкие рукава и за расстёгнутый ворот рубахи. Жара меня не угнетает - Индия, есть Индия. Время бежит незаметно. Удлиняется тень, столбик термометра ползёт вниз, ветерок чуть свежеет - нужно подумать о ночлеге. Его находим легко - придорожное кафе с громким именем Говинда Сингха - последнего гуру сикхов предоставляет нам почти бесплатно две койки под открытым небом. Хозяин кафе Кизан - представитель самой воинственной нации Индии, не даром даже символ религии - три скрещенных рукоятками меча украшают стены кафе. Огромная фотография Золотого храма, святыни сикхов, находящегося в городе Амритсаре висит на самом видном месте, а само кафе хозяин называет лангаром - трапезной, где, согласно его религии могут и бесплатно покормить. "- О! Вы собираетесь попасть в Амритсар? Хотите увидеть Золотой храм? Как это хорошо!" - хозяин рад несказанно нашим планам. « - Я очень рад видеть вас здесь!» Ужин нам всё-таки обходится в несколько рупий, но за ночлег мы не платим ничего. Утром следующего дня ветер вновь заявляет свои права, тормозя продвижение вперёд. Пологими стенами встают горы плоскогорья Декан. Невысокие это горы, высотой как Южный Урал, но длинные двадцатикилометровые тягуны заставляют благодарить подготовку - не зря я усиленно тренировался перед поездкой. Грузовики ползут в гору со скоростью пешехода, натужно пыхтя и нещадно чадя чёрным, едким выхлопным дымом, который моментально

забивает до отказа лёгкие. Наконец, чудом вскарабкавшись на последний уступ, дорога выскакивает на долгожданный перевал и теперь можно мчаться вниз, используя все скоростные возможности велосипеда. Пот высыхает моментально – рубашка, ещё пять минут назад, казалось, намертво припечатанная к вспотевшей спине, треплется как полотнище флага в ветреную погоду. Всё бы хорошо, но вот транспорт «оставляет желать». Знал же я, что индийский велосипед не лучший представитель рода велосипедного. Нет, мы, конечно же, путешествуя с мальчишками по родной стране нет, нет, да и использовали железного коня индийского производства. И его можно использовать, если, скажем, заменить у него раму, колёса, педали, шатуны, камеры, крышки и, главное – цепь на те же детали, хотя бы отечественного производства. Тогда индийский велосипед походит какое-то количество километров. Говорил мне мой внутренний голос – возьми, мол, односкоростной велосипед, у него хоть цепь покрепче, но голос напарника оказался сильнее. И вот теперь я у разбитой цепи. Она – как будто из алюминиевой проволоки смонтирована – мнётся, гнётся, звенья рвутся, заставляя то и дело останавливаться и превращаться в механика – клепать цепь вновь и вновь – одним словом – беда. Все мои усилия тщетны. Эта наиважнейшая часть двухколёсного механизма ремонту не поддаётся. В конце концов, вешаю остатки цепи на руль и целых пять километров качу на велосипеде, как на самокате, отталкиваясь одной ногой до небольшой деревушки, в которой есть небольшая веломастерская. Местные рады поторговаться и выудить из меня круглую сумму. После долгих споров покупаю новую цепь и, на радость обступившей меня индийской братии, мигом превращаю многоскоростной байк в односкоростной, но зато цепь теперь прочная – рикши на таких цепях по тонне груза перевозят. Первое время даю на педали с опаской – вдруг и эта цепь не выдержит! Мои страхи напрасны – велосипед стал послушным и настойчиво везёт вперёд со скоростью двадцать километров в час.

Ганга, экология и Аркадий Пластов.

Постепенно вкатываемся. Проплывают мимо пыльные деревни, базары, верблюды, многочисленные кричащие на всю улицу продавцы. Никакой агрессии на лицах людей. Улыбки, желание потрогать невесту откуда взявшегося "сэра" и его багаж, открутить на память какую-нибудь деталюшку или, по крайней мере, обязательно сбить показания счётчика на спидометре велосипеда. Общаемся на смеси английского языка, который в деревнях не многие понимают и языка жестов. Индусы радуются как дети, узнавая в нас русских, а не англичан и американцев. Я не укрепил на стойке руля на сей раз российский флажок – моя визитка – моя физиономия. Безошибочно они угадывают в нас русских. Больно уж добродушный народ! Они ли повернули войско Александра Македонского обратно две с половиной тысячи лет назад?! Не верится что-то. Не могу представить их грозными, даже если они будут увешаны оружием с ног до головы. Женщин немного на улицах – они не ходят просто так – то чуть ли не куб хвороста несут на головах, то дрова рубят взобравшись на какое-то вооружённое колючками дерево, то из коровьего навоза лепёшки мнут и на солнышко ставят подсыхать, благо и солнце горячее, и коров – священных животных, пожалуй, не меньше чем людей. Профиль лица некоторых женщин в точности совпадает с профилем на старинных барельефах и фресках, которые мне приходилось видеть в учебниках истории. Что это? Им не грозит деградация нации, тот неизбежный процесс, который всерьёз затронул Америку и Россию? Пожалуй, при том многоцветьи народов, которым известна Индия, сохранить свежую кровь нации проще, чем нам, жителям почти пустынных, по сравнению с Индией северных территорий. Индия – страна древней культуры, как гласят многочисленные справочники и учебники. Вижу массу храмов. Маленьких, крохотных и огромных. Везде и всюду. Ашрамы, гуру, учителя, божества. Манасу, Брахма, Кришна, Ганеша, Нанак, Вишну, Саи-Баба, Шива.... Горят свечи, разносится ветром запах сандала по Индии и вновь крестьяне выходят в поле с мотыгами, как и далёкие предки, опять, как и много лет назад женщины несут из реки воду домой в кувшинах, или стирают на берегу этой же грязной реки, а продавцы снова и снова выкатывают на улицы нехитрый товар. Может быть то, что мы называем древней культурой страны давно переродилось в это вот врождённое доброжелательное отношение к людям и ко всему живому, когда человек не задумываясь, выбирает лишь добрую тропу и решает любые спорные вопросы, призывая на помощь здравый смысл? А благодарность за жизнь выражается в любви к своему конкретному богу? И вообще, – что такое – культура? Творения литераторов и художников? Воспитание каких-то определённых человеческих качеств? Значит, их культура хороша, раз воспитывает добрых людей? А мы? Что значит наше воспитание? Что мы знаем о своей культуре? Кого призываем в помощники, когда нужно ответить на подобные вопросы? Пушкина? Шишкина? Или "Бандитский Петербург"?!

Едва остался позади горный массив, начались обработанные ухоженные поля. Всё, каждый клочок распахан и засеян. Пшеница, сменяется хлопчатником и рисом, просо – сахарным тростником. Скорость на дороге уменьшилась – в чём дело? Кто это движение стопорит? Телеги, гружённые огромными связками сахарного тростника, день и ночь тащат быки и верблюды. Целые караваны неспеша идут вперёд. А, вот в чём дело – сахарный завод на пути! Так и есть. Работает и днём и ночью. Огромные склады сахарного тростника с одной стороны и мешки с крупнозернистым сахарным песком с другой, посередине кирпичное здание и

высокая труба. Труб много возвышается над равниной. То кирпичные заводы, и вот, - сахарные. Кирпича много надо. Хотя его всё равно не хватает. Строят себе индусы дома из соломы, глины, а то и из коровьего навоза, из которого наделают "лепёшек - кирпичей" и строят из них стены. Крыша из листьев пальмы уложенных тщательно, как черепица - вот и готов дом, благо климат позволяет так быстро и просто решить жилищную проблему. Каково в таком доме жить - вопрос интересный, но живут.... Хотя кто-то и стены не удосуживается строить. Кладёт два ряда кирпичей по периметру будущего дома, в уголке - навес из подручного материала - листьев пальмы или бананового дерева, а то и простой полиэтиленовой плёнки - это спальня, с противоположной стороны - чисто выметенная площадка, которая одновременно кухней и столовой служит. Главное, чтобы статуя бога была рядышком, чтобы было, кого почитать. А то, что народ снуёт туда-сюда не беда, куда же при миллиардном населении деться! Хочешь не хочешь, а как-то приспособливаться приходится.

Едем всё дальше. Вот позади несколько крупных городов - Индор, Гвалиор, мы приближаемся к Агре. Крупный город, очень крупный. Тадж Махал сверкает как изумруд посреди серых, облезлых зданий, множества торговых палаток и целого полчища рикш и повозок, запряжённых ослами и верблюдами. Белые, сверкающие шлифованным мрамором идеальной симметрией постройки мавзолея прекрасны в свете заходящего солнца. Будто кто-то нарочно перенёс его из другого мира и поставил посреди гор мусора на берег реки Джамны, по которой плывут груды белой пены, а нечистоты источают запах от которого мутит в животе. Хотя это несколько не смущает рыбаков, вытягивающих сеть в лодку посреди реки и купающихся детей, у которых на берегу построен шалаш и горит костёр из собранного по берегу горючего мусора. Джамна - приток великой Ганги - священной реки Индии на которой тысячи индусов ежедневно совершают омовения и пьют воду, считая, что священная вода нейтрализует силы зла в душе человека. Я уважаю чужую религию и чужие убеждения, но сейчас, глядя на воды Джамны, искренне жалею здоровье индусов, пьющих такого качества воду. А вообще с экологией в Индии не всё в порядке. Люди этой страны любят всё живое, однако, не задумываясь бросают на землю и в воду всё, что можно, начиная от банановой кожуры и обычных помоев заканчивая пластиковыми пакетами, пустыми бутылками, обёрточной бумагой. По улицам текут потоки сточных вод, посуду в дешёвых ресторанчиках моют тут же у сточной канавы из шланга, небрежно складывая в стопу прямо на тротуаре и моментально в тарелках появляется новая порция риса и специй.

Покидаем Агру, наш путь в Джайпур и дальше, в Дели. Плоскогорье сменяется абсолютно плоской, без единого сколько нибудь заметного холмика равниной. Здесь начинается одна из крупнейших в мире и с древнейших времён заселённых равнин - Индо-Гангская. как гласят географические справочники - плотность населения здесь более тысячи человек на квадратный километр! На протяжении десятков, сотен километров абсолютно однообразный ландшафт. Распаханные и засеянные различными культурами поля, равномерно разбросанные по равнине дома и деревни, с обязательными рынками вдоль дороги, и, опять таки, ослепительно белые зубы людей, спешащих пообщаться с пришельцами из другой страны. Долго выезжаем из Джайпура. На выезде из города долго тянутся постройки реставрируемого дворца. Здесь с юга вклинивается небольшой горный массив, как последний привет плоскогорья Декан. Стены крепости, заросшие пальмами и баньянами, уходят вверх по склону, соединяясь с небольшими башнями, видимо давно облюбованными вездесущими обезьянами. Возвращаясь к велосипеду, который я покинул три минуты назад для съёмки стен дворца, вижу улыбающихся торговцев и убегающего в башню бандерлога с пакетом недавно купленных мандаринов. Я оставил этот пакет на велосумке с надеждой чуть утолить жажду после съёмки. Остаётся только улыбаться в ответ на такую исключительно обезьянью выходку хвостатого жителя Индии. Палатку разбиваем на небольшой уютной площадке перед придорожным дешёвым отелем-кафе. Моемся из огромного каменного чана, поливая на себя из пластмассовых кружек, как это делают индусы. Они улыбаются - не каждый день им приходится видеть голыми белых "сэров".

В Дели попадаем к вечеру. Вынужденный ремонт велосипеда задерживает нас на час, и к центру города мы подбираемся уже по темноте. Поток машин велик. Город незнакомый, карта плохая. Крутимся целых 25 километров прежде, чем удаётся попасть в район Пахарган. Здесь масса дешёвых отелей, торговых лавочек, различных "забегаловок" и ресторанчиков. Здесь, наконец, снимаем комнату на двоих - ф-ух, можно отдохнуть и придти в себя.

Утром мы в Центре Российско-Индийской дружбы. С корабля на бал - попадаем на мероприятие, посвящённое году русского языка в Индии. Центр собрал многочисленную, живую аудиторию. Здесь представители факультетов русского языка из университетов Дели, Калькутты, Миирута. Профессора, студенты, гости. Выступление следует за выступлением. Всё интересно. И то, что в Индии продолжают учить русский язык, и то, что живо интересуются российской глубинкой. Тут же следуют настоячивые приглашения в гости, завязываются знакомства. Я везу альбом работ народного художника страны - Пластова Аркадия Александровича. Колоритом и духом моей страны, более того - моей области, моего

родного края пронизаны работы художника. Альбом с удовольствием листают мои новые знакомые, рассматривая репродукции, удивляясь буйству красок и выразительности лиц изображённых на картинах людей. С удовольствием дарю Центру альбом и получаю пожелание увидеть работы художника здесь - в Дели.

Йога, сикхи, и железная колонна.

Целую неделю пришлось провести в Дели в ожидании виз в Пакистан и Иран. В Москве визы в эти страны получить - дело очень хитрое и почти безнадёжное. Здесь, в Дели, это вполне реально - было бы рекомендательное письмо из посольства России. Пока оформляются документы мы знакомимся с долиной Кулу в Гималаях, катаемся по Дели, стараясь посетить хотя бы самые известные достопримечательности. Первым делом направились в Кутб-минар, к башне, высотой 72 метра и по легенде, созданной для наблюдения за космосом. Поражает не столько высота, сколько тщательно отделанная поверхность башни. Рядом, посреди неотреставрированных развалин стоит колонна Чандрагупты девятиметровой высоты, выплавленная из чистого железа. Сотни лет стоит и коррозии не поддаётся. Чудо, конечно. Хитрые буржуины - индусы потребовали по пять долларов за вход и ещё столько же за видеокамеру. Пришлось идти на обман - взять один билет на двоих и по квитку зайти поочерёдно на территорию памятника, а видеокамеру прятать в поясную сумку. Охранники ничего не поняли - вероятно, мы, европейцы для них все на одно лицо. В последующие три дня ездили по всему Дели, побывав в самых удалённых от центра города местах. Я пытался найти занимающихся йогой, для чего разъезжал ранёхонько утром по паркам, но увы, кроме редких бегунов, занимающихся физкультурой не видел. Но зато бегуны, среди которых встретилось несколько женщин, меня порадовали. Бегуны по-индийски одеты в длинные белые брюки и рубахи, но в кроссовках, вместо привычных сланцев на ногах. Бег, всё-таки интернациональный вид! Занятия йогой неспешные, больше носят ритуальный характер, и, пожалуй, неправильно будет называть эти занятия физкультурными. Это целая философская система. Йога сродни тому образу жизни, который вели монахи-отшельники на Руси в разные исторические времена, проповедовавшие смирение и отречение от мира, умерщвление плоти, что, по их мнению, должно было привести к "воздержанию от всякой злобы". В занятиях йогой, в тех занятиях, которые практикуют в Индии - в йоге "по-индийски", для того, чтобы достигнуть совершенства, нужно вести аскетический образ жизни отрешаясь от всего земного, с угнетением собственного "я", и достигнув "высоты духа" йог нередко заканчивает жизнь самоубийством, ибо стремиться больше не к чему. Для нас - европейцев, смысл совершенства уже много, много поколений несколько в ином свете представлен. Достаточно вспомнить прекрасные, влекущие за собой статуи древнегреческих скульпторов, которые лепились с живых людей. Бег помогал когда-то грекам обрести красоту тела и свободу мысли, помогает и нам сейчас полнее познать радость жизни, радость движения, свежесть разума, дарит массу сил и хорошего настроения. Тем более приятно видеть бегунов здесь, на берегах Джамны.

Неделю спустя я получил, наконец, визы в Пакистан и Иран. Мой напарник не рискнул оформлять документы, решил вернуться домой по воздуху - благо авиабилет у него в оба конца. Он остаётся в Дели - билет с фиксированной датой и ему ещё больше недели жить в Индии, а я продолжаю свой путь дальше на запад - в столицу сикхов город Амритсар центр штата Пенджаб и дальше, в Лахор и Кветту. Чем ближе приближаюсь к Амритсару - всё больше на улицах селений высоких, стройных людей в повязанных особым образом чалмах голубого, белого и чёрного цветов с обязательным кинжалом на боку и с металлическими браслетами на руках. Это сикхи. В середине 19-го века именно они возглавили знаменитое восстание сипаев в Индии. Сипаями тогда называли отряды вспомогательных частей британской армии, состоящие из местного, туземного населения. Значительную часть сипаев составляли сикхи. Восставшие были разбиты и самых стойких из них британцы казнили страшной смертью. Людей привязывали к жерлам пушек, стреляющих ядрами. Не пожалели ядер англичане - видимо велика была их ярость по отношению к насоллившему им сипаям. В Амритсаре находится Золотой храм - религиозный центр сикхов. На входе стражник - высокий человек в синем тюрбане с копьём в руке поворачивает меня назад - на территорию храма можно пройти только босиком, сдав обувь в специальное хранилище. Омывание ног тёплой, проточной водой на входе и я ступаю на территорию храмового комплекса. Огромный искусственный пруд, "одетый" в мраморные берега, в водах которого плавают стаи рыб, окружает храм прямоугольной формы. Отделанный золотом фасад и крыша, состоящая из множества куполов отражаются в воде пруда, а ненавязчивая, завораживающая музыка заставляет остановиться, присесть на мраморный берег и сидеть так глядя в воду, на храм, на проплывающие над головой облака. Люди вокруг меня неспеша ходят, останавливаются. Кто-то садится, как и я, кто-то молится молча, с достоинством. Понимаю, насколько мало я знаю о других народах, народностях, религиях и обычаях. Как мало мы задумываемся о таких вопросах. Как мало мы вообще останавливаемся и наблюдаем за восходящим солнцем, падающими листьями, уходящим талым снегом находя, как нам кажется, более важные дела... Вот и сейчас. Не хочется уходить

отсюда - Золотой храм не отпускает. Что заставляет этих людей до сих пор держать в руках сабли или копья, не стричь волосы и до сих пор пускать в свои храмы любого человека, более того, бесплатно кормить его и предоставлять ночлег!? Что это? Религия, культура или образ жизни? Да. С трудом покидаю храм и опять ухожу в город. Амритсар - это последний город на пути в Пакистан.

Снова один. Мой бог в моём сердце.

Рано утром покидаю Амритсар и устремляюсь к границе. Туман густо оседает на листья пальм и банановых деревьев, пропитывает одежду, холодит лицо и руки. Навстречу попадает масса велосипедистов. Прохладно - жаркий юг остался позади - люди закутаны в одеяла - лишь на ногах привычные глазу сланцы. Мне проще - я житель северной страны, для меня такая температура - нормальное явление. Через полтора часа я на границе. Назойливые менялы и торговцы перекрывают путь: «- Сэр, непременно нужно поменять деньги здесь, на нашей - индийской стороне. Пакистанцы обязательно обманут. И чай у нас лучше!» Они стараются выдрать какой-нибудь сувенир напоследок - дёргают настойчиво ремешки моей сумки, но я всё надёжно укрепил на багажнике - меня голыми руками не взять! Вся процедура перехода рубежа между государствами занимает не более получаса и вот я на пакистанской стороне. У меня транзитная виза. За пять дней страну на велосипеде не преодолеть, с этим приходится мириться. Дорога плохая, местами асфальт пропадает вовсе. Лахор - первый город на пути, поражает неряшливостью и почти полным отсутствием английского языка в названиях магазинов. Кое-где сквозь многолетнюю грязь просвечивает название вездесущей "Кока-колы". Улочки, уходящие в стороны от основной дороги, теряются в пыли, смоге и смраде. Невозможно различить собственный голос, который как камень, брошенный в болото, вязнет в шуме сотен машин, быков, ослов, тысяч людей. Мой путь на Окару и дальше на юг. С переходом границы будто попадаю в другой климатический район - собираются тучи, начинает накрапывать дождь. Сначала мелкий, он всё больше расходится. Приходится облачаться в дождевик и только он спасает меня - ведь дорога узкая, а водители встречного транспорта не спешат уступить дорогу велосипедисту. Но ветер попутный и я кручу и кручу вперёд, всё дальше и дальше удаляясь от границы Индии. Квадраты домов, узкие, в размах рук, улочки селений на пути, обработанные поля низменности, горы мусора и стеллажи лепёшек из коровьего навоза вдоль дороги - это Пакистан. Всё время меня сопровождает масса людей. Европейец в этих краях редкость, а русский человек - вообще чудо. Стоит остановиться - окружает целая толпа плотным кольцом. Начинают учить говорить на урду - государственном языке Пакистана, а если в толпе находится англоговорящий - люди в чалмах просят выказать своё отношение к исламу, будто нет другой темы для разговора и мнение это обязательно должно подтвердить их утверждение, что ислам единственно правильная религия на планете. "- Да, конечно, ислам очень важная религия. Баланс и мир на планете поддерживается неким противостоянием религий, но я не более чем учитель географии и смотрю на вашу страну, прежде всего, как географ!" - мой ответ один. "- Да, конечно, мы тебя понимаем, но всё же, раз ты едешь по Пакистану, значит ты хочешь принять нашу религию? Согласись, что Мухаммед главный Бог!" Как объяснить, что я и свою-то веру не знаю, но уж в "басурманскую" вовсе не собираюсь вступать. "- Мой бог в моём сердце!" - говорю я, а в ответ начинается какой-то горячий спор, во время которого мои собеседники зорко следят, чтобы я не улизнул втихаря. Вот ещё напасть! Что нужно-то? А, вот в чём дело. Спор возник по причине простой - они не решат никак, кто же кормить меня будет и кому выпадет счастье мне ночлег предоставить! Рвут эту почётную обязанность друг у друга. Так. Что же вы решили, друзья мои? Ну, только не это! Сразу шесть человек оказывают эту высокую честь и кормят меня, поочерёдно разламывая лепёшки руками и заворачивая в них какой-то острый овощной наполнитель. Приходится на время забыть об основных гигиенических правилах - о мытье рук перед обедом, чистых тарелках и прочих привычных признаках цивилизации и уповать на то, что за последние недели пути мой организм хоть сколько-то адаптировался к особенностям местных застолий. Отказываюсь от воды. "- У нас", - говорю - "воду пить не принято, только чай, причём не тёплый, а кипяток" - обратив внимание, как человек, который бросился кипятить воду для чая, пробует её температуру, опуская палец в воду. "- Чай должен быть во рту кипящий, - вот это по - русски!" На ночлег меня забирает Абдулбахи - широченный в плечах пакистанец с густой чёрной бородой, волосатыми руками с короткими сильными пальцами. Велосипед оставляю в сарае под замком, а к нему домой поднимаемся по винтовой металлической лестнице как на чердак. Низкая входная дверь пропускает нас в небольшое помещение, в котором вся мебель состоит из телевизора, подвешенного на хитрых проволочных крючках к самому потолку и стоящего в углу холодильника. Но брат моего провожатого уже готов к встрече заморского гостя. Мы садимся в центре гостеприимного дома на приготовленные циновки и продолжаем начатый час назад ужин. На «столе» появляется пышущее жаром специй и приправ мясо в огромных мисках, плоский, как лепёшки хлеб, молоко. Абдулбахи сносно говорит по-английски, и мы засиживаемся далеко за полночь в разговорах о жизни, религии, культуре и даже ценах на велосипеды и бензин. Он готов проводить меня в школу завтра с утра, но увы - пять дней очень маленький промежуток времени для знакомства со страной. Утром сажусь в поезд и еду в Кветту - иначе

не успеть добраться до границы в срок, установленный визой. Кветта находится в горах, на высоте 1700 метров. А Тафтан - городок на границе с Ираном на высоте 500 метров. Выезжаю за город. Ветер в спину, дорога вниз, решаюсь на авантюру - преодолеть около семисот километров на велосипеде за три дня, это для меня почти подвиг. Я же никогда не занимался велоспортом профессионально, никогда не крутил этапы велогонок. Всё гораздо проще. Вся моя подготовка носит исключительно любительский характер. Правда у меня есть своеобразные личные рекорды, но они очень просты, и выдающимися их назвать никак нельзя. Во время одной из поездок по стране я за три дня прошёл шестьсот километров на одностороннем велосипеде "Сура", в Китае всю Внутреннюю Монголию шёл с этой же скоростью на велосипеде марки "Турист". Проходил с подобной скоростью некоторые участки и в Австралии, и в Америке. Но тогда вопрос не стоял так жёстко как сейчас. И всё же, решаюсь! Ветер гонит вперёд, выкручиваю из одностороннего велосипеда 30 км в час, это всё, что возможно. Двести пятьдесят километров к концу дня - очень хорошо, лишь бы ветер не подвёл, а то здесь, посреди пустыни это обернётся неприятностями. Небольшие деревеньки на пути и тишина сопровождают меня все три дня. Автозаправки, воинские части и воинские посты, крошечные лавки, голая пустыня и горы вдалеке. Столбы, наполовину заметённые барханами, яркий месяц над палаткой ночью и тихходные, разукрашенные до невозможности грузовики - всё, что я вижу на последнем участке пути по Пакистану. Задумка удалась. К вечеру третьего дня я въезжаю в Тафтан. Слева вдалеке - парящая поверх облаков снежная вершина Кахе-Тафтан, будто обнимающая своими каменными руками хребты соседних гор, справа - убогие, пыльные строения последнего пакистанского городка на пути в Иран. Раннее утро. Очередь на пропускном пункте быстро рассеивается. Двадцать минут, и вот я уже перешагиваю следующий рубеж, оставляя позади Пакистан и ступая на землю Великой Персии.

Страна Царя Царей. Завершение пути.

Со школьной скамьи нам известны имена Кира, Ксеркса, Дария, Александра Македонского. Не мудрено. Тогда, две с половиной тысячи лет назад здесь, на территории современного Ирана было создано величайшее государство мира, первая в истории мировая держава. Прекрасные дороги с постоянными дворами и почтовыми станциями пересекали страну во всех направлениях. Был введён государственный язык, но делопроизводство велось таким образом, чтобы не умалять значения местных наречий. Существовала письменность, отлаженная налоговая система. Дарий I ввёл единую для державы монетную единицу. Величайшая армия, какой не знал доселе мир, маршировала в столице и в дальних гарнизонах, будущих воинов готовили к службе с детских лет. Существовало множество караванных путей, по одному из которых и пролёг мой путь. Именно здесь шли караваны в Индию и обратно - в современные Тегеран и Баку. Когда-то Александр Македонский решил перейти Граник, реку на западной границе державы Ахеменидов. Он долго готовился к походу тогда, прежде, чем решился на такой шаг. Почти то же чувство, наверное, я испытал, когда перешагнул границу и ступил на землю Персии, оставив позади пыль улиц, обязательные тюрбаны - чалмы и откровенную нищету небольших поселений Пакистана. Прекрасного качества дорога встретила меня с первых мгновений. Солдаты, в которых угадывается профессиональная подготовка чистят оружие и охраняют границу, горы, без единого зелёного куста и пустыня, на сколько глаз хватает. В Захедане, первом городке на моём пути к Тегерану улочки после Пакистана и Индии кажутся идеально чистыми. Современная одежда и относительно чёткая организация движения на дорогах говорят о том, что я попал в развитое государство. Лишь английский язык, который был государственным в Индии и довольно широко популярным в соседнем Пакистане здесь не пользуется уважением. В небольших кафе, куда я захожу перекусить чистота и порядок, но посетители и продавцы смотрят на меня с неприязнью. "- Хеллоу, мистер! Хау а ю?" "- Я не мистер, ребята, я русский, руси!" Отношение меняется. "- А, ты не американец, очень хорошо. А Россию мы любим! Россия и Иран друзья! Пошли пить чай!" Мы идём за столик, и вот уже на столе появляется рис, лепёшки и чай. На входе в кафе стоят огромные самовары с кипятком, можно пить чай почти бесплатно и любое количество. Разговоры задерживают меня, но общение - составная и необходимая часть путешествия. Люди вокруг радуются мне, учителю географии, хотя профессия учителя в Иране не в особом почёте. Плохо, всё начинается с образования в современном мире. Опять разговор перескакивает на обсуждение культур. Где она, в чем выражается? В обработанных со времён Дария полях? В организации быта? В искусстве танца? Или деньгопрошения? А может быть в умении маршировать по улице? Кто её главные носители? Художники, литераторы, учёные? А если основная масса людей неграмотны, где культурная основа, в чём? Языковой барьер не даёт хода полноценному разговору, хотя в толпе есть англоговорящие иранцы. Они с трудом подбирают слова и фразы, иногда два - три человека komponуют одну фразу, но мне так удобнее их понять. Ведь и я знаю английский не в совершенстве и процесс перевода достаточно сложен. Мне нужно перевести в уме фразу с английского языка на русский и затем перевести ответ с русского на английский. При этом нужно фразу скомпоновать. Но вот парадокс - в Индии, где английский знают многие мне казалось, что мы разговаривали на русском - настолько я привык общаться на интернациональном английском языке!

Затариваю молоком, лепёшками полные сумки и, пытаюсь не сбавлять темпа, который задал себе в последние дни, продолжаю путь. Велосипедистов на дороге нет. Не мудрено - бензин стоит, в перерасчёте на наши деньги два рубля литр. Стоит мне остановиться, как тут же притормаживает грузовик и водитель выскакивает на обочину: "- Эй, мистер, что случилось? Тебе помочь? Как ты здесь с велосипедом оказался?"

Древностей мало в городах. Они есть, но не везде можно добраться на велосипеде, тем более время жмёт. Улицы городов поражают обилием современных зданий, Бам - город - оазис, весь в финиковых пальмах. Исфахан вообще город "до края Земли" - до самого горизонта, кажется, конца ему не будет. Я знаю, что в центре есть знаменитый мост, но прорываться сквозь сплошной поток машин очень нелегко. Удивляюсь, как древние находили путь среди гор и песков - на протяжении сотен километров - один и тот же ландшафт. Несомненно, современные дороги проложены по древним караванным путям. А вот верблюдов здесь мало. Уступает "корабль пустыни" дешёвому бензину и газу. К вечеру восьмого дня я заезжаю в Тегеран. Три часа уходит на то, чтобы добраться до нужного мне автовокзала. Здесь покупаю билет до Астары, что находится на границе Ирана и Азербайджана. У меня остаётся в запасе один день. С визовым режимом шутки плохи. Визу просрочить нельзя - здесь, в Иране это сурово карается. Конечно, руку не отрубят, как за воровство, но могут и в тюрьму посадить. Рисковать не стоит. Ставлю велосипед к какой-то изгороди, надеваю велорюкзак на плечи, ещё раз оборачиваюсь на велосипед. Спасибо тебе, довёз. Сажусь в автобус. Всё. Активная часть путешествия позади. Не всё получилось, как я планировал. Но так всегда получается, когда не всё от нас зависит. Планировал пройти на велосипеде шесть тысяч километров, получилось около пяти, но основной путь я всё же прошёл сам, своим ходом. Земля совсем маленькая. Совсем маленькая, даже для велосипедиста. Первая часть путешествия "Торговыми путями древних жителей Поволжья" позади.

Апрель 2007 года.

Там, где солнце ходит справа налево, или два месяца в тридевятом царстве, тридесятом государстве.

Вместо предисловия.

...Школа, кабинет географии. Карта Австралии на доске. Несколько допотопных цветных картинок рядом с картой, немедленно уводящих в таинственный мир Зелёного континента. На одной – знаменитый английский капитан. Он высаживается на неведомый берег, неведомой земли. На берегу огромные белоствольные деревья, волны, накатывают на кроваво-красный песчаный берег, десятки разноцветных попугаев смотрят на незваных пришельцев круглыми от удивления глазами. Вышагивает смешная бескрылая птица с длинным тонким, изогнутым книзу клювом, а рядом странное животное с перепончатыми лапами-лопатами и утиным клювом выглядывает из прозрачной воды. Кенгуру с сумкой на животе, из которой высунул симпатичную мордашку детеныш, сидит под огромным пучком травы висящем на голом чёрном стволике.

На учительском столе старый-престарый кокосовый орех, привезённый каким-то заботливым бывшим выпускником школы и почти потерявшее окраску большое перо неведомой птицы. Объяснение учителя прерывается. В классе гаснет свет. Позади, у задней стены щёлкнул и шумно затарахтел кинопроектор, зашуршала ломким прошлогодним листом старая, чёрно-белая во многих местах клееная плёнка, мгновенно уводя в мир далёкого и загадочного континента и заставляя забыть обо всём на свете. Вот перед камерой мелькают странные животные и птицы и загадочное пересыхающее озеро Эйр, массивы скал, разрушенных корнями невысоких эвкалиптов. Высоченный жёлто-красный берег, встающий сплошной стеной прямо из бурлящих пенистых волн Индийского океана сменяется равниной скупо поросшей жёсткими, колючими кустарниками. Бессвязные кадры бегут друг за другом - синий залив океана, небоскрёбы, касающиеся ослепительно белого неба, барханы песков с разбросанными в шахматном порядке толстыми, потрескавшимися каменными пальцами, скалы причудливой формы, с изъеденными ветрами боками у высокого берега, кажущиеся прозрачными в свете заходящего солнца. Появляются голые, чернокожие, раскрашенные белой и красной краской, заросшие до самых глаз густыми, мохнатыми бородами люди и демонстрируют перед камерой действие каких-то необычных орудий. Бросают кривые палки, которые возвращаются обратно, описав огромный круг, далеко и метко метают длинные копья, с зазубренными наконечниками, втыкая в сухой рассыпчатый песок полые палочки, пьют невесть откуда взявшуюся воду, прыгают в диком танце вокруг изображённого на земле животного. Останавливаются в танце в самых

неестественно-неудобных позах, опять продолжают танец, вонзая с силой копыя в изображение на земле. Фильм обрывается, лишь диск продолжает крутиться и хлопает обрывок плёнки при каждом обороте. Затемнение на окнах пропускает полоски света – пыль вьётся золотыми светлячками перед глазами и кажется, я слышу ещё мотив дикой песни, которую принесла на урок старая плёнка. В классе тишина. Я сижу за третьей партой в первом ряду и ловлю себя на мысли, что давно, наверное, с самого начала урока сижу с открытым ртом. «Австралия», - сглатывая слюну, шепчу я загадочное слово, и оно приобретает какой-то чудесный, почти сказочный смысл. «Видимо, так выглядят страны тридевятого царства, тридесятого государства», - не отпускает мысль...

Тридцать лет спустя. Первые впечатления.

...Самолёт долго, часа два, летит над Австралией. С этой высоты трудно, что-либо разглядеть, поэтому я лишь изредка, скорее, по привычке, пришедшей из детства – обязательно смотреть в окно во время любой поездки, бросаю взгляд в окно иллюминатора. Уснуть не удаётся, - не даёт лихорадочное возбуждение. Три дня назад я ещё не знал даты вылета, и самого паспорта с визой у меня не было на руках. И вот, всего лишь считанные часы спустя я сижу в самолёте, который летит в Сидней. В багажном отсеке самолёта нехитрое снаряжение – палатка, спальник, одежда и велосипед. Велосипед – мой транспорт, который, словно машина времени возит меня по миру, помогает забраться в дальние уголки разных стран, везёт историческими местами, знакомит с географией, почти не спрашивая на то разрешения.

Стремительно приближается земля. Вот она, всё ближе и ближе. Мелькнули за окошком иллюминатора небоскрёбы делового центра Сиднея, морской залив, трава. Жёлтая, пожухлая, как у нас на Волге, в конце лета. Ничего особенного. “А ты что, сразу же здесь на взлётной полосе хотел увидеть сидящего улыбающегося кенгуру?” – говорю я себе. Катимся некоторое время по полосе. Остановка. Всё. Полёт завершён. Здравствуй, Австралия! Тяну руки за рюкзаком – пальцы дрожат - этого ещё не хватало. Иду вперёд, за другими пассажирами самолёта. Ноги слегка подгибаются, напряжение не проходит. Неожиданно легко прохожу паспортный контроль. У служащих, - доброжелательные улыбки. Это радует и мигом приводит меня в порядок. Выхожу из здания аэропорта. Горячий воздух бьёт мне в лицо. Огромными белыми колоннами стоят звкалипты у выхода из аэропорта. Стволы деревьев будто нарочно сбросили одежду, выставляя напоказ безупречное древесное тело, посматривают снисходительно откуда-то сверху, шелестят листьями в вышине. Жарко! Верчу головой по сторонам – ищу табло – так и есть - двадцать семь градусов в тени. Ничего себе, утро! Австралия!

Путь начинается прямо от дверей международного аэропорта Кингсфорд - Смит, который расположен в восьми километрах от центра города. Как вздувшаяся от ливня река слизывает с берега оставленные без присмотра вещи, так водоворот громадного города хватает меня и несёт словно щепку по авеню и стритам, через тоннели и перекрёстки. Отчаянно жмусь левой стороны дороги, страшась увидеть знак, запрещающий езду на велосипеде. Мои опасения, напрасны, - велосипед уважаемый вид транспорта в Австралии, ему доступны дороги любого уровня, даже автострады, которые здесь называются «хайвэями». В Мельбурн из Сиднея ведут две основные дороги. Это шоссе под номером один – Принсес-Хайвэй, которая тянется вдоль побережья, и дорога под номером 31, так называемый Хьюм – Хайвэй, которая оставляет к востоку основные вершины Большого Водораздельного хребта и, к тому же предоставляет самый короткий путь до Мельбурна. Выскакиваю из тоннеля и сразу попадаю на Хьюм – Хайвэй. Дорога, то с натугой карабкается высоко вверх, и тогда кажется, что я поднимаюсь близко к солнцу, подобно Икару, то спускается вниз и тогда ветерок обдувает слегка и, кажется, что жара отпустила из своих цепких объятий. Но стоит остановиться, и всё начинается сначала. Лучи солнца, как языки пламени обжигают тело, - вот-вот вспыхнет от его жара майка на плечах. Солнце растеклось по раскалённому добела небу, словно кусок масла на сковородке. Дорога мнётся под колёсами тяжёлых машин будто пластилин, старательно разогретый пальцами скульптора, который никак не решится начать работу. Небольшой посёлок, в несколько десятков человек населением, блестит металлом крыш в стороне от дороги. Мне нужны вода и кратковременный отдых. А ещё хочется просто посидеть в тени, или поплескаться под душем – жара угнетает. Эта жара всепроникающая, – пышет густым горячим воздухом со всех сторон – и снизу и сбоку и сверху, распаривает мышцы, стискивает голову невидимым обручем. Спустя полчаса, сижу в кафе после душа, разговариваю с коллегами – учителями из школы города Джилонга. Они расспрашивают меня очень подробно о поездке, о России, приглашают в гости. Остальные посетители прислушиваются с интересом – русский человек в Австралии редкость даже в наши времена. Прощаюсь с новыми знакомыми, встаю из-за стола, беру купленную воду и направляюсь к двери. Мне перегораживают дорогу два парня огромного роста. У одного из них густая чёрная, похожая на веник борода, смешную нелепость которой, подчёркивает обручем стягивающая голову бейсболка. У второго - усы соломенного цвета, с двух сторон огибающие рот, широкополая ковбойская шляпа, с проступившими на внешней стороне разводами пота и огромный

латунный медальон на груди. Руки обоих парней украшает замысловатая татуировка – от предплечий к могучим бицепсам и плечам, всё покрыто витиеватым узором.

- Мы слышали, что ты едешь на велосипеде на запад, в Перт? – спрашивает бородатый. Голос хриплый, вылетает из горла, как будто парень с трудом подбирает сочетания звуков.

- Неужели ты хочешь идти через пустыню Налларбор? – сипящим басом вторит ему другой, услышав мой утвердительный ответ.

- У меня нет выбора, - отвечаю, - я сам выбрал этот путь.

- Мы хакеры в прошлом. “Биг мены”. На мотоциклах объехали весь материк. Там очень трудно. Нет жилья по двести километров, жарко, много змей. Там опасно.

- Я учитель географии, мне стыдно бояться. Я должен узнать вашу страну как можно лучше. А другого пути в Перт нет. А ещё – я русский, - словно главный аргумент в свою защиту завершаю я своё объяснение. Не знаю, зачем я добавил про русского. Смею надеяться, - не от простого бахвальства. Может быть, мне это как-то помогает отодвинуть страх перед неизбежными для такого пути трудностями, а может быть предостерегает от безрассудных поступков?

- Ладно, обожди минуту, – ребята возвращаются в кафе. Появившись вновь, спустя три минуты, они, помяв меня своими руками-лапищами, вручили мне двухлитровую бутылку самого лучшего сока и пятьдесят долларов, приговаривая при этом:

- Ты не велик ростом, но ты, - Биг мен, как и мы! Удачи тебе в твоём предприятии. – И они уехали, оставив на площадке перед кафе висящее облако густой, мелкой, как просеянная мука серой пыли. Н-да. Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

В один из дней пытаюсь переждать дневную жару, облюбовав себе местечко в тени небольшого кустарничка. Три часа изучаю карту, читаю книгу, слежу за движением солнца. В итоге за день удаётся пойти всего сто километров. Нет, такой режим движения нехорош. Три часа, это пятьдесят километров пути. Их можно считать потерянными и я пытаюсь смириться с жарким солнцем и все последующие дни не делаю таких больших перерывов и двигаюсь не только утром и вечером, но и днём.

Зелёной густой шевелюрой эвкалиптовых лесов покрыты базальтовые глыбы гор. Иногда ручьи прорезают их каменное основание, вода падает с плоских уступов вниз невысокими водопадами, а в прозрачной воде плавают похожие на высохшие стручки перца листья эвкалиптов.

Ночью после пятого дня пути на мою палатку обрушивается ливень. Вот тебе и «самый сухой материк»! Дождь льет, словно под напором из бездонной невидимой ёмкости. Его косые струи сбивают стойку палатки, и крыша её опускается вниз, грозя пропитать водой все мои нехитрые пожитки. Приходится, извиваясь ужом вылезти наружу и бегать вокруг палатки, вбивая колышки в глинистую, расплзающуюся в разные стороны вязкой грязью почву. Два раза, натягивая стойку с одной стороны, я вырываю колышки противоположной стороны. Тяжёлые капли бьют по голой спине, плечам, мгновенно заполняют водой все низинки и ямки вокруг. На моё счастье нет ветра, и мне всё-таки удаётся укрепить растяжки. Я заползаю внутрь, забираюсь в спальный мешок, согреваясь, и снова засыпаю. Под утро дождь утихает на короткое время и я успеваю собраться и выйти на дорогу, но затем налетает снова, превращаясь то в сорящий мелкими капельками, похожими на изморозь, дождячок, то льющий струями ливень, поливая всё вокруг словно старательный огородник из лейки орошает свои любимые грядки, не отпуская меня до самого Мельбурна.

Великая Океанская дорога - Great Ocean road . “Верблюжьи горбы” Отуэй...

Сижу на берегу Бухты Островов. Так, кажется, она называется. Дорога, - Великая Океанская дорога, в этом месте уходит, удаляется от океана. Ненадолго удаляется. Километров через пятьдесят опять вернётся. Третий день я еду по этой знаменитой дороге. Она была построена между 1916 и 1932 годами. Официально днём её открытия считается 26 ноября 1932 года. Сначала вдоль неё жили солдаты, вернувшиеся с войны в Европе, затем безработные, во времена Великой депрессии 20-х годов. Тогда были другие скорости, другие понятия о расстояниях, и люди, селившиеся в этих краях считались живущими на краю Земли. о рассеянном вдоль более чем трёхсоткилометровом участке, сейчас напоминают лишь памятники и полуразрушенные остатки стен домов. Длинные чистые пляжи сменяются причудливыми скалистыми горами, похожими на застывшие потоки лавы, изъеденные временем и солёным ветром. Дорога то сбегает к самой кромке океана, то уходит от него, забираясь в горы. Я то и дело останавливаюсь, что бы искупаться в высоких, набегаящих на берег волнах. Вода очень солёная на вкус, а волны высоки! Они кидают куда-то ввысь, и тогда можно увидеть весь берег, дорогу и пляж. А потом тащат вниз, накрывая новой толщей воды, - новой волной, для того, что бы снова выбросить наверх. Индийский океан! Изъеденные бесконечными ветрами и волнами океана скалы, каждая из которых имеет не только своё имя, своё название, но и свою легенду, находятся в некотором удалении от берега. Остров-Арка, Лондонский Мост и, конечно же скалы Двенадцать Апостолов, которые давно уже стали символом Австралии. Но для того, что бы попасть сюда, необходимо пройти через горы национального парка под названием Отуэй. Горы невысоки, возвышаются не более чем на тысячу

метров. Они не дают расслабиться ни на минуту. Упираешься в подъём, еле-еле на самой легкой передаче плетёшься, мышцы буквально раскаляются до жжения от непрерывной работы и, кажется, – вот он, перевал, наконец-то! А это не вершина вовсе, а очередная ступенька на пути к вершине, так сказать, очередной “верблюжий горб”. Все повороты дороги скрыты зелёными пышными зарослями, и когда закончится очередной подъём - не угадаешь. На спуске не расслабиться, как следует, не отдохнуть. А надо бы. Хотя бы чуток. Опять тяну велосипед вверх руками, а счётчик не спешит отсчитывать километры. Кажется, что проходит много времени, прежде чем циферка на счётчике прибавит сто метров. Но зато вся территория национального парка покрыта лесами, в котором вместе с эвкалиптами – гигантами соседствуют древовидные папоротники. Здесь эти уникальные растения растут испокон веков. Листья привычного папоротника, увеличенные в десятки раз, собраны в пучок на небывалой высоте. Десятиметровый ствол похож на покрытую чешуёй ногу какого-то гигантского пресмыкающегося – треугольные наросты покрывают его по всей длине, ветер колышет деревья и невольно кажется, что эти «ноги» двигаются вокруг. С опаской протягиваю руку, касаюсь крепкого, словно кость ствола. Поднимаю взгляд вверх – где-то в вышине огромным зонтом, с причудливым рисунком купола, раскинулась крона. Под ногами хрустят иссохшие опавшие, видимо под собственной тяжестью, листья. Истошными голосами орут попугаи, судорожно перелетая с места на место, словно пчёлы во время сбора нектара. Леса из гигантских папоротников росли в древние времена, в палеозойскую эру и потом, в эпоху динозавров. А, что, под стать этим эвкалиптам-исполинам такая «травка». А я, пожалуй, не удивился бы, наверное, если бы сейчас откуда-то сверху вдруг свесилась голова плезиозавра.

Опять выбираюсь на дорогу, будто попадаю обратно в двадцать первый век из доисторических времён. Только что, пять минут назад я озирался по сторонам ожидая увидеть глаз неведомого чудовища, и вот опять меня приводит «в чувство» рокот мотора современного автомобиля. Всё выше поднимаюсь. Дождь заморосил. Мелкой водяной пылью, похожей на плотный туман, осыпал всё вокруг, заставил согнуться до земли широкие листья какой-то травы, пропитал влагой одежду и кроссовки. Закон природы - где горы, там и дождь. Мало-помалу, день подходит к концу. Надо бы и пристанище искать на ночь. Лагерь разбиваю в зарослях похожего на осинник эвкалиптового молодняка недалеко от дороги. Комары, кажется, только и ждут этого. Сидели в кустах, будто банда лесных разбойников – тихо, не шевелясь. Только появился в поле их зрения путник – они тут, как тут – налетели гурьбой со всех сторон. Гудят – пугают. Приходится отбиваться, закрываться, отмахиваться. Бесплезно, слишком уж они голодные, ничего их остановить не может. Спасаясь в палатке, оборудованной удобной противомоскитной сеткой. Теперь лесные злодеи только пищат снаружи, ругают меня комариным матом. Утром продолжаю путь. Немного и длинный спуск даёт отдых уставшим мускулам. Он выводит меня к побережью, и здесь дождь уходит куда-то вверх и, оглянувшись назад, я вижу, что вершины гор и их склоны покрыты облаками. Никакой это не дождь был! Самые настоящие облака! Только и всего. Вот оно, в чём дело! Понятно. Как я сразу не догадался? Там, на вершине было прохладно, как в сентябре в нашей полосе на грибной «охоте».

Внизу – новое препятствие. Это самое сильное в мире Течение Западных Ветров бросает мне навстречу приправленный солью, могучий и бесстрашный ветер. Он воет в вышине у облаков, вяжет в узлы травы, бросает на берег пенистые волны. Иссечённые ветром, изъеденные водой слоистые скалы, словно огромные куски сахара, накинаны вдоль побережья. Им уготовлена участь, встречать удары ветра и волн и таять под жарким южным солнцем. Это Двенадцать Апостолов. Почему они называются именно так? Может быть они названы в память о тех двенадцати моряках, что погибли здесь, у этого берега в 1891 году? Или человек, который давал такое название, был набожным романтиком?

И вот я, - на берегу Бухты Островов. Бросаю последний взгляд на многочисленные острова и торчащие из воды, словно зубы в страшной пасти чудовища, бесформенные рифы. Придётся ли ещё, когданибудь побывать здесь? Не знаю. Скорее всего, – нет. Солнце заходит и мне нужно бы проехать побольше за сегодняшний вечер – слишком много времени я потратил там, в горах. Время дорого. Немного его в запасе. Надо успеть доехать своим ходом до Перта. Это само по себе немалое расстояние. А нужно ещё суметь на чём-то вернуться обратно. Это только на уроках мы привыкли к Австралии применять слово “маленький”. Для велосипедиста эти тысячи километров, - громадное расстояние. Спешу, по направлению к Уорнамбулу, и всё равно к заходу солнца, до этого городка остаётся километров сорок – пятьдесят. С трудом нахожу место для палатки, - эти места заселены, поля и пастбища занимают всё видимое глазу пространство.

Равнина Налларбор и австралийские аборигены.

У города под названием Уорнамбул оставляю Великую Океанскую Дорогу и выхожу на хайвэй под номером «1», который надолго станет моей основной дорогой в этом путешествии. Немного портят настроение бесчисленные полчища мух, которые появляются с восходом солнца и не дают о себе забыть до самого его захода. От наших комаров можно убежать на велосипеде, от этих же тварей божьих – никуда не спрячешься. На спуске, когда скорость приличная, они устраиваются на спине и едут «зайцами» до самого

окончания спуска, а затем, что называется «с тыла», - опять нападают. Причём стараются залезть в глаза, уши, ноздри, и помешать им в этом мероприятии, очень трудно. Они отличаются какой-то особой юркостью и ловкостью. Остаётся только отмахиваться от них, но делать это надо постоянно и бесконечно. Постепенно населённые края остаются позади. Не доезжая до Портланда, я сворачиваю на второстепенную дорогу, и сразу оказываюсь в невероятной глубинке. Пейзаж можно бы с успехом назвать унылым, но я радуюсь тому, что вижу. Отдельно стоящие корявые эвкалипты, а иногда только стволы или их остатки, абсолютно лишённые листьев, высушенная жарким солнцем трава и красная, будто загоревшая земля – это настоящая австралийская саванна-редколесье. Затрудняет движение встречный сильный ветер, но я давно втянулся в работу и свои запланированные 130 – 150 км в день прохожу довольно бодро. Пересекаю 37-ю параллель, так хорошо известную по роману «Дети капитана Гранта». Вот оттуда, с запада шёл караван путешественников с Паганелем во главе. Может быть, они ещё в пути? Ещё немного и я услышу скрип колёс их повозок? А может быть, они только что пересекли мой хайвей и ушли дальше на восток? Приостанавливаюсь, оставляю велосипед у дороги, а сам поднимаюсь на песчаный холм. Каждый мой шаг поднимает вверх столб едкой жёлтой пыли. Она покрывает красный песок и ветки эвкалиптов, чётко отпечатывает рисунок подошвы моих кроссовок, словно я вышагиваю и оставляю следы на Луне. Нет, никого не видно, только попугаи, сбившись тесной стаей, улетают куда-то, едва не задев крыльями моего лица.

Оставив позади Аделаиду и Порт Огаста – города юга Австралии, я попадаю в незаселённые края. Дорога пересекает Равнину под названием Налларбор. Налларбор не является пустыней в полном смысле этого слова. На высушенной земле растут колючие кустарники и, иногда, небольшие эвкалипты и акации. Всё расстояние между отдельно стоящими кустарниками, а это, иногда, три-четыре метра, голая почва и ничего более. Песчаная, красного, или серого цвета голая почва. Людей нет. Уйди от дороги на километр, и абсолютно потеряешь понятие о времени. Нет здесь времени, не существует вообще! В принципе! Идешь вперёд потихоньку, осторожно ступая, стараясь не наступить на змею. Хрустит под ногами песок. Это крупные, с острыми краями песчинки, трутся друг о друга как стеклянные осколки. Нога не проваливается, а просто прижимает песчинки друг к другу, уплотняя их. Вот хруст и раздаётся. Он отдаётся громко и, как будто повисает в воздухе. Повисает невысоко и, вслед за этим, замирает. Сухая тишина ощутима, обволакивает со всех сторон, давит. Поднимаю голову, стараясь увидеть её, но вижу лишь солнце с неровными, расползающимися во все стороны краями, которое давит сверху, накрывая раскалённым куполом равнину до самого горизонта. Веточка, попавшая под подошву, ломается сразу на много частей, с костяным треском. Шапки низкорослых, серого цвета колючих кустарников, сменяя друг друга, покрывают всё видимое глазом пространство. Скорее всего, это ёж-трава. Она мохнато выпирает во все стороны, крепкими, как фольга листочками, вооружёнными, почти стальными, иголками. Влаги в воздухе не ощущается. Сухо. Назойливо жужжат мухи. Голос и тембр каждой из них слышен отчётливо, он словно режет тишину на маленькие дольки, подчёркивая её первобытность. Время от времени кричат пронзительно попугаи, перелетая с места на место. Иногда раздаётся зловещный крик ворона, пожирающего остатки падали. Кажется, что ворон смотрит одним глазом, примеряясь к скорости передвижения человека, не спеша покидать найденную добычу. Нехотя отдаёт её во власть, если подходишь ближе, но далеко не улетает. Садится неподалёку и начинает грозить, каркая оттуда, бормоча ругательства, стараясь придать голосу побольше грозности, стараясь нагнать страху на меня – человека, вторгшегося невзначай в его владения...

Населённые пункты на Налларборе редки. Чаще всего, это просто придорожные дома, расстояние между которыми 190 и более километров. Каждый такой дом имеет очень небольшой магазинчик, кафе, душ, мотель или караван парк. Это своеобразный постоянный двор. Именно здесь можно пополнить запас воды, без которого пускаться в дальнейший путь очень неблагоприятно. Температура днём на Налларборе может достигать до 40 градусов, а в разгар лета, говорят, и повыше. Первым белым исследователем равнины является Джон Эйр. Он пересёк её с запада на восток в 1841 году. А современная дорога окончательно заасфальтирована была лишь к 1976 году. Я везу с собой, про запас, литров 12 – 13 питья (воды, сока и молока), и запас этот никогда лишним не являлся. Кстати сказать, вода очень дорогая, дороже, чем молоко или фруктовый сок. Между придорожными домами, основными спутниками и собеседниками являются лишь мухи и кенгуру, причём создаётся впечатление, что их здесь равное количество. На Налларборе находится одна из резерваций коренных австралийцев – Яллата. Австралийские аборигены относятся к, так называемой, австралоидной расе, имеют чёрную кожу, и, в отличие от африканоидов, очень густую бороду и волнистые волосы. Аборигены находятся между миром отцов и современным миром. Их как бы вырвали с корнем из привычной жизни, затем немного прикопали и забыли об их существовании. Мир белого человека многим из них чужд и это читается в их глазах. Их отцы кочевали по равнинам, охотились, добывали огонь трением, вели борьбу за жизнь и очень хорошо знали законы природы. И это знание

помогало им выжить, ставило их в один ряд с другими народами. Культура их уникальна и достойна того, что бы жить. Но времена изменились. Незачем стало охотиться и добывать воду, ведь сервис проник в самые отдалённые районы страны, и всё можно свободно купить. Да и спичкой костёр разжечь значительно проще. Да вот беда. От мира отцов уйти удалось пока недалеко, а в новый мир никак проникнуть не удаётся. Может быть, просто не хочется. Образования не хватает, да и нужно ли оно аборигенам!?

Первая моя встреча с аборигенами произошла в Аделаиде, затем в пятистах километрах от Порта Огаста, в маленьком городке под названием Седуна. Как я хотел, что бы подобная встреча состоялась. Я просто жаждал этой встречи! И находясь дома, и уже, будучи здесь, в Австралии. Первые же, попавшие в поле моего зрения коренные австралийцы, произвели впечатление очень испуганных людей. Как будто они стесняются самого своего вида. Как зайцы, случайно увиденные в лесу, но которые поняли, что обнаружены, застывшие в испуге и готовые дать стрелкача. Седуна добавила впечатлений о современных коренных австралийцах. Седуна – городок небольшой. Он, как оазис весь зарос пальмами и большими эвкалиптами. Сюда, к центральной улице доносится отдалённый треск лодочного мотора – Индийский океан близко. Вот блеснула вода океана, то зелёная, то багровая в лучах заходящего солнца. Выкатываю на набережную – слева порт, справа пляж длинный, километра полтора. Волны наваливаются друг на друга, лижут берег. Вода блестит рябью, резкий свет зеркальными лучами бьёт в глаза, заставляя жмуриться и прикладывать ладонь козырьком. Рядом, прислонившись к стенке бордюра спиной, сидит абориген. В цветастом платке, повязанном в виде бонданы, цветастой цыганской рубаше и в грязных шерстяных брюках. В руке – недопитая бутылка с вином, взгляд тусклый, безразличный. Шаркающей, нетвёрдой походкой подходят ещё двое – бородатый мужчина в вязаной шапочке на голове и женщина. Остановились. Мужчина вяло поднял вверх руку в приветствии, прохрипел что-то, женщина, стараясь сохранить вертикальное положение, попыталась сфокусировать на мне взгляд, ощерясь зловеще и обнажая при этом остатки гнилых зубов. Вот, портрет, - словно Весёлый Роджер взглянул на меня с чёрного пиратского флага. Короткий разговор с «чёрной леди», заканчивается выклянчиванием ею денег на бутылку вина. Приходится на короткое время забыть английский язык и убраться восвояси. Еду по направлению выхода из городка.

Не проехав и пяти минут, вижу ещё троих аборигенов, уныло бредущих мне навстречу. Один из них отделяется от остальных и, подойдя к краю тротуара, просит меня остановиться. Машет рукой сверху вниз. Как у нас, в какой ни будь дальней деревне, пьяный мужик останавливает трактор, для того, что бы спросить у тракториста закурить. А спутники его, два молодых парня, уходят дальше по улице, оставляя нас наедине. Останавливаюсь. И этот - пьяный. Да, ребята, ну и жизнь у вас! Возраст определить, практически невозможно. Думаю, лет сорок пять, может быть чуть больше, или меньше. Одет небрежно. Бесформенные, мятые брюки, ботинки на босую ногу, старая, грязная, похоже, ни разу не стирания майка. Поверх майки какой-то нелепый плащ-маломерок, короткий, без нижних пуговиц, с рукавами, едва достигающими до середины предплечий больших, мясистых рук. Высокого роста, с нечесаными, включенными волосами. Густая четырех, пятидневная щетина на щеках и подбородке. Волосы чёрные, с проседью. Основательно формирует лицо широкий, расплывшийся по лицу нос, занимающий чуть ли не половину лица и тяжёлый подбородок. Рот приоткрыт, Язык лежит на нижней губе. Хозяин этого лица пытается заставить глаза смотреть в одну точку, что никак ему не удаётся, наконец, зрачки скатываются к переносице и там, под густыми, кустистыми бровями замирают.

- Ты из России? – спрашивает абориген, показывая на надпись на моей майке.

- Да, я из России, - отвечаю, отмечая про себя, что грамотным оказался этот, пришедший из другого мира, человек. У меня здесь, рядом в сумке лежит фотоаппарат, и сейчас мне выпадает прекрасная возможность для того, что бы сделать снимок. Может быть, этот человек позволит сделать это, не требуя денег взамен. Да и не только денег. Аборигены не любят фотоаппараты, как я успел убедиться.– Я, российский абориген, - говорю, надеясь на продолжение разговора в благоприятном для меня русле.

- Ты, - российский абориген, я, австралийский абориген, - говорит он мне, и протягивает руку, для рукопожатия. Жму ему руку, и готовлюсь слушать дальше. – Ты в моей стране, ты, мой гость здесь, - говорит абориген с самодовольным видом, - это, моя страна.

- Да, я знаю. Разрешите сфотографировать вас, по такому случаю? – спрашиваю я, и, получив утвердительный ответ, быстренько лезу за фотоаппаратом. Достāju аппарат и фотографирую крупным планом, так удачно подвернувшегося аборигена. А он, во время процесса выпрямляется, откидывает назад голову, стараясь придать, возможно, более независимый вид выражению своего лица. Кладу фотоаппарат в чехол и собираюсь положить его обратно в сумку.

- Стоп, подожди, - говорит мой собеседник, - ты сфотографировал меня, теперь мой образ у тебя есть. Но, теперь, что бы мы стали братьями, я должен тебя сфотографировать. – Он берёт мой фотоаппарат, наводит на меня и фотографирует. Протягивая аппарат обратно, произносит, – Вот теперь, порядок.

- Я еду в Ялата и дальше, в Перт. Хочу познакомиться с вашей страной основательно, - говорю. На что он

мне объясняет, как выехать из города, добавляя, что-то ещё, что разобрать, просто не удаётся.

- Спасибо за помощь, счастливо оставаться, - пытаюсь я закончить на этом разговор и ехать дальше. С пьяным человеком разговаривать не интересно, будь то хоть марсианин, не говоря про жителя русской глубинки, или австралийского аборигена.

- Подожди, - говорит он мне. – Мы с тобой сфотографировались, и это хорошо, но для того, что бы мы стали братьями окончательно, мы должны поменяться майками, - он начинает снимать с себя плащ. Ну, нет, только не это! Поменяться поделками какими-то, это интересно, но только не одеждой.

- Извини, друг, пока. Мне некогда, счастливо оставаться! - И помахав ему рукой на прощание, уезжаю. А ведь наверняка, этот человек в детстве видел, как его собратья уходят на охоту с копьем или с бумерангом. И другой жизни не представлял себе. А может быть, его отец участвовал в съёмках того самого документального фильма об австралийских аборигенах?

Через пару дней я благополучно достиг Ялаты – резервации коренных австралийцев. В придорожном доме познакомился с белым парнем – Стюартом Картером – перекупщиком поделок и хозяином постоянного двора. Приобрёл два бумеранга, и направился вглубь резервации по безлюдной неширокой дороге. Пять километров от трассы – немного, через двадцать минут я уже выкатил на пыльную улицу маленького посёлка. Я сразу понял, что зря свернул сюда и надо бы, пока не поздно поворачивать назад, но что-то удержало меня на минуту. Наивный! Что я здесь хотел увидеть? Аборигенов с бумерангами и копьями? Живую экологию?

Собаки с длинными узкими мордами, подняв тучу пыли, моментально бросились ко мне, едва меня вынесло из-за поворота. Они рвут воздух зубастыми пастьями, остановившись в двух шагах, потом подняв морды вверх, воют, призывая хозяев. Я спрыгиваю с велосипеда и застываю в надежде, что нешевелиющийся объект потеряет для них интерес, одновременно оглядывая деревню. Выстроенные в неровный ряд убогие квадратные дома с плоскими крышами и стенами, сбитыми из бесформенных листов пластика и фанеры, образуют подобие улицы. Мухи роятся над огромной мусорной кучей, облезлые куры купаются в пыли между пустых бутылок. Полуголый мальчишка, ковыряя грязным пальцем в носу, замирает на порге ближайшего ко мне дома. Остановилась машина напротив, два чёрных лица, блестя белками глаз, уставились на меня в недоумении: «- Что тебе нужно?»

А, действительно, что мне нужно-то? Крик на улице, за ним другой – ко мне уже бегут люди. Миг – и я оказываюсь, окружён со всех сторон плотной, орущей, гарлающей кто во что горазд, толпой. Если бы не их чёрная кожа, я бы думал, что попал в цыганский табор – меня толкают со всех сторон, стараясь, видимо вытрясти деньги из карманов, протягивают руку за монетой. Мужчины ищут во мне собутыльника, усиленно икая, обдавая густым сивушным запахом, молодые смотрят с неприязнью и неудовольствием. Какая-то женщина пытается что-то выпросить у меня. Слова вырываются, кажется не с губ, а из глубины горла. Они звучат отрывисто, как будто им приходится пройти долгий путь, цепляясь за стенки горла, прежде чем они выберутся наружу. Неожиданно вижу у одного из молодых ребят гитару. Вот она – «соломинка»! Надо хвататься! Шестиструнка, это хорошо.

- Я приехал, чтобы спеть вам песню о своей стране, только мне нужна гитара, - и показываю на музыкальный инструмент. Наступает заминка – они вряд ли знают хоть что-то о России. - Видите, как плохо знаю я английский язык? Я не англичанин и не австралиец, моя страна далеко, - перехожу на русский язык и бормочу несколько фраз. Толпа оживляется, мне протягивают гитару, и я наугад пою «Ой, да не вечер». Меня слушают молча, внимательно, сдвинув брови, удивлённо переглядываясь друг с другом. Пою ещё и ещё. Во время исполнения шуточной песенки моего брата о Сильвере и пиратах кто-то из толпы пытается даже мне подпевать, а ещё через пять минут даже собака начинает подвывать, окончательно разряжая обстановку. Так, кажется, я спасён. Терять времени не будем. Быстро прощаюсь со всеми, отдаю гитару хозяину и сажусь на велосипед. Толпа машинально расступается, я давя на педали, разворачиваюсь и еду вон из посёлка. Мои недавние слушатели будто просыпаются и бегут за мной. Свист ветра в ушах заглушает крики толпы. Выкатываю на асфальт, ведущий к трассе. Меня нагоняет битком набитая машина. Бритоголовый чернокожий, высунув из окошка опухшую физиономию, пытается что-то прокричать заплетающимся языком, но я только улыбаюсь ему в ответ. Несколько минут они едут бок обок со мной, затем прибавляют газ и их машину уносит вперёд. Я остаюсь на дороге один.

Исчезнувший берег. Заколдованный лес. «35-й» километр.

Через несколько дней, старательно и терпеливо огибая овраги и низины, заросшие низкорослыми, чахлыми эвкалиптами, пробиваясь через пески, и обширные пространства заваленные мелким гравием и щебнем, дорога повернула на юг. Пустыня кажется безбрежной на многие километры, на все стороны горизонта. Ветер теребит жёсткие низкорослые кустарнички, сбивая похожую на серую сахарную пудру пыль с хрустящих, словно пролежавших на пыльном чердаке сотню лет, сухих веточек. Летают как обычно, не нарушая установленный порядок попугаи, мухи, бабочки. И вдруг это всё обрывается одним махом! Как

будто неведомая сила оторвала, отломила кусок материка и закинула его невесть куда, и теперь рваные, высоченные обрывистые берега, сплошной скалистой стеной уходящей в воду, навеки остались встречать океанские волны. Вместо сухой земли, оставленной за спиной, уходит крутой горой за горизонт океан. Волны, словно договорившись между собой, бегут вперёд ровными рядами, не нарушая строй и лишь у самого берега, словно удивляясь вблизи непреодолимости возникшего препятствия, ломая строй, в бессильной злобе и ярости кидаются вперёд на приступ. Они клокочут, ревут, разбиваются о скалистый берег со страшным грохотом, бросая вверх массу воды, стараясь, во что бы то ни стало дотянуться до верхней части излома, жадно рвут беззубыми ртами обнажённую плоть материка. Тщетно! С презрением встречает их берег, швыряя изредка куски породы в бездонную пучину, но вновь и вновь внезапно взбесившиеся груды волн спешат столкнуться со стоящей у неё на пути преградой, закручивая водовороты с бурлящей, вскипающей от неугасимой злости водой. Откатываясь назад, словно поверженное войско, убегающее от стен неприступной крепости, волны пытаются утопить верхушки рифов, нелепо торчащие из воды и давно смирившиеся со своей судьбой. На пути к берегу волны проскакивают рифы, не замечая, и вот теперь машут безжалостными кулаками после проигранной драки. Небо, не знающее пределов в бездонной вышине, синее, уходя к горизонту, окрашивает океан в свой любимый цвет, растворяется в воде и дальше они уходят рука об руку, как два неразлучных друга. Вот он, настоящий край Земли! Здесь, от этого места океан властвует безраздельно, не подпуская к берегу корабли разноплемённых путешественников многие годы!

Сто пятьдесят километров дорога бежит вдоль кромки океана, то, подходя близко, близко, то, отдаляясь чуть. От Юклы, которая оказалась обычным придорожным домом, а не поселением, как мне бы хотелось, серая лента пути, постепенно, оставляя океан немного в стороне, уходит вглубь Налларбор. Сначала приходится километров сто пятьдесят ехать по абсолютно прямой, как стрела, дороге. Она рассекает на две неравные части плоскую равнину и торопливо убегает вперёд, словно стараясь скорее слиться с горизонтом и раствориться, в воздушной синеве. Те редкие машины, которые обгоняют меня, прежде чем скрыться из поля зрения, надолго повисают в воздухе не казаясь земли колёсами, меняют очертания, расплываясь в восходящем потоке горячего воздуха, и растворяются без следа. Счётчик отсчитывает километр за километром, а словно стоишь на месте, лишь цифры на километровых столбах сменяют друг друга и взгляд, случайно брошенный вниз – под колёса велосипеда убеждает, что асфальт движется назад, как бегущая дорожка. Справа подкралась какая-то гряда, высотой метров триста - четыреста. Незаметно подкралась, исподволь, робко. Всё не спешила сблизиться, пересечь дорогу, и, вот, наконец-то решилась. «Забарабанил» педалями в подъём, привстал в «стременах», заставил активно работать плечи и руки. Хорошо, а то унылая однообразная работа на равнине буквально сковала спину. Здесь – наверху, меня встретила глухая, сжимающая голову и, словно затыкающая уши огромными кусками ваты тишина. Эвкалипты судорожно цепляются корнями за скальные выступы, в ужасе оглядываясь по сторонам. В течение десятков лет ветер гнёт деревья, выкручивая их из земли, стараясь вырвать с корнем, как неумелый столяр пытается выдернуть глубоко сидящий ржавый гвоздь, уцепившись за шляпку и вращая его вокруг оси. То бесцеремонно хватая одно дерево, а то – ухватив весь лес в один узел крутит и калечит его, будто жестокий хозяин безнаказанно наказывает провинившегося раба, таская того за волосы и ударяя головой о стену. Куски содранной коры безжизненно висят то тут, то там, ветер трётся о неподвижно застывший воздух. Словно выстрел из охотничьего ружья режет тишину хриплый крик ворона, ему вторит захлёбывающийся хрип стервятника. Не вижу птиц, будто и нет их вовсе! На небо выкатывает висящий рогами кверху месяц, словно небо улыбается зловещей улыбкой и вот-вот всё вокруг сотрясёт безумный хохот, и деревья задвигаются, расшвыривая камни, чтобы схватить меня своими сухопарыми руками.

- Эй! – мой голос глухо разносится вокруг, забивается под камни, ныряет в песок без следа, как камешек, брошенный в болото – только «бульк» - и ни кругов, ни звука, ни отражения. А может быть, где-то здесь живут и бродят по ночам духи и боги тех аборигенов, что жили здесь когда-то? Аборигены ушли, а духи остались. И бродят неприкаянно. Облюбовали себе это место и никого не желают здесь видеть!?

- Ну, ну, я никому вреда не сделаю. - Встряхиваю головой и начинаю устанавливать палатку, разговаривая вслух – прошу не сердиться на меня, за нарушенный покой. Куда же деваться, коли меня занесло сюда! Включаю фонарик в палатке – его свет придаёт уверенности и храбрости, окончательно возвращает в действительность.

Утром солнце освещает заколдованный лес, загоняет страхи в трещины скал, уносит ветром к лёгким облакам. Дорога же, выйдя наверх, снова превратилась в серую извилистую ленту, старательно обходящую скальные выступы, куртины низкорослых деревьев. Ленту, падающую в низины и взбирающуюся на невысокие холмы, то ровную и широкую, то потрескавшуюся от времени.

Чем дальше уходит дорога от океана, тем становится жарче. Мухи уже не дают покоя ни днём, ни после захода солнца, и спрятаться от них можно лишь забравшись в палатку. Они тучами роятся вокруг, лезут в

уши и нос, бьют со всего размаха в глаза, вызывая слёзы и заставляя поминутно их вытирать и сморкаться в край висящего на руле полотенца, которое я, в конце концов, срываю и уже не выпускаю весь день из рук. Правлю одной рукой, а другая ведёт активную, но абсолютно бесполезную борьбу. Мухи превращают время обеда в пытку, - я пытаюсь есть, накрывшись с головой полотенцем и сократив время отдыха до минимума, но все мои усилия не достигают цели. Я вновь вскакиваю и бегаю вокруг велосипеда, пытаюсь хотя бы на ходу не дать мухам отобрать мой обед....

Спустя два дня на меня обрушивается ветер ураганной силы. Я не вижу предвестников – небо по-прежнему чистое, вот только свежесть его голубизны ушла, уступив место дымящейся пелене. Шквал налетает неожиданно. Его потоки как воздушные копья бьют со всех сторон сразу, пробивают насквозь, сушат горло, срывают одежду, кидают в лицо пригоршни песка и мелкого гравия. Пытаюсь некоторое время идти шагом, но нет сил толкать перед собой груженный велосипед. Прислоняю его к дереву, а сам прячусь за сумками – надо отдохнуть. Полчаса отдыха пролетают одним махом. Опять надо садиться в седло. За меня никто педали крутить не будет. Решаю напоследок хотя бы немного попить. Вот тебе и немного! Ещё на пол-литра мои запасы питья уменьшились. Очень нелегко здесь в пустыне выдержать питьевой режим. Вода уходит быстро, за час, - один литр. Тяжеловато приходилось Джону Эйру, рискнувшему первым пройти по этой стране. И воду приходилось везти с собой в большом количестве, и пищу. Мне-то несравненно легче. Я вывожу велосипед на дорогу, где меня опять встречает стеной ветер, сажусь в седло и вновь вступаю в борьбу с накачивающейся усталостью, желанием остановиться, желанием пить и пить. “Что там говорят о марафоне? Говорят, что он начинается после тридцать пятого километра? Интересно, у меня был уже “тридцать пятый километр”, или он ещё впереди?” Скоро, что ли очередной километровый столб? Вкладываю в каждый оборот педалей не только все, что есть физические силы, но и всю свою волю. Должен когда-то кончиться этот невероятно тяжёлый день! Сплошные заросли низкорослого эвкалипта уже не кончаются до самого Норсмана. Иногда на несколько секунд ветер стихает и напоминает мне, что велосипед способен на свободный ход.

От Норсмана к Перту ведёт два пути. Один – прямой, проходящий через засушливые районы юго-запада. Другой путь проходит вдоль всего юго-западного побережья и даёт возможность посмотреть леса из эвкалиптов – гигантов. Этот, второй путь длиннее, но, безусловно, интереснее, и я не без некоторого колебания, избираю именно его.

Чудеса Юго-запада. Национальные парки Австралии. Эвкалипты. Дерево Глочестера. Перт.

Юго-западная Австралия, это довольно обжитый край, хотя до 1917 года, когда была построена трансконтинентальная железная дорога, между Западной Австралией и остальными штатами не существовало дорожной связи. Нужно было преодолеть равнину Налларбор, которая была известна лишь нескольким исследователям да их верблюдам. Самой старой колонией Западной Австралии, считается Олбани, до которого мне предстоит проехать порядка пятисот километров. Близ Эсперенс – небольшого провинциального городка, который я воспринимаю как острровок цивилизации, после похода через пустыню, множество соляных озёр. Невеликие они по площади и, иногда, с небольшим количеством невероятно горькой воды, которая разъедает почву, превращая берег в толстый слой полужидкой грязи. Подойти к воде невозможно. Рисунок береговой линии постоянно меняется и зависит от воды редких дождей. Нет дождя какое-то время, - озеро мелеет, выставляя напоказ покрытое солью дно озера, заполняя запахом всю округу. По краям озёр стоят чахлые деревца, иногда абсолютно сухие и лишённые листы. Стоят, как торчащие из земли огромные изуродованные кисти рук, указывающие своими больными, искривлёнными пальцами-ветвями, куда-то вверх. Скорее всего, они ругают солнце, за испаряющуюся, с огромной быстротой, влагу, ругают ветер, который сушит, словно горячим феном космы сухих веток. Ругают мир, у которого нет к ним жалости.

Вдоль побережья тянутся горы. Невысокие, не выше тысячи метров они меняют климат и растительность. Ставлю аккуратно велосипед у обочины и, осторожно ступая, крадусь вглубь зарослей. Мне, человеку не знакомому с жестколистной австралийской растительностью, все эти кустарники представляются на одно лицо. Однако при ближайшем рассмотрении, оказывается, что они имеют не только разную окраску, но и разную форму листочков-колючек. Листья вытянутые, широкие, узкие, но обязательно с иголочкой на конце. Иголка такого листика, с успехом поспорит прочностью с обычной стальной портняжной иглой. Ничего не стоит проткнуть, ею палец, при неосторожном, суетливом движении. Сами листочки на ощупь твёрдые и плотные, как будто сделанные из металлической фольги. Каждый листочек имеет очень плотную, короткую ножку, благодаря которой вся ветка представляется единым целым и очень прочным созданием. Высота кустарников разная. Встречаются высокие, имеющие высоту человеческого роста виды. А могут выглядеть как своеобразный, колючий мох. “Погладить” веточку можно, но соблюдая осторожность. При прикосновении, листики издают звук, напоминающий шелест иголок обычного ежа. Деревца невысоки. Высотой до трёх-пяти метров, с голенькими, какими-то безжизненными на вид стволиками, деревца имеют

яркие цветы и любопытного вида плоды. Плод напоминает внешним видом своим персик, только цветом серый. Что бы оторвать плод, требуются упорные усилия, настолько крепко они сцеплены с веткой дерева. Листья зелёного цвета, толстые, мясистые, но, закрыв глаза и потрогав их руками, можно подумать, что они сделаны из мягкой, но упругой жести. Листик можно согнуть почти в трубочку, но стоит отпустить его, как он моментально принимает прежнюю форму. Чудеса! Среди жестколистных кустарников причудливо возвышаются травяные деревья. Это ещё одно чудо - юдо австралийское. Чёрного цвета, как будто обгоревший когда-то, ствол с травяной копной наверху. Как есть столбик в парике. Причём парик-копна эта пушистая и густая. Нередко очень пушистая, и очень густая. И очень меня удивил один такой "столбик". На самой макушке растёт целая колония разноцветных "грибов". Это что ещё за причуды? Наверное, так это травяное дерево цветёт?

Начинаясь у городка Денмарк, что находится в 50 километрах от Олбани, и на протяжении почти трёхсот километров путь проходит через национальные парки, целиком состоящие из эвкалиптовых лесов. "Walpole - Normlap", "Shannon", таковы их названия. В местечке, которое так и называется Shannon, дорога раздваивается. Основной путь, который имеет название "дорога южного побережья", или дорога №1, уходит вперёд, а второстепенная сворачивает в сторону. На указателе, которым снабжена развилка, надпись: "Страна Великих деревьев". Вот уж, поистине Волшебная страна! Я, в который раз за путешествие, сворачиваю с главной дороги на второстепенную. Если до этого момента мне хотя бы, время от времени, попадались встречные машины, то теперь и они пропали совсем. То и дело указатели вещают о могучих деревьях, каждое из которых имеет своё имя, находящиеся в десяти, а то и двух, километрах от дороги. Дорога проходит через лес из эвкалиптов – гигантов. Огромные, в три-четыре обхвата деревья, с винтообразно закрученной древесиной стволов, уходят ввысь, шелестя кроной на «седьмом небе». Густой подлесок, состоящий из колючих кустарников и травяных деревьев, перевитых лианами, не даёт возможности подойти ближе к эвкалиптам. Нужен большой нож – мачете, для того, что бы прорубить тропу-проход в зарослях. Только гигантские кенгуру тяжёлыми, затыжными прыжками, словно вместо ног у них мощные пружины взлетают, внезапно появляясь над зарослями, и мгновенно исчезают вновь.

Мой путь в городок Пимбертон, близ которого, в небольшом национальном парке находится дерево Глочестера, снабжённое платформой, для наблюдения за лесом. Когда-то с этой платформы выглядывали лесные пожары. Сейчас это одна из достопримечательностей парка. Платформа находится на высоте 61 метра от земли и наверх ведёт винтообразная лестница из вживлённых в ствол дерева железных стержней. К дереву можно свободно подойти – вокруг чисто, лишь сухие листья усеивают хрустящим ковром поляну. Четырёхметровый в поперечнике ствол белый, словно обожжённая солнцем и облизанная ветром кость. Внизу он похож на струи застывшего водопада, бьющегося о землю и, словно по волшебству, превратившегося в дерево. Крона, смотрится несуразно по сравнению с могучим стволом, она, будто бесформенная копна волос, выстриженных клоками неумелым парикмахером. Долго сижу рядом с деревьями-великанами не замечая времени. Иногда встаю и опять подхожу к дереву Глочестера, опять обнимаю, трогаю ствол, хожу вокруг, считая шаги, возвращаюсь на место. Достану термос, наливаю чай и опять сижу и смотрю, жалея, что память не сможет удержать всё, что я вижу сейчас. Понимаю, что будут возвращаться ко мне чудеса сегодняшнего дня обрывками памяти и нельзя «прокрутить» её назад, как плёнку. Но я это видел и теперь, глядя на карту, я смогу представить себе юго-запад Австралии.

Спустя несколько часов я оставляю этот славный городок за спиной и устремляюсь дальше, к находящемуся уже на западном побережье материка, городу Банбари. Наконец-то, отъехав километров сорок от Пимбертона, попадаю на равнину. Горы остались позади, впрочем, как и могучие леса. Это хорошо, что равнина началась. А то последние три дня всё горы и горы. Едва триста тридцать километров за эти дни удалось осилить. "Движение стимулирует мозговую деятельность". Я согласен с этим утверждением. Но оно действует, если едешь по равнине, да и то тогда, когда не надо бороться с сильным встречным ветром. А при езде по горам мозг только в одном направлении работает. Он заставляет усталые, от тяжелой бесконечной работы, мышцы толкать и толкать педали вперёд. Хотя, справедливости ради нужно сказать, что глаз успеваает схватить всё, что творится кругом и быстренько переправить информацию в мозг. А тот, в свою очередь примет решение, рассмотреть эту информацию немедленно, или оставить эту процедуру "на потом".

Не спешу. До Перта остаётся километров триста пятьдесят. Маршрут заканчивается. Выйдя на побережье, некоторое время кручу вдоль него на север, к столице Западной Австралии. Город расположен очень компактно. Он по праву считается самым изолированным городом мира. Ведь до Аделаиды отсюда 2700 км. Поистине огромные расстояния, которые представить сейчас, в век перенаселения планеты просто невозможно. Знаю, что к северу от Перта лежит Кимберли – страна в миллион квадратных километров, абсолютно затерянная во времени и расстояниях и я жалею, что увидеть её мне, к сожалению, не суждено. А жаль.

Передо мной стоит очень важная задача. Мне нужно каким-то образом добраться до Сиднея, ведь именно оттуда я должен вылететь в Москву. У меня ещё есть 10 дней в запасе и удача, опять улыбаясь, дарит поистине королевский подарок. Абсолютно случайно знакомлюсь с дальнобойщиком по имени Денни. Он совершает поездки с запада на восток страны и обратно, и готов взять меня с собой. В итоге, я совершаю поездку на машине с запада на восток до города Оранж, что находится в 250 км от Сиднея. Превосходно!

Великолепная концовка. Голубые горы. Сидней. Капитан Кук. Последний вечер. 5363 километра.

После подъема на перевал Виктория, довольно сурового, хотя отчасти смягченного хорошим дорожным покрытием, я награжден возможностью увидеть, поистине величественное зрелище, невиданное мною раньше. Великолепный каньон, глубиной около километра, до половины заросший эвкалиптовыми лесами, уходящий разломом вперед вдаль, - вот что я увидел, едва забрался на вершину. Смотровая площадка находится на уровне верхней границы каньона и, поэтому, вся мощь его представлена природой, как на ладони. Я не могу сдерживать слов восхищения. Не обращая внимания на стоящих здесь же, на площадке туристов, бегаю с фотоаппаратом и видеокамерой взад и вперед, боясь упустить хотя бы какую-то мелочь. Снимаю на камеру голые отвесные стены из слоистого песчаника, голубой туман, обволакивающий всю долину словно пытаюсь сохранить её от взоров многочисленных туристов. Я в Голубых горах. Так называется этот горный массив, находящийся совсем немного к западу от города Сиднея. Их название происходит от цвета испаряющегося эвкалиптового масла, парящего над лесами. Такое же название носит и национальный парк, в котором я сейчас и нахожусь. Вот здесь-то горы Большого Водораздельного хребта представлены во всём разнообразии. Ещё бы! Живописные склоны гор, русла рек и, вдобавок, каньон, к тому же такой широченный. Кружат орлы над его видимой частью, придавая величественности и зрелищности открывающейся глазам панораме.

Бросаюсь от достопримечательности к достопримечательности. “Три сестры”, - так называются скалы у одной из стен каньона. Созданные ветром, дождями и временем, эти скалы из песчаника являются украшением национального парка, раскинувшегося на многие десятки квадратных километров. Даже дождь не может лишить меня радости общения. Водопады, встреча с аборигеном по имени Упала, который изготавливает музыкальные инструменты для продажи, самый большой частный зоопарк и экскурсия по школе. Всё смешивается в одну кучу, за эти три последних дня. В школе городка Блектауна, я наблюдаю ход урока по истории и техническое оснащение классов. На подъезде к деловому центру Сиднея попадаю на экскурсию по самому настоящему паруснику, который бороздил просторы океана ещё в 19 веке. Капитан этого музея-корабля, узнав, о том, что я русский, не только разрешил побродить по кораблю, но и дал в проводники одного из своих служащих - “матросов”. А абориген Упала, с которым мы случайно повстречались в туристском центре местечка Эхо-Пойнт, очень отличается от тех чернокожих, с которыми мне приходилось встречаться в Ялате и Аделаиде. Во-первых, по всему видно, что он знает себе цену. Знает, что изготовленные им музыкальные инструменты пользуются интересом и спросом у туристов. А их - туристов, в этом национальном парке много, очень много. И каждый из них просто считает своим долгом забежать в туристский центр, где непременно попадает в зал, где выставлены различного рода сувениры. Во-вторых, видимо он не страдает алкоголизмом. У него умное лицо с пронизательным и чуть насмешливым взглядом чёрных глаз. На мою просьбу сфотографироваться вместе, он отреагировал очень доброжелательно. Своими могучими руками он обнял меня, приговаривая, что вот, мол, в коллекции появился ещё и русский почитатель его таланта музыкальных дел мастера.

Город Сидней, оказывается, расположен не только на берегу залива Джексона, но и на берегу знаменитой Ботанической бухты! Той самой, куда впервые зашёл капитан Кук на своём судне “Индевор” 29 апреля 1770 года. Утром последнего дня я спешу на это историческое место. Я зашёл в океан, а затем вышел на берег в том месте, где это сделал Кук. Всё так же стоят на берегу эвкалипты, всё таким же свежим и чистым является воздух, только вместо аборигенов на берегу другие люди, а “на дворе” не восемнадцатый, а двадцать первый век. На берегу - современные австралийцы, те, кто пришёл сюда просто отдохнуть в воскресный день, или пришедшие почтить своим присутствием имя великого мореплавателя. На северном берегу Ботанической бухты находится место, откуда великий Лаперуз отправился в своё последнее плавание. А на западном берегу, оказывается, находится аэропорт. Как я сразу не обратил внимания на это? Вот сколько достопримечательностей сосредоточено буквально в одном месте. А вообще, в эти последние часы своего пребывания в Австралии, я превратился в самого заурядного туриста-дикаря. Исправно знакомился со всеми самыми известными местами Сиднея, включая здание сиднейской оперы и Королевский ботанический сад.

Последнюю ночь перед отлётом из Австралии решаю провести в аэропорту. Так, мне кажется, надёжнее и проще. Велосипед довёз меня почти до здания аэропорта. Он, бедненький, держался из последних сил завершающие несколько сот километров, а уж на берег капитана Кука я ехал под страшный скрежет остатков задней втулки. Не помогало уже масло, которое буквально хлестало из втулки заднего колеса во

время движения. Как он довёз меня? Почему? Почему не сломался, окончательно раньше – не знаю. Может быть, проникся, вместе со мной, идеей обязательного завершения “австралийской программы”? Буквально за двести метров до “финиша” велосипед “встал” окончательно. Заднее колесо перестало совсем крутиться. “Уговоры” в виде ключей, подействовали лишь отчасти – на последних двухстах метрах велосипед согласился идти лишь в поводу. Едва я попытался сесть в седло, колесо крутиться отказывалось. Чудеса.

И вот сижу на берегу реки Кука. Эта река впадает в Ботаническую бухту, протекая через город, старательно обходя аэропорт. Заходит солнце, и я смотрю, как оно уходит за горизонт. Вернее диск солнца, скатываясь с неба, просто скрывается за домами, стоящими на противоположном берегу, нехотя уступая место на небосклоне хозяйке ночи - луне. Я уже провёл “ревизию” своих вещей. Разобрал “по косточкам” велосипед, сняв с него всё, что может пригодиться в дальнейшем. Саму раму, руль и колёса не беру. Оставляю на месте. Благодарю велосипед за то, что он до конца исполнил свой долг и уверяю его, что те запчасти, что увожу с собой, ещё послужат мне верой и правдой. Осталось несколько минут до захода солнца и вот я сижу и смотрю. Последний “австралийский” заход солнца. Следующий заход я увижу далеко-далеко, в северном полушарии. Солнце опять будет привычно для моего глаза бежать слева направо, и увижу я это очень скоро.

Сейчас уложу сумку, перейду через дорогу, и войду в здание аэропорта. Всё, путешествие позади. Вернее позади путь на велосипеде, длиной в 5363 километра. Но долго ещё я буду перебирать в памяти отдельные его моменты и эпизоды. Долго ещё буду вспоминать запах эвкалиптового листа и прожженной солнцем земли, слегка приправленный солёным ветром океана. Долго ещё мне будет сниться красивая, своеобразная природа и замечательные люди этого материка. Солнце зашло. Беру на плечо сумку и неспеша иду к двери аэропорта. Почти два месяца назад я стоял у этих дверей, полный надежд на интересное знакомство. И вот, обогащённый грузом впечатлений, я снова здесь. Австралия не обманула. Спасибо тебе...

Сентябрь 2003 года.

Мне кажется, я знал о существовании Мексики всегда. Слышал о таинственных пирамидах и об индейцах, способных не уставая бежать целыми сутками. Читая книги, я буквально видел ещё пульсирующие сердца людей, брошенные на алтарь таинственного Уицилопочтли – бога войны древних ацтеков; видел непонятную игру, где мяч подбрасывают вверх коленями и локтями, не давая ему падать на землю. Видел конкистадоров, озирающихся по сторонам алчными глазами, которые бредут по пыльной дороге среди кактусов, обливаясь потом, но не смеют сбросить латы – свою «вторую кожу», пугающую тлашкаланцев и ацтеков. Представлял себе безжалостных индейских жрецов в чёрных одеждах и обгрённых кровью волосах, раз за разом поднимающих над очередной жертвой тяжёлый обсидиановый нож и изумление испанцев вступающих на территорию древнего Теночтитлана – столицы ацтеков. Уже гораздо позже, работая в школе, я с интересом читал о навсегда исчезнувших культурах Мезоамерики, осколки которых разбросаны по всей территории Центральной Америки. Два раза я предпринимал попытки пройти маршрут через Мексику. Но только третья попытка оказалась удачной. В итоге более чем четырёхтысячекилометровый маршрут «стянул» северо-запад государства – беспокойную Сонору с Юкатаном. Природа, индейские развалины, холод каньонов Сьерра-Мадре и жар тропического солнца, нищета крестьян и блеск курортных городов перемешались воедино. В итоге Мексика стала казаться мне ещё более загадочной и удивительной. В своём очерке я нив коем случае не навязываю своё мнение. Я приглашаю Вас к диалогу. Попытаюсь рассказать Вам о том, что увидел и пережил за месяц пути, о своих открытиях и попытках обобщить увиденное, надеясь найти среди Вас не только слушателей, но и внимательных собеседников – и это лучшая благодарность автору. Я знаю, что многое зависит от названия очерка. В течение всего пути меня не покидало чувство, что я нахожусь в Индии. Суевой базаров, перенаселением, смуглостью кожи жителей, шумом и гомоном, пальмами на улицах и бананами на фруктовых развалах она напоминала мне Индию. Я не раз ловил себя на мысли, что невольно удивляюсь испанскому языку, на котором ко мне обращаются люди, ожидая услышать вместо него хинди, и лишь каким-то усилием я возвращался сознанием в Мексику. Именно поэтому я решил назвать свой очерк «Американская Индия».

Американская Индия.

...Но есть такое там и этим путь хорош,
Чего в других местах ни купишь не найдёшь.
С утра подъём, с утра, и до вершины бой,
Отыщешь ты в горах победу над собой...

Один из вариантов куплета песни Ю. Визбора.

Огромный аэробус везёт меня из Мадрида в Мехико. Он так огромен, что вот-вот зацепится за поверхность Земли крылом, когда оторвавшись от земли самолёт заходит на вираж, чтобы лечь на нужный курс. Облака, словно манная каша висят над горами. Они образуют такой густой слой, что кажутся просто непреодолимыми вовсе. Я смотрю в иллюминатор – жду, что ошмётки облаков облепят крылья, забьют сопла, закидают окна иллюминаторов. Но двигатели самолёта работают ровно, облака расступаются, пропуская его и всего лишь через несколько минут после взлёта мы вырываемся на безоблачный простор. То тут, то там безлесные вершины прорывают своими грязно-жёлтыми пиками облака, будто желая осмотреться окрест. Это Пиренеи. Они стерегут границу страны от холодных восточных ветров, а когда-то служили серьёзным препятствием для войск галлов и римлян пытавшихся добраться по суше до благодатной Валенсии. Через полчаса полёта наш самолёт оставляет позади береговую линию Европейского континента, а с ним и Восточное полушарие и начинается перелёт через Атлантику. Отсюда, с высоты двенадцати километров океан кажется тёмно-голубым, словно кто-то намесил несметное количество акварельных красок в его воде, чтобы хватило окрасить ими не только нашу планету, но и всю Вселенную, да так и бросил свои краски здесь, унесясь зачем-то в несметную даль прихватив лишь чёрный, жёлтый и красный цвета, переключившись на звёзды и далёкие, неведомые миры. Полёт над океаном продолжается несколько часов. Когда-то в этом же направлении, но только по воде шли каравеллы Колумба. Эти небольшие дощатые суда шли на запад целых два месяца, а матросы день и ночь вглядывались вдаль, страшась увидеть что-то ужасное, но страстно мечтая попасть в неведомую, сказочную страну. Я чувствую сейчас то же самое. Очень хочу, чтобы самолёт быстрее закончил свой полёт и страшно боюсь неизвестности и чужого мира. Впереди Мехико – крупнейший город Земли, а у меня в кармане, как всегда, совсем немного денег и целый месяц предстоящего пути. Я

опять один, опереться в дороге будет не на кого. Сон не идёт – думалось поспать во время полёта, но слишком велико возбуждение – глаз не сомкнул. Пытаюсь рассматривать карту, но цифры и названия застыли перед глазами, никак не получается разгадать их смысл. Лишь чувствую уходящие секунды. Словно остатки воды из полуперевёрнутого ведра стекающие на землю и исчезающие в песке без следа, они оставляют всё меньше времени на ожидание, сомнения и тревогу. Внизу море огней. Огни везде. Они заполняют огромную долину, склоны близлежащих гор. Самолёт идёт на посадку. Огни всё ближе и ближе. Вот они рассыпаются вширь как лава огромного вулкана, как искры бенгальского огня до самого горизонта и мы стремительно падаем в самую гущу его. Всплеск, затем остановка. Пытаюсь сдержать тяжёлый беспокойный вздох и расправить плечи. Я в Мексике!

«С высоты птичьего полёта, или Легенда о бегунах».

Посреди северных хребтов Западной Сьерра-Мадре спряталась от мира страна индейцев тараумара. Нет, я не совсем точен. Сейчас её пересекает асфальтированная дорога. Она подкрадывается из Соноры – мексиканского штата, граничащего с США и вначале петляет между кактусов, стоящих словно гигантские свечи, уныло тянется через горную пустыню, покрытую едкой серой пылью, которую стоит лишь потревожить слегка и она сразу взбудоражено поднимается вверх, а затем, медленно оседая, покрывает всё вокруг. Въедается в кожу, одежду, пудрой осыпает велосипед, оседает на зубах, и сколько ни старайся не выплюнешь её всю – она так и будет скрипеть и хрустеть. Кажется, что здесь не может быть каньонов и лесов, что на многие сотни километров перед глазами будут только горная равнина, колючки, солнце и эта пыль. Но нет. После Сан Педро, маленького, кажущегося оторванным от мира городка дорога ныряет в каньон, змеей скользит по склонам, заросшим густым сосняком, проваливается куда-то на самое его дно. Здесь внизу, у небольшой студёной речки приютилось несколько домов-хижин, с глиняными стенами и дощатыми крышами, возле которых неторопливо копошатся невысокого роста тёмнокожие люди в цветастых одеждах, совсем непохожие на мексиканцев. Итак, похоже, индейцы тараумара действительно существуют, и я, видимо, ступил на их территорию. Они совсем не обращают внимания на дорогу, будто всё что на ней происходит, совсем их не касается. Сейчас, вечером, колют дрова – рубят топорами-секирами узловатые чурбаки, топят печи – ночи здесь, судя по всему, холодные. Скоро узнаю – солнце заходит.

Спустя два дня медленно поднимаюсь по серпантину вверх. Я уже проехал Грилл – разрекламированный в туристических буклетах городок и продолжаю ехать на юг в Гуачочи. Селения индейцев рассеяны по склонам гор. Да и сами горы носят название характерное – Сьерра Тараумара. Слава о них как о самых выносливых людях идёт по миру. Якобы бегают они, а не ходят, а бегают на десятки и даже сотни километров. Я общаюсь с ними сейчас, фотографирую, записываю, анализирую. Электричество – редкость, машины у домов – богатство. Передвигаются своим ходом, но их передвижение – это не бег, а скорее быстрая, семенящая ходьба. И ходок я видел довольно много. Но считать их самым выносливым народом – это чересчур. Тут же вспоминаются Абебе Бикила – знаменитый марафонец-эфиоп и его соотечественник Мирус Ифтер. Жили в горах, всё детство пасли коз, бегали по горам, гоня стада. Случайно попали в руки хорших тренеров и способности даром не пропали – превратились они в олимпийских чемпионов. И вообще, мало ли среди эфиопов и кенийцев бегунов? Но опять, это всё отдельные личности и говорить о существующей в народе системе физического воспитания вряд ли правильно. Тип питания эфиопов можно определить как скудный, или даже недостаточный. И здесь, в Сьерре, индейцы пасут коз, разрыхляют небольшие клочки земли и высеивают кукурузу и картофель. Тем и живут. Особо не разжиреешь, не разъешься. Их, как и упомянутых эфиопов, объединяет простота жизни, но эта простота очень и очень сурова. Сейчас, зимой, огромны перепады температур. У меня ночью замёрзла вода, оставленная в бутылке, а ведь я её предусмотрительно взял в палатку. А вот в середине дня на солнце жарко, градусов тридцать. Утром жёг кожу мороз, а сейчас солнце. Мне кажется, будто моё лицо горит с шипением, словно остатки влаги улетучиваются из пор под солнечными лучами. Чтобы жить в этих краях, нужно не только приспособиться психологически. Организм должен тщательно подстроиться. Вот почему мне показалось, что кожа индейцев толстая, как шкура бегемота и отдаёт чернотой, или тёмной бронзой, будто дублёная, помогая переносить капризы погоды. Я карабкаюсь в перевал. Иду пешком, веду велосипед в поводу уже двадцать километров. Может быть, что-то полезное подсмотрю здесь, у индейцев Сьерры? Эти народы передают свои практические навыки непосредственно от человека к человеку, ничего не записывая. Да что там записи! Те из тараумара, с которым мне довелось общаться читать не умеют, а некоторые из них не знают испанского языка, предпочитая общаться на своём, родном! Это не то, что наблюдения моего друга – индейца шайена Матта Шермана, советы которого я использую даже сейчас, во время преодоления этого подъёма. Мы

познакомились с ним лет шесть назад в США. Мне посчастливилось быть у него в гостях и я трепетно храню дружбу все эти годы. Тогда, во время первой нашей встречи, я всё удивлялся. С интересом рассматривал священное дерево во дворе дома Матта, кормил с рук белку, которая устроила себе нору высоко под крышей, между стропил. Она юрко сновала по карнизам дома и по его стенам, быстро, похозяйски, выхватывала орешки из протянутых рук, грызла их тут же, или тащила наверх к себе, спеша поскорее скрыться с моих глаз. Меня тогда поразила обстановка внутри дома. Матт специально оставил западную стену главной комнаты необработанной – из голых тёсаных брёвен, объясняя это тем, что именно такими были стены в домах резервации, где он провёл часть своего детства. «То была моя индейская жизнь», - говорит Матт, и я слышу нотку грусти в его голосе. Фотопейзажи в красивых деревянных рамках висят на стенах дома. На них далёкие уголки резервации – опавшие листья тополей, плывущие по прозрачной воде ручья; лошади, рвущие сухую траву, скупко покрывающую холмы; глаза маленькой индейской девочки, удивлённо глядящие в объектив фотоаппарата. Каких только индейских вещей мне посчастливилось увидеть висящими на этой стене! Черепа и рога буйволов, кисеты, связки перьев, наконечники, стрелы, жезлы, колчаны, пояса, даже старинный скальп растянутый на деревянной круглой рамке с длинными чёрными волосами. Мой друг собиратель всяких «индейских штучек». Уже много лет он пытается записать всё, что, по его мнению, можно каким-то образом связать с индейцами. В его коллекции уйма старых и новых фотографий, папки исписанных листов и масса древних, вышедших из употребления вещей. Вот пучок какой-то белой травы, тщательно перевязанной шерстяной ниткой. Я беру её в руки, чтобы рассмотреть получше.

- Это священная полынь с Белых гор Аризоны, - Матт чуть, едва заметно улыбается. - Мы, индейцы, применяем её во время молитв. На ежегодном Танце Солнца в течение четырёх дней курятся думы. Полынь помогает призвать на помощь добрых духов и отогнать злых. Полунь опять занимает своё место на стене. Мой взгляд неторопливо бежит дальше.

- Это трубка из камня? - Снимаю со стены, с разрешения индейца огромную, увешанную перьями курительную трубку.

- Да, это священный трубочный камень из Миннесоты. В том месте прекращались военные столкновения, когда люди встречались у разработок. Но это было давно, очень давно. Сейчас там национальный парк.

Я перевожу взгляд с этой стены на алтарь-смолокурню стоящую посередине, которую он использует всякий раз когда нужно принять какое-нибудь серьёзное решение, или окурить, а говоря по нашему – освятить, какую-то вещь. При мне он окуривает дымом фотоаппарат, прежде чем я делаю несколько снимков, фотографируя трубку и другие вещи.

К воспитанию моего друга приложил руку дед. Матту было тогда всего десять лет, он, по его словам, не любил играть в индейцев, но дед сумел показать ему практическую сторону индейской жизни. Именно эти советы помогли выжить отцу Матта во время войны с гитлеровцами, когда однажды отделение, которым командовал Боб Шерман попало в западню посреди развалин и четверо суток отбивалось от окруживших со всех сторон немцев. Те лишили их подходов к воде и к концу третьего дня один из его солдат – молодой девятнадцатилетний мальчишка почти потерявший рассудок бросив оружие пополз к воде, но вместо спасительной влаги получил пулю в живот и долго корчился на камнях истекая кровью и умирая в страшных муках. Никто не смог ему помочь и сам Боб держался собрав в кулак остатки сил, перекатывая во рту последний глоток воды, а потом бессильно плакал, когда неожиданная помощь освободила их из «каменного мешка». После войны Боб сам привёз своего маленького сына своему отцу в резервацию и тот обучал внука так же, как когда-то Боба, и как когда-то его самого обучал его дед. А Матт неожиданно загорелся идеей собрать воедино весь доступный опыт предков.

- Я ездил по резервации, разыскивая знающих стариков, и терпеливо записывал всё, что удавалось найти. - Он с удовольствием делится со мной познаниями, называя их «индейскими штучками», показывая очень личные вещи - свою «магическую связку» - нечто схожее с натальным крестом христиан и головной убор прапрадеда Поющего Лиса, даже разрешив сфотографироваться в нём. И вот сейчас я тяну велосипед в подъём перекатывая во рту глоток воды, используя индейскую мудрость. Нужно тщательно следить за тем, чтобы глоток был небольшим, иначе будут уставать щёки. Но воду нельзя выплёвывать и глотать. Индейцы не разрешали и пить перед тем, как предстоит взять в рот этот глоток. И вот весь подъём я терпеливо несу его во рту, как некогда это делали индейцы шайены. Дед моего друга утверждал, что именно этот способ помогал его предкам уходить от кавалерии через горы. Я сегодня преодолеваю уже второй перевал и «извёл» на этот путь всего ничего – триста граммов воды. И это почти на тридцать километров тяжёлого, изматывающего пути! Пот почти не выделяется, и пить не хочется ничуть! А вчера в равнозначных условиях я выпил в общей сложности больше пяти литров – полведра! Хорош урок! Дорога взбирается на самую вершину одного из хребтов и несколько километров

балансирует на его гребне словно на лезвии ножа. Она то и дело перепрыгивает то на одну сторону гребня, то на другую рискуя рухнуть вниз. Сюда, на эту верхотуру со мной поднимаются лишь чахлае редкие сосенки, оставившие своих собратьев где-то далеко внизу, да заросли вездесущего горного можжевельника. Лишь здесь я вновь сажусь в седло велосипеда, а перед этим долго наблюдаю за полётом огромного орла, который кружит на одной со мной высоте, раскинув в стороны крылья как руки с растопыренными пальцами и опустив голову, словно сутулится на лету. Я, наконец, выплёвываю воду и разрезая грудью чистый прозрачный воздух еду вперёд. Вечер застаёт меня километрах в тридцати от местечка Самачик. Здесь дорога расходится. Пыльная, ухабистая грунтовка ведёт куда-то в глубь Сьерры, к каньону Кобре. Но мой путь вперёд, на Гуачочи. Очередной серпантин никак не закончится, словно длинным ремнём он опоясывает горы одну за другой, заставляя ронять капли пота на асфальт. Опять вспоминаю Грилл. Мысли как-то сами возвращаются туда. Тяжёлый осадок остался от увиденного в этом местечке. Городок малюсенький – всего две улочки. Центральная вывела меня на крошечную, малолюдную площадь. Чумазые, сопливые дети индейцев предлагают нехитрые поделки. Они толкаются среди туристов, ждущих старенький паровоз, который должен вот-вот подойти к станции. Их матери в грязной, давно не стиральной одежде сидят у облупившихся стен домов прямо в пыли, поджав под себя босые ноги. Сидят молча, почти не поднимая глаз. А немногочисленные туристы стараются не глядеть на них, отворачивают лица, или делают вид, что заняты какими-то сиюминутными, но важными делами. Молодые парни тараумара в полуспущенных джинсах и огромных кроссовках с торчащими во все стороны из под бейсболок космами чёрных нечесаных волос поднимая клубы пыли пересекают главную улицу, словно стараются быстрее скрыться с глаз, но я успеваю увидеть в руках одного из них бутылку пива. По Гриллу я не ехал – ходил пешком, разглядывая разные улочки, забредая в тупички, останавливаясь, чтобы получше рассмотреть жителей этого городка, тщетно стараясь разглядеть среди темнокожих людей легендарных бегунов. Иногда я с трудом справлялся с чувством стыда, который невольно охватывал меня, словно я неожиданно попал в чужую квартиру и стал невольным свидетелем очень личного несчастья или скандала. Грилл я покидал с тяжёлым осадком на душе. Да.

Солнце зашло, вот-вот стемнеет. Сразу становится холоднее, словно зимой из пустой комнаты убрали печку-буржуйку. Начинают мёрзнуть руки, холодный воздух проникает между складками одежды внутрь, за пазуху. Надо останавливаться. Высматриваю место, нахожу его не без труда – с одной стороны скалистые гряды, как стены высотного дома поднимаются вертикально вверх, а с другой резкий крутой обрыв не даёт возможности приткнуть палатку и я долго ещё иду, ведя в поводу велосипед. Наконец нахожу небольшую площадку посреди огромных гранитных валунов. Через десять минут опускается ночь. Сквозь голые ветви деревьев глядят на меня яркие в эту безлунную ночь звёзды. Да. Ночь, один, в горах, холодно. Есть от чего поддаться панике. Но я чищу зубы, умываюсь и заползаю в палатку. При тусклом свете фонарика делаю пометки в записной книжке.

Спустя ещё четыре дня, оставляя позади Гуачочи и страну каньонов, поворачиваю на восток. Некоторое время меня сопровождает лес, но постепенно он становится всё реже, деревьев вокруг становится всё меньше и, наконец, я вновь вижу лишь горную пустыню, поросшую колючками и блёклой сухой травой. Во время движения хорошо думается. Под шорох шин перебираю в памяти моменты отдельных встреч, само собой напрашиваются какие-то выводы, я стараюсь оценить свою поездку сюда, в Сьерра-Тараумара. Три дня назад рано утром, чуть отъехав от крохотной деревушки, услышал странный звук – будто кто-то шаркает ногам о половику, прежде чем войти в дверь. Я остановился, а спустя несколько секунд из-за поворота показался невысокого роста пожилой индеец. Он бежал лёгкой трусцой, почти не отрывая подошвы кроссовок от поверхности асфальта, время от времени переходя на торопливую ходьбу. Я сорвал с плеча видеокамеру и поймав его в окно дисплея успел нажать пуск, получив в итоге замечательную зарисовку. Этот тараумара нёс небольшой пакет с яблоками, и палку, которой время от времени помогал себе, отталкиваясь ею от асфальта, а уж откуда он двигался – не знаю, надеюсь, что издалека. Приятно вспоминается разговор с замечательной парой. Дня два, или три назад мне повстречались отец с сыном. Опрятно одетые, с пропорциональными фигурами эти тараумара шли из соседнего селения, куда они ходили за молоком. Их ноги, обутые в лёгкие сандалии с высокой «римской» шнуровкой так легко семенили вперёд, что создавалось впечатление, будто они – эти люди, не весят ничего. Казалось, они могут взлететь в воздух, если захотят. Мальчик чуть растерялся вначале, увидя необычного велосипедиста, но во время нашего разговора очень быстро пришёл в себя, заулыбался и даже дотронулся до меня, робко протянув руку. Он погладил моё предплечье, словно пытаясь стереть белую краску, покрывающую мою кожу.

- Мы рады приветствовать вас здесь, в этом краю! – старший улыбнулся широко и развёл в стороны руки, показывая на горы возвышающиеся вокруг.

- Очень рад такой встрече, - я торопливо вытащил фотоаппарат, боясь их спугнуть, словно они не люди, а лесные зайцы, чудом выскочившие на дорогу. – Вы тараумара? – в который раз я повторил свой вопрос.

- Да, конечно, - они радостно закивали и начали выспрашивать меня обо всём, - моей стране, велосипеде, путешествии и прочих интересующих их вещах. При этом спрашивал старший, улыбаясь во всю ширину своего рта, и каждым жестом излучая такое миролюбие и доброжелательность, что я невольно сравнил его улыбку с весёлыми лучами восходящего солнца. Мальчик робко что-то говорил ему шёпотом, а отец вслух повторял вопрос, и мы стояли несколько минут выжимая из себя весь словарный запас.

- Да, - сказал он мне на прощание. – Школ у нас в горах очень мало, к сожалению. Многие дети не имеют возможности учиться. Но нам повезло. От нашего дома всего восемь километров до ближайшей из них, и сын учится.

- А бег знаменитый. О вашем народе слава идёт по всему миру? – Я решился таки задать главный вопрос своему замечательному собеседнику.

Он улыбнулся, и простота его ответа уже не удивила меня:

- Несколько профессиональных бегунов, устраивают перед туристами «показательные бега». Но это не здесь, это в посёлке Грилл, - он, видимо по своей привычке показывать направления жестами, махнул рукой на север.

- Вот в чём дело. – Я вспомнил пау-вау, знаменитые красочные праздники-шоу североамериканских индейцев. Профессиональные краснокожие танцоры катаются весь летний сезон с одного праздника на другой, довольно дорого продавая искусство своих предков туристам и соплеменникам.

- Обычно это бывает весной и осенью, - дополнив мои мысли, сказал тараумара.

- А не холодно вам? – я указал на сандалии и голые по щиколотку ноги своих собеседников. Пальцы ног индейцев расходящиеся друг от дружки веером кажутся покрытыми ещё одним слоем кожи. Тараумара не носит обувь закрывающую стопу, их нога не деформирована и красива своим естественным видом.

- Нет, - опять улыбнувшись, ответил старший. - Мы не привыкли стоять на месте, мы привыкли двигаться. А во время движения не холодно.

- Вы ходили за покупками? – я опять пытаюсь задавать вопросы, не желая их отпускать.

- Да. Это молоко, – отец мальчика показывает мне пятилитровую канистру доверху наполненную молоком. – У соседей, за перевалом несколько коз, - он махнул рукой вверх, показывая мне в какой стороне эти соседи живут. - Мы берём у них молоко, меняем на кукурузу.

Я вспомнил довольно большое поле, засеянное кукурузой, там, внизу, в долине.

Сделав пару снимков я поехал дальше, время от времени останавливаясь и глядя вслед этим людям. Мальчик, как лёгкая птичка кружился вокруг отца, и у меня сложилось впечатление, что он готов броситься бегом вперёд в любую секунду и его удерживает только желание быть рядом с отцом.

Рассвет вчерашнего дня застал меня на самом дне глубокого каньона. Иней покрыл всё вокруг, он облепил мою палатку и свисал бородами внутри её вдоль всего конька. Когда я, наконец решившись начал неуклюже выползать из неё наружу, иней осыпался с шуршанием вниз предупреждая о той стуже, которая меня ожидает снаружи. Энергичная зарядка привела в чувство, настроила на борьбу, протянула время до восхода солнца. Едва солнечные лучи окрасили золотом вершины километровых скальных стен, стало теплее. Я почувствовал, что не один здесь, в этих горах, солнце – хороший друг. Выбираясь на дорогу – перетаскивая вещи с места стоянки, неожиданно столкнулся с парнем, который шагал в Гуачочи пешком. Накануне вечером я обогнал его, и вот утром мы встретились вновь. Упаковав багаж я помог индейцу чуть быстрее добраться к перевалу, приладив его рюкзак к багажнику своего велосипеда и всё пытался понять – зачем он идёт в Гуачочи. Увы, мои познания в языке тараумара равны нулю, а на испанском и, тем более на английском мой новый знакомый не говорил.

- Да, я тараумара. Да, иду а Гуачочи к брату, - он подняв руку чуть выше своей головы пытался мне объяснить цель своего похода.

- Так и идёшь всю дорогу? – я пытаюсь жестом расшифровать свой вопрос. Тщетно. Слышу в ответ одно и тоже – «Гуачочи и тараумара». На перевале мы с ним расстаёмся, чтобы неожиданно встретиться через сорок километров пути, когда на перекрёстке, где я сел перекусить, из кузова остановившегося пикапа вдруг выпрыгнул мой знакомый и махнув мне рукой и скупой улыбнувшись, вновь взвалил на плечи рюкзак и пошёл вперёд за очередной поворот.

Вновь перед моими глазами проносятся крохотные селения горцев-индейцев, вылепленные из глины стены хижин, дети, с включенными волосами, гоняющие мяч на поляне посреди кукурузных полей, которые останавливаются, как вкопанные, увидев меня. Сидящие у дороги женщины в цветастых юбках, молчаливо предлагающие нехитрые поделки и мужчины, робко выглядывающие из шалашей-

мастерских, в которых день и ночь раздаётся стук инструментов – поделки пользуются спросом проезжающих мимо туристов. Вполне возможно, что лет пятьдесят назад они действительно много передвигались на своих ногах. Но бег – это вряд ли. Для тех европейцев, которые их впервые увидели когда-то, семенящая ходьба индейцев могла показаться бегом. Но дороги, машины, а главное – телевидение ломают древние устои. Условия их жизни требуют выносливости. Но даёт ли это здоровье и тренированность – не факт! Мы, по крайней мере, можем читать, учиться, анализировать и проверять всё на практике!

Невольно сравниваю этих безобидных людей с жителями приграничного Сан Педро. Дорога занесла меня сюда в этот городок в середине дня. Ветер свистит в спицах велосипеда, поднимая вверх тучи мелкой пыли, гонит перед собой бумажные и пластиковые пакеты. Квадраты когда-то крашенных зданий образующие несколько узких, без тротуаров улиц стоят, как маленькие глухие крепости. Куры купаются в пыли меж домами и изредка тишину нарушает рокот и треск проезжающего старого и облезлого, под стать домам, автомобиля. Лишь главная дорога, пересекающая этот городок с севера на юг, заасфальтирована. Асфальт старый и потрескавшийся, как будто выложен из черепков разбитого кувшина. Не желая здесь задерживаться надолго, я медленно ехал вперёд в поисках магазина. Ни одной живой души, словно городок только что покинули жители. Но нет – вот впереди дорогу перешла женщина с сумкой в руках, мальчишки выскочили мне навстречу и убежали, оглядываясь. Нырять за женщиной в переулок. Пыль, вырываясь из-под переднего колеса, моментально покрывает мою обувь, окрашивает в серый цвет спортивные брюки и забивает горло каким-то противным липким налётом. Похоже, я свернул правильно – магазин здесь, я вижу неброскую вывеску. Обгоняю женщину, чуть не доезжая, останавливаюсь и приставляю велосипед к стене, стараясь определить богатство магазина. Недалеко от его входа, под широким деревянным козырьком, расположилась группа мексиканцев. Я слежу за ними боковым зрением – многолетняя привычка - попытка контролировать ситуацию. Они, почти не двигаясь и, кажется, равнодушно следят за моими действиями. Нет, всё таки с неприязнью. Или с презрением? Ну это, братцы, как хотите и сколько хотите, дело ваше, взглядом-то вы мне ничего не сделаете, слабо! Они все в потрёпанных грязных джинсах и толстовках кроме одного, у которого вместо толстовки футболка, двое из четверых в шляпах. У одного из мексиканцев во рту сигарета, но тот словно позабыл о ней, лишь клубы дыма поднимаются вверх через равные промежутки из-под соломенной шляпы. Другой жуёт что-то, какую-то жвачку. Этой жвачкой рот набит полностью и время от времени мексиканец сплёвывает в пыль какую-то коричневую жижу, словно отплёвывается. При этом лицо его едва заметно кривится, как от зубной боли. Ещё один, слегка разомлев и прижав подбородок к груди, почёсывает себе шею большим восьмидесятисантиметровым ножом – мачете, который он держит за тупую сторону лезвия и меня вдруг разбирает смех - я неожиданно вспоминаю, как смешно вытягивая ноги и жмурясь замирал тёщин поросёнок, когда я щепкой шкрябал ему спину. Всё это я выхватываю почти не поворачиваясь к ним лицом и не встречаясь взглядом ни с одним из них, надеясь, что мы останемся каждый при своих интересах. Наклоняюсь к рулю, здесь у меня прикреплена видеочка. Её нельзя оставлять, нужно взять с собой, так же как и рюкзак с документами. Меня накрывает тень и запах жевательного табака. Волосатая рука с короткими толстыми пальцами протягивается к висящему на руле компасу и начинает неторопливо откручивать ремешок.

- Э-э-ей! – я оборачиваюсь и гляжу в лицо нежданному гостю, - ты что!?

Он широко улыбается, показывая мне лишённый переднего зуба рот.

- Амиго! Мне нравятся эти часы. – До меня неожиданно доходит что он не понимает, что этот компас не его, словно у меня не может быть никаких возражений против его желания открутить и забрать понравившуюся вещь. Накрываю его руку своей:

- Мне эта вещица самому пригодится, амиго, – конфликт неизбежен. Он продолжает жевать, но улыбка как-то сползает с его лица, в глазах появляется выражение, которое можно увидеть у ребёнка, которого неожиданно, ни слова не говоря лишают понравившейся игрушки. Только ребёнок, в лучшем случае может закричать, а что сейчас творится в мозгах этого громилы, я не знаю. Рядом оказывается ещё один мексиканец. Он закончил чесаться, но нож свой почему-то забыл убрать. Я не могу оторвать взгляд от отточенного лезвия – мне кажется, при необходимости можно этим мачете, пожалуй, и побриться.

- Я думаю, ты не гринго, - он показывает на моё лицо, а его палец бесцеремонно тычет в моё плечо. Низкий голос кажется мне хриплым. – Мы всё спорили сейчас. Розарио, - он кивает куда-то назад, - утверждает, что ты гринго, а я сомневаюсь. Ты не похож на гринго. – Он опять начинает чесать себе шею, и я почему-то замечаю, как шелушится кожа на его загривке. Мелкие чешуйки её осыпаются на воротник, что-то смешивается с пылью и уносится ветром. – Ну, так кто ты? – Его вопрос выводит меня из какого-то оцепенения.

- Нет, я не гринго, ты прав. Я русский. Руссо! – Тот, который пытался открутить мой компас опять улыбается и убирает руку с руля моего велосипеда. Он сплёвывает остатки табака в пыль себе под ноги, причём часть этой вонючей каши падает на мои кроссовки. Но его это нисколько не тревожит, а я стараюсь не акцентировать на таком бесцеремонном поведении своё внимание – похоже, он просто не понимает «что такое хорошо, и что такое плохо».

- То, что ты русский, это хорошо, мы не любим гринго, - теперь уже тот, который так усиленно чесался вкладывает в ножны свой мачете, хлопает меня по спине и они с беззубым, оставляя меня в покое, возвращаются на своё место под козырёк. Я же прохожу мимо них, киваю, на всякий случай, и захожу в магазин, который скорее похож на склад всякой всячины, чем на современный магазин. Через несколько минут я выхожу обратно, а мексиканцы сидят, как и раньше не двигаясь с места и никак не реагируя на моё появление. Тревожное чувство не покидает до вечера, и я спешу поставить палатку в густых зарослях можжевельника, после того, как мчащаяся на бешеной скорости машина проходит в сантиметре от моего велосипеда, цепляет меня зеркалом за плечо и уносится дальше по пустынной дороге. Только чудо и опыт помогают мне удержаться в седле. На следующий день я попадаю в страну индейцев тараумара, и меня принимает совсем другой мир...

«Старое и новое».

Проложить маршрут по Мексике дело не очень простое. Во-первых, различных культурных наслоений немало – легко можно запутаться в названиях существовавших когда-то государств и народностей, в именах правителей и богов. Во-вторых, Мексика – государство в основном горное, а для велосипеда горы, это серьёзное препятствие. Они значительно снижают скорость передвижения, заставляют очень щепетильно подходить к разработке и утверждению маршрута. Карта, как ни странно, иногда способна давать обманчивые представления о размерах территорий, сложности рельефа, она искажает расстояния и может очень легко ввести в заблуждение любого человека, в том числе уважающего географию. Когда начинается непосредственное знакомство, когда видишь реальные размеры территории, всё встаёт на свои места. Приходится исключать из планируемого маршрута какие-то участки, спрямляя путь, чтобы уложиться во временные рамки и в рамки своих физических возможностей. Окончательный выбор каких-то участков маршрута всегда происходит уже на месте. Но в любом случае, маршрут должен проходить через архитектурные, религиозные, исторические центры древних индейцев, - на то она и Мексика.

Земля планета удивительная. Она хранит множество тайн, которые по разным причинам остаются нам неизвестными. К сожалению, нельзя листать время назад, как книгу. Мало тех людей, которые пытаются соединить в единое целое домыслы самых разных исследователей. Чаще работа подобного рода похожа на ситуацию известной басни Крылова «Лебедь, рак и щука».

То, что цивилизации могли существовать на Земле десятки миллионов лет назад не новое, хотя и робкое утверждение. Ещё И. Ефремов, наш знаменитый палеонтолог и писатель, во время экспедиций по Монголии находил черепа динозавров простреленных каким-то неведомым, но сильным оружием. Загадка? Безусловно! Пришельцы? Может быть. А может быть жители какой-то цивилизации существовавшей на Земле много-много лет назад и погибшей в результате внутренних раздоров и извечной борьбе за власть? Платон утверждал о существовании Атлантиды и одержимые до сих пор ищут её в Атлантическом океане и в Средиземном море. Но существовал ли сам Платон? И кем он был на самом деле?

Миллионы лет назад на Чукотке росли тропические леса, а там, где, сейчас возвышаются горы, когда-то простиралась равнина. Может быть следы древних цивилизаций скрыты под толщей лавы и погребены под глыбами гор? Может быть люди, далёкие предки современных людей, построившие знаменитые пирамиды Египта жили в те времена, когда огромная Гондвана, этот древнейший материк только-только раскололся на части, и великие строители легко достигли берегов недалёкого тогда Нового Света и не найдя подходящего материала начали возводить здания и пирамиды из глиняных и каменных кирпичей и цемента? А может быть, всё намного проще. Морской народ, который просто жаждал открытия новых земель шёл всё дальше от Финикии на запад, туда, куда несло их течение океана, которое, как они знали, обязательно должно где-то наткнуться на берег, для того, чтобы опять повернуть назад и образовать гигантский «круговорот». И не они ли принесли туда знание астрономии и геометрии, умение резать и шлифовать камень? Не они ли научили зачаткам земледелия дикие племена побережья Мексиканского залива и те, в благодарность, решили запечатлеть лица суровых пришельцев в камне? Я не смею называть себя историком и мои предположения, может быть, разобьются как волны о скалы фактов без следа. Но безусловно, мы недооцениваем возможностей и стремлений древних. И лично мне очень жаль,

что великий (я не побоюсь этого слова) норвежский исследователь Тур Хейердал не закончил свои исследования, не довёл их до конца. Его знаменитые переходы через Атлантику доказали существование морских путей в древние времена.

Итак, я пересёк северные территории государства и подошёл вплотную к Средней Мексике, к центру древних цивилизаций. И первым на моём пути оказался город, носивший некогда название Толлан, или, Тула, столица древних тольтеков, которых считали своими прародителями более известные нам ацтеки. Культура тольтеков уходит корнями в глубокую древность, но расцвет их царства пришёлся на начало нашей эры, на времена, когда моря бороздил Синдбад-Мореход. Тольтеки точили и резали базальт. Многослойные пирамиды, барельефы, высеченные на камне календари и пятиметровые статуи атлантов, некогда державшие свод святилища являются сейчас главной достопримечательностью Современной Тулы. Каждая из восьми статуй сложена из четырёх блоков. Застывшие широкие лица серьёзны, глаза широко раскрыты, на головах высокие короны. Руки вытянуты вдоль туловища и прижаты к бёдрам, как у солдат, стоящих навтыжку перед командиром. На груди у каждого колоса резная каменная пластина как монгольская пайцца, кажется, что она блестит на солнце, будто золотая. Как, каким образом древним индейцам удавалось так резать и более того, - шлифовать камень?! Им, не знающим металла дикарям, была подвластна такая работа! Сейчас атланты стоят на вершине пирамиды и смотрят не мигая на юг, подобно своим братьям с Алтая, плато Устюрт, и острова Пасхи, напоминая не только о связи самых разных культур, но и о беззащитности государств и династий перед временем и историей. Солнце, которому поклонялись те безвестные строители, вновь висит на небосклоне раскалённым диском, как и много лет назад, равнодушно наблюдая за людьми, их смешными попытками «управлять», «возродить», «оставить след», «призвать к ответу».

Всю первую половину дня я брожу по Толлану. Захожу в музей и вновь возвращаюсь к развалинам, к пирамидам и барельефам, вновь касаюсь неподвижных рук атлантов и, наконец, оставляю город тольтеков и еду дальше. Дорога вьётся меж невысоких гор. Я кручу вперёд почти не заглядывая в карту – водители местных такси с удовольствием подсказывают, как сократить путь до Великих Пирамид Теотиуакана. Склоны гор и узкие межгорные долины распаханы трудолюбивыми крестьянами-индейцами. Сейчас, в конце декабря очередной сбор урожая в этих краях. Селяне работают на полях целыми семьями. Вот они - потомки рядовых ацтеков. Очень невысокого, пожалуй, чуть выше полутора метров, роста, приземистые, широколицые и, кажется, совсем не обращающие внимания на чужаков и плакаты, призывающие их сделать правильный выбор для улучшения жизни. Это люди, с очень тёмной кожей и в простой, очень простой одежде. Собирают кукурузу, капусту и сладкий картофель, не зная что творится за пределами их земледельческого участка, или, просто не желая этого знать. С таким же выражением лица они, наверное, собирали свой урожай и при ацтеках и при испанцах, и во времена революций. Дома земледельцев несложные по архитектуре, бедные, а то и просто убогие, которым больше соответствует название хижина. И действительно, это примитивная постройка с земляным полом, глиняными, полуосыпавшимися стенами, дощатыми крышами и дырами, вместо окон. Никаких удобств, которые может предложить современный мир, современный век. У домов и по полям бродят ослики, – иногда это единственная тягловая сила крестьян. Но и старенькие пикапы стоят, как живые, как опустившие уши, безмолвные лошадки на краю полей, едва видные под початками кукурузы, огромными тюками увязанными в кузовах. Время от времени я останавливаюсь, наблюдаю за работой крестьян, пытаюсь представить себе события пятисотлетней давности. Увы, сделать это трудно. И что они, эти очень небогатые люди могут рассказать о древней культуре своих предков? Да и нужна ли она им? Им бы концы с концами свести.

Тогда, половину тысячелетия назад конкистадоры уничтожили клан жрецов, клан хранителей знаний начисто сразу же, как только появились со своим уставом здесь, в царстве Мешиков - детей Кецалькоатля, как называли себя ацтеки в древности. Ещё бы. Религия ацтеков была необычайно жестока. Кровь человеческих жертв лилась нескончаемым потоком по ступеням пирамид Теночтитлана, Чолулы, Тахина и других городов, включая самый древний религиозный центр древней Америки – «Город Богов» Теотиуакан. Даже испанцы, привыкшие за годы инквизиции к крови, были повергнуты в ужас безжалостностью местных служителей культа. За жрецами от оспы и испанских мечей навсегда исчезли воины, унеся в могилу легенды, мифы и тайны, оставив потомкам лишь загадки, домыслы, обрывки книг и развалины городов.

Карабкаюсь на семидесятиметровую пирамиду Солнца, самое высокое сооружение Нового Света, я пытаюсь представить себе ужас и величие древнего царства, где рядовой житель не имел ничего, кроме религиозной идеи и веры в могущество и божественную суть правителя и жреца. Но отсюда, с самой верхотуры ясно видно, что остальные пирамиды Теотиуакана расположены как планеты Солнечной системы относительно друг друга. Человек, обладающий самым острым зрением вряд ли способен

разглядеть в звёздном небе планеты, выстроить их в ряд и высчитать орбиты их движения?! Откуда это знание у народа, питающего человеческой кровью своих каменных богов? А главный проспект города носил жуткое название – Дорога Мёртвых, но точно так же ацтеки называли и Млечный Путь! И как понять их, всех людей той древней империи ожидающих очередного конца света каждые пятьдесят два года? Как их - безжалостных, дикарей и варваров, умеющих убивать и строить, представить неподвижно сидящими на вершинах холмов и пирамид в последний день пятидесятидвухлетнего цикла и молча глядящих на Альдебаран – далёкую, яркую звезду, словно именно оттуда должно явиться н е ч т о, способное покончить в один миг с миром ацтеков?!

Да, ацтеки любили небо! Мне пришлось быть в Теотиуакане вечером. Солнце уже почти зашло за горизонт, и Луна овладела небосводом. Я оказался последним посетителем священного места и занял позицию у юго-западного ребра пирамиды. Отсюда совсем не видны её ступени, не видна округлая вершина и уходящие ввысь, сливающиеся друг с другом каменные плоскости, создают иллюзию абсолютной бесконечности. Они уходят туда, в далёкую, недосыгаемую высоту, где господствуют Луна и звёзды. Обман зрения? Да, конечно. Но каков обман!

Несколько десятков километров еду под впечатлением величия «Города, в котором люди превращаются в богов». Величия, которое невозможно страхнуть в пропасть времени. В мыслях я возвращаюсь туда, к пирамиде Солнца. Снова и снова щупаю руками облицовку пирамиды из валунов и какого-то сверхпрочного цемента, скрепившего в единый монолит всю постройку. Вновь провожу рукой по драконовой голове каменного Кецалькоатля – Пернатого Змея, бога дождя ацтеков. Вновь удивляюсь непонятному мне разуму людей, которые с трепетом смотрят на небо, пытаюсь увидеть что-то т а м и бездушно глядят на умирающих с голоду соплеменников.

К действительности возвращает полицейский. Я незаметно для себя самого подошёл к границе двух мексиканских штатов. Кое-как сколоченная из досок будка, с громким названием «Офис дорожной полиции» и палатки, укрытые со всех сторон мешками с песком, в которых сложены ящики с кока колой, это полицейский заслон – родственник нашему посту ГАИ. Из под палаточного навеса выглядывают вооружённые автоматами люди в пятнистой военной форме и в касках. Мне навстречу выходит молодой парень в форме военной полиции. Он лениво машет рукой – стой, мол, приехали. Я понимаю, что поговорить с европейцем – одно из немногих развлечений у этого мексиканца. Взгляд чуть нагловат, - что поделаешь, служба, - он знает, что имеет множество способов выудить деньги у любого человека, проезжающего через пост. Мне не помогает дежурная фраза, в которой я пытаюсь поскорее сообщить факт незнания испанского языка. Он чуть улыбается в ответ и переходит на ломаный английский. Делать нечего, приходится стать участником глупой беседы. Узнаю, между прочим, что у него родился сын, что сам он родом из Чиуауа – города на севере Мексики и тоже умеет ездить на велосипеде. Замечает, что моя сумка довольно большая, ненавязчиво предлагая мне «оставить» часть груза у него на посту. Пробует надёжность насоса и, улыбаясь, просит мой паспорт для осмотра. Я достаю вместо паспорта документ, выданный мне в посольстве Мексики как специальному корреспонденту журнала «Физкультура и спорт».

- Так ты репортёр? – он сосредоточенно чешет ухо и хмурит брови – корочки с красноречивой надписью «пресса», действуют магически.

- Да, имею специальное разрешение вашего многоуважаемого правительства, - отвечаю ему, а сам наблюдаю за произведённым эффектом. Мне интересно – как он поведёт себя дальше. – Изучаю особенности мексиканской культуры, чтобы рассказать об этом жителям России.

- А-а-а, - он чешет нос и продолжает вертеть в руках моё удостоверение.

- Это хорошо, что я вас встретил. – Гляжу ему в глаза и улыбаюсь, - я рад, что полицейские в Мексике такие грамотные. Знают два языка, знают культуру и порядки. - Он улыбается и отдаёт мне документ обратно.

- Будь осторожен, дорога не очень широкая, остерегайся машин, – полицейский забыл о величине моей сумки, а я пытаюсь просто быстрее закончить не совсем приятный для меня разговор.

- Вообще-то я учитель географии, - надеюсь, что он понимает кто такой учитель, и что за предмет – география. – Но он удивляется и замолкает, я вижу, что ему хотелось бы продолжить беседу, но он не совсем знает, как это сделать.

Я же стараюсь поскорее воспользоваться возникшей в разговоре паузой, - сажусь в седло велосипеда и прощаюсь с полицейским по-русски, по-испански, и по-английски, чем озадачиваю его ещё больше. Он вяло машет мне в след, забыв, видно, цель и смысл нашего разговора.

Дорога начинает подниматься вверх. Сначала подъём этот едва заметен, затем он превращается в серпантин и вот уже его упрямые петли укладываются друг на друга слоёным пирогом. Собственно здесь заканчивается царство ацтеков в древних своих границах. Ацтеки-завоеватели покорили в своё

время всю Среднюю Мексику, но считали своим государством лишь окружённую со всех сторон высокими горами огромную Мексиканскую долину. Вот такая таинственная страна «за горами, за морями».

И вот сейчас я лезу вверх, чтобы оставить её позади и ступить на землю тотонаков. То пешком, то на велосипеде продвигаюсь к перевалу. С каждым километром пути становится значительно холоднее. Сосняк упрямо лезет со мной куда-то вверх. Он становится всё гуще и гуще. По карте высота перевала немногим ниже трёх с половиной тысяч метров. Никак не получается вдохнуть полной грудью – наверное сказывается высота, а дорога, выписывая очередную петлю опять исчезает где-то вверх. Нет, сегодня до вершины не добраться. Ну и ладно. Ныряю в пролом проволочного придорожного ограждения, легко нахожу местечко для палатки. Усталость сковывает мышцы, ноги путаются в невысокой траве, а сил поднимать их нет. Средство восстановления одно – гимнастика. Она у меня особая. Включает и растяжки, и различные махи, шпагаты, стойку на руках, упражнения на самосопротивление. Предпочитаю делать её утром, и тогда она даёт необходимую для активной жизни энергию. Но иногда, как, например, сегодня, она способна сослужить добрую службу, помогая восстановить измотанные мускулы. Вернее, она распределяет локальную усталость равномерно по всем мышцам, превращая её из «дикой» в «приятную».

Спустя три дня я попадаю в Тахин, город древних тотонаков и опять погружаюсь с головой в древность. Здесь, вдоль побережья Мексиканского залива тянулась когда-то эта загадочная страна, которую первые испанцы окрестили «царством прислужников Смерти». Главным богом у них был Бог Дождя, которому жрецы регулярно приносили многочисленные человеческие жертвы, и жертвами этими часто служили не только пленники или рабы, но и маленькие дети, кровь которых считалась священной. И сейчас среди восстановленных развалин Тахина можно увидеть храм в его честь, с алтарём и каменным изваянием этого ненасытного божественного монстра. Трёхметровое каменное изваяние Бога Дождя имеет в сечении форму странного треугольника, вытянутого вперёд острым углом. В верхней части этой треугольной призмы вырублено лицо с глазами, которые способны смотреть одновременно вперёд и в стороны. Именно поэтому невозможно спрятаться от взгляда его немигающих, пронзительно злых глаз. Какая-то неведомая сила заставляет занять место на узкой площадке перед этим каменным идолом. Хочется встать прямо перед ним, глаза в глаза и замереть навсегда. Требуется приложить некоторое усилие чтобы заставить себя скользнуть взглядом вниз, к его ногам, которые внизу будто растворяются в монолите камня. Маленькие руки с почти детскими пальчиками удовлетворённо сложены на животе, словно он только что насытился. Отсюда, с этого места чётко виден геометрически безукоризненный контур пирамиды. Странные башни по краям похожи на два огромных каменных молота, которые возвышаются как знак неизбежной смерти, а сам Бог Дождя, как сама Смерть, криво улыбается, будто понимает, что выбранной жертве никуда от него не уйти. Его глаза словно гвозди впиваются в лицо стоящего перед ним. Делаю шаг в сторону – он провожает меня взглядом одного глаза и всё той же недоброй кривой усмешкой, а геометрия и величие пирамиды не нарушается нисколько, и это поразительно!

Чуть поодаль, по одной диагонали с предыдущей (!) возвышается пирамида с нишами – Символ Времени – шестиступенчатое, конусовидное сооружение. Ступени символизировали дни недели, а ниши - дни года. По всему периметру каждой ступени на одинаковом расстоянии друг от друга выделаны глубокие квадратные глухие отверстия из обработанного камня, числом в триста шестьдесят пять. Седьмой по счёту ступеней был когда-то храм, стоявший на самом верху, с жертвенным камнем и ложбиной для стока крови. Его, этот храм разрушили конкистадоры, убоявшиеся полубезумных от убийств тотонакских жрецов. И сейчас камень пирамид кажется красным на солнце, словно от вьёвшейся в него крови, и я почти уверен, что ночью здесь невозможно уснуть – в ушах будут стоять вопли тысяч умерщвлённых младенцев. А может быть жрецы, или их тени до сих пор приходят сюда по ночам, чтобы исполнить свою службу?! Испанцы утверждали, что в каждой нише они видели головы принесённых в жертву людей.

Я не успеваю придти в себя от разнообразия чувств после Тахина и его соседа города Земпоалы, как в Халлапе, городке, в котором находится крупнейший в Мексике археологический музей, натываюсь на интереснейшую находку. Каменная голова, размером с натуральную, словно она часть статуи, выставлена за стеклом. Она перекрывает необычностью даже увиденную в соседнем зале каменную бабу, высеченную из цельного куска твёрдого камня, - абсолютную родственницу монгольского аналога! В чертах лица увиденной головы нет ровно ничего индейского. Лицо треугольником сходится к подбородку. Нос прямой, большой, словно передок ялового офицерского сапога, глаза чуть навыкате, прямо поставлены, на голове странного покроя шапочка, а в больших ушах круглые, тяжёлые серьги. Лоб широкий, чуть покатый и зубы не подпилены, как у остальных, выставленных здесь же скульптур.

Как говорится, ни дать, ни взять – житель Ближнего Востока, хозяин финикийских или древнеегипетских моряков. Взгляд очень уж уверенный, – видимо и смерти не боялся, и деньгами большими владел. Как будто не пленником он был, а почитаемым, равноправным гостем или купцом. И, видимо, глубоко уважаем он был у тотонаков, коль с такой тщательностью запечатлели их мастера в камне его лицо. Загадка? Несомненно. Значит они общались и даже, может быть торговали друг с другом? Значит прав был Тур Хейердал, пустившись в путь через океан на камышовой лодке «Ра», пытаясь ответить на многочисленные вопросы историков-американистов и египтологов? Но даже ему – великому практику нашей эпохи не удалось убедить в правоте своих предположений книжных теоретиков, опирающихся исключительно на «бумажные» факты. Но древние индейцы, словно поддерживая великого норвежца, дают ему в руки ещё один неоспоримый факт существовавшей некогда связи. Это памятники Ла-Венты, древнейшего центра индейцев ольмеков. Я сейчас еду туда, то выходя к океану, то поднимаясь в горы. Проезжаю по узкой песчаной косе, где с одной стороны бьются в берег волны океана, а с другой блестит спокойная вода залива Альварадо, куда заходили корабли Кортеса пятьсот лет назад. Пеликаны планируют над самой водой, как фанерные, едва не задевая крыльями кипящего барашка волны. Кажется – выброси она свою руку, – и смахнёт птицу без следа. Нет! Пеликаны идут на бреющем полёте вдоль волны и чуть впереди, она не может догнать, хоть и прикладывает все силы.

Местные настойчиво приглашают в гости и я соглашаюсь в один из вечеров, когда мне никак не удаётся найти приличное место для палатки. На заходе солнца я попадаю в длинное горное село, которое этажами расположилось вдоль дороги, растянулось на несколько километров и никак не хочет заканчиваться. Темнеет на глазах, я рискую попасть под машину, напороться в темноте на змею, или ядовитую колючку. Приглашение кстати, но я ещё никак не решусь и сомневаюсь. Незнакомые люди, непривычные устои быта и незнание языка никак не дают принять решение. Убеждает остановиться православная часовня, невесть откуда здесь взявшаяся. Мексиканцы тычат пальцами в сторону, где блестит её купол, хлопают меня по спине, приговаривая: «Русо, русо». Ну что ж, в конце концов на то оно и путешествие. От местного населения оградиться не получится при всём желании. Спустя несколько минут я ступаю на порог крестьянского дома, и опять всё происходящее кажется мне сном. Вижу себя словно со стороны, словно в зеркале. Пол дома глиняный, убрано чисто. Есть телевизор, столы, кровати. Я складываю видеокамеру, фотоаппарат, документы в рюкзак и беру всё это с собой – бережёного, как говорится, Бог бережёт. Остаётся надеяться, что велосипед, оставленный снаружи, не пострадает. Ужинаем. Какое-то, завёрнутое в листья кукурузы кушанье, очень вкусное и своеобразное, меня радует. А вот бурито – кукурузная лепёшка с завёрнутой в неё начинкой из овощей и острого мяса, вызывает сомнения, но я не хочу обижать гостеприимных хозяев, доедаю до конца и надеюсь на силу своего желудка. После ужина целый час мы пытаемся преодолеть языковой барьер, стараемся наладить беседу, но у крестьян свой распорядок, который устраивает и меня. Спать они ложатся рано, так же рано встают, и с восходом солнца я уже продолжаю путь.

Ла-Вента оказывается маленьким городком, затерянным посреди болот. В этих местах были найдены огромные каменные головы весом до двадцати тонн, вырезанные из цельной базальтовой плиты. Одно то, что плиты доставлялись сюда с расстояния в сто двадцать километров, уже является загадкой. Говорят, что ольмеки использовали плоты. Они откалывали, или находили у берега моря кусок цельной горной породы, грузили его на плот и по морю доставляли к реке Тонала. Затем, двигаясь против течения, тащили глыбу сюда, в Ла-Венту, волокли через непроходимые заросли сельвы несколько километров, и уже здесь, на месте, каменными орудиями отсекали всё лишнее. На «головы» ольмеков надет обязательный шлем, подобный шлему древних нубийцев – (так называли жителей Верхнего Нила во времена первых фараонов), а лица «голов» имеют явно выраженные негроидные черты. Может быть, древние индейцы решили запечатлеть всю команду прибывших из-за океана, выразив им честь именно таким образом? Но почему Ла-Вента? Правда здесь находится высокий конусовидный холм, который возвышается над болотами и остатками сельвы. Может быть, его почитали как священное место? Но почему именно холм удостоился такой чести? Он не похож на рукотворный. Я обхожу его со всех сторон, поднимаюсь на вершину. Холм Ла-Венты напоминает мне Никольскую гору, у которой стоит мой посёлок Сурское.

Она ничем не примечательна, разве только тем, что стоит обособленно, словно сама по себе. Вот только притягательной, почти магической силой обладает, как магнитом притягивает сердце. Где бы ни был, где бы ни находился, я чувствую её силу, её зов. Он сильнее заморских красот и чудес. Он сильнее меня. Сознание успокаивается и расслабляется только здесь, когда я поднимаюсь на её вершину. Облака отсюда кажутся совсем близкими и не грозными. Ветра набрасываются на меня со всех сторон, едва я ступаю на ровную площадку вершины, но они словно выдувают мусор из мозгов и наливают тело силой. Это странно. Это удивительно! Но это так.

Холм Ла-Венты не спешит отпускать. Обхожу его вокруг, дважды взбираюсь на вершину. Вот здесь, на его округлой макушке стояла огромная каменная голова и жертвенник. Похоже, что я нахожусь в самом «сердце» страны древних ольмеков. Сюда до сих пор приходят индейцы из окружающих деревень. Вижу двоих из них. Мы встречаемся на западном склоне холма. Они молча поднимаются, я делаю шаг в сторону, пропуская их к племенной святыне.

Но каким образом индейцам удавалось доставлять нужный для строительства материал в Ла-Венту? Мало того, что надо как-то подтащить найденную базальтовую многотонную глыбу к берегу, нужно было ухитриться погрузить её на плот, а затем по воде океана проделать путь в сто километров! Каким образом удавалось доставить её сюда? Как, удавалось дотащить её до места через непроходимые дебри сельвы? Какими орудиями работали древние художники чтобы придать глыбе черты человеческого лица?

Говорят, что любая тайна рано или поздно раскрывается. Но тайна Ла-Венты особая. Нужно, чтобы каменные головы заговорили. Чтобы они сами рассказали свою историю от начала и до конца. Или нужен второй Тур Хейердал, который найдёт ключ к решению задачи. Жизнь показывает, что исторические пути разных народов пересекаются порой, самым неожиданным образом. Кто знает – не найдём ли мы исторических родственников там, где меньше всего ожидаем их увидеть?

«Вместо эпилога».

Я улетаю из Мексики со странным чувством. Словно я побывал в двух государствах сразу. Одно – очень древнее, полное загадок и чуть приоткрытых тайн, другое – шумное, наполненное людьми, машинами, кактусами, пылью, фруктами, запахом океана и нечистот, высококлассными отелями и убогими хижинами. Но сказать могу одно – Мексика - край, достойный посещения. Я очень рад, что мне удалось хотя бы мельком, едва приоткрыв дверь взглянуть на эту страну.

Февраль 2008 года.

Послесловие

или хорошо там, где нас нет.

...- Хочу посмотреть другую страну!

- Нет ничего проще. Доставай визу и вперед! Сейчас это не сложно. Но прежде подумай! Если тебя ничего не удивляет дома, значит и где-то там, за далёким горизонтом вряд ли что-то способно удивить! Ведь ТАМ кипит точно такая же, как у нас, суетливая жизнь. Люди зарабатывают на хлеб, общаются, верят в Бога - в СВОЕГО Бога. Тем более прежде нужно подумать, ведь в пути необходимо уметь выдерживать неизбежные лишения и трудности....